

502.0
E35

ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ

КУЛЬТУР ВОСТОКА

ВОФЬЯ ЕЖЕВСКАЯ

**С ГЛАЗУ
НА ГЛАЗ
СО
СФИНКСОМ**

Зофья Ежевская

**С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ
СО СФИНКСОМ**

*Перевод
с польского*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1962**

Zofia Jeżewska
ZE SFINKSEM W CZTERY OCZY

Warszawa, 1953

Перевод
Т. КАУЛИНОЙ

Весной 1957 г. польские археологи во главе с профессором Казимежем Михаловским вели раскопки Атрибиса — одного из крупнейших городов древнего Египта. В работе этой экспедиции принимала участие репортер Польского радио Зофья Ежевская. По возвращении на родину она написала книгу, перевод которой и предлагается читателям. Кроме описания деятельности экспедиции, в книге содержатся яркие зарисовки быта, характеристика художественной жизни Египта, рассказывается о египетской молодежи, о замечательных памятниках древнего Египта. Специально для русского издания Зофья Ежевская написала послесловие, в котором рассказала о раскопках, проведенных польскими археологами в древнем Атрибисе в 1958—1959 гг.

ВСТРЕЧА С КАИРОМ

— Дамы и господа, застегните ремни.

Застегиваю ремень, прилипаю к окну и... замираю от неожиданности. Под нашим самолетом — как бы выбитый блестящими гвоздями разноцветных огней простой и современный план города. Это — Каир. Голубыми лампами обведены многоугольники площадей, розовые, зеленоватые или золотые огоньки прочерчивают направление улиц, белые и лиловые овалы указывают на спортивные площадки и стадионы.

Самолет снижается.

Теперь я различаю несколько десятков белых стрельчатых башен, окруженных коронами красных ламп. Это — мечети Каира. Кто-то из пассажиров говорит по-английски, что такая иллюминация устраивается каждую ночь по случаю длящегося весь апрель религиозного поста Рамадана.

Мы над самой землей.

Уже видно ярко освещенное здание аэропорта с арабской вязью на фронтоне.

Легкий толчок. Колеса самолета коснулись плит аэродрома. И вот я на египетской земле.

Пройдя наконец паспортные и таможенные формальности, сталкиваюсь с двумя сотрудниками нашего посольства. Они ждут меня уже несколько часов. Приветствую их как спасителей. Дело в том, что египетские таможенные чиновники, увидев мой магнитофон, потребовали предъявить разрешение на вынос его в город. Увы, такого разрешения у меня не было. Объясняю им, что я, как корреспондент Польского радио, командированный для передачи репортажей из Египта,

не могу обойтись без магнитофона. Но ничто не помогает. Бесполезны и увещевания сотрудников нашего посольства. Чиновники непреклонны, и магнитофон перекочевывает в камеру хранения. Товарищи из посольства успокаивают меня; они говорят, что через несколько дней им, наверно, удастся добыть его через Министерство информации. Я же пытаюсь утешить себя тем, что все равно не смогла бы ничего записать на пленку: в дороге я простудилась и охрипла.

Садимся в машину посольства и направляемся в город. Минут пятнадцать едем по пустырям, а затем попадаем на прекрасно озелененные улицы, застроенные роскошными особняками. Это Гелиополь, один из самых красивых, но в то же время и очень дорогих жилых кварталов Каира.

Проезжаем вдоль шеренг вилл, которые тонут в экзотической растительности. У них плоские крыши, много террас и балконов; окна прикрыты жалюзи. Некоторые виллы украшены небольшими стройными колоннами в мавританском стиле. За примыкающими к виллам садами видны многоэтажные жилые дома, построенные в конструктивистском стиле. Однако не чувствуется никакого диссонанса между этими громадами и виллами совсем иной формы. Мне кажется, что это достигнуто включением между зданиями многочисленных островков зелени, в которых преобладают высокие стройные пальмы.

Постепенно улицы становятся все длиннее и шире.

Приближаемся к центру города, сверкающему уже издали тысячами разноцветных неоновых реклам. Каирские рекламы выглядят особенно красочно, так как большое впечатление своей декоративностью производит сама арабская вязь, напоминающая изящный орнамент.

Выдумка и изобретательность египетских мастеров проявляются в монтаже движущихся реклам и в подборе световых комбинаций.

Около бензоколонки замечаю наконец первых прохожих. Это двое мужчин в длинных широких белых одеяниях. На них белые шапочки, сильно контрастирующие с их смуглыми лицами.

Проезжаем широкую площадь, в центре которой вы-

сится перегруженное украшениями громадное здание, построенное в стиле прошлого века. Это Каирская опера, единственный театр в огромном городе, имеющем более двух миллионов жителей. Автомобиль сворачивает в одну из улиц, расходящихся радиально от площади Оперы. Мы останавливаемся у гостиницы «Националь».

Из кабаре «Попугай», расположенного рядом с гостиницей, выходит несколько молодых, темноглазых и темноволосых женщин, одетых с нарочитой элегантностью. Они очень красивы. Особенно нравятся мне их движения. Быстро перебирая ножками в туфельках на высоких каблучках, с полной очарования грацией несут они свои короткие широкие юбки, сшитые согласно последней моде.

Нашу машину окружает более десятка мужчин в разноцветных вышитых свободных одеждах. На головах у них фески или тюрбаны. Это обслуживающий персонал гостиницы.

Гигант с темным лицом и огромными черными глазами хватает мои чемоданы и тащит их к лифту. Тем временем мы направляемся к администратору, чтобы снять для меня комнату.

Какое счастье! Через несколько минут я смогу лечь и отдохнуть.

Разбудил меня неприятный запах растапливаемого жира и какой-то полный отчаяния звук — не то стон, не то всхлипывание. В ужасе вскакиваю с кровати, распахиваю жалюзи и вижу на улице двухколесную тележку с запряженным в нее грязным ослом.

Бедный осел, навьюченный тюком с зеленью, который был больше его самого, вероятно, требовал завтрака. Как только старик-погонщик бросил на землю пучок травы, ослик немедленно успокоился.

С этого дня и вплоть до отъезда осел был моим живым будильником. Я так привыкла к нему, что, если и просыпалась раньше, лежа ожидала его протяжного крика.

С интересом осматриваю улицу. Широкая мостовая, дома современной архитектуры. Много прохожих с тем-

ными лицами в разноцветных, иногда полосатых галабиях¹.

Вот посреди улицы едет на велосипеде парнишка, одетый в такую галабию. Одной рукой он поддерживает на голове плоскую корзину с булками, огромную, как мельничный жернов. С изумительной ловкостью он лавирует между мчащимися автомобилями.

Напротив гостиницы расположена большая строительная площадка. Десятиэтажная махина современного административного здания возведена почти под крышу. На содержащейся в образцовом порядке площадке снуют рабочие. Человек двадцать, образовав длинную цепочку, передают из рук в руки корзины с песком и мешки с цементом. Работа идет быстро и ритмично. Рабочие, стоящие на лесах, зубами поддерживают полы своих галабий. У остальных они завязаны на животах в толстые узлы.

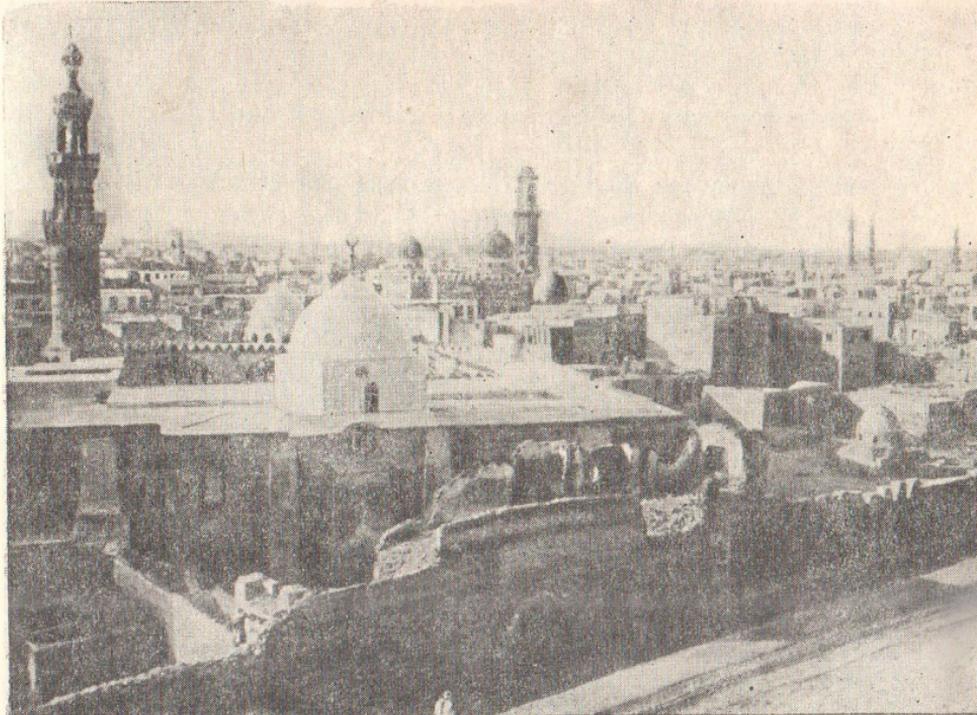
Чуть ли не каждое утро наблюдала я за их работой и восхищалась. Через несколько дней я узнала, что египетский строительный рабочий добивается высокой производительности труда, несмотря на чрезвычайно примитивную организацию работ.

Хотя в Каире строится очень много домов, жилищный вопрос там стоит остро.

В любой египетской газете, издаваемой на английском или французском языке, ежедневно можно найти несколько десятков объявлений о сдаваемых в наем квартирах. Однако во всех этих объявлениях речь идет исключительно о роскошных квартирах или виллах, плата за которые составляет не менее половины среднего заработка высокооплачиваемого чиновника и даже журналиста. Разумеется, в большей части пустующих ныне квартир жили до последнего времени англичане и французы.

Следует еще добавить, что богатые жилые районы типа Гелиополя или Аль-Замалика составляют лишь небольшую часть города. На три четверти Каир состоит из древних, узких и тесных улочек, застроенных дрях-

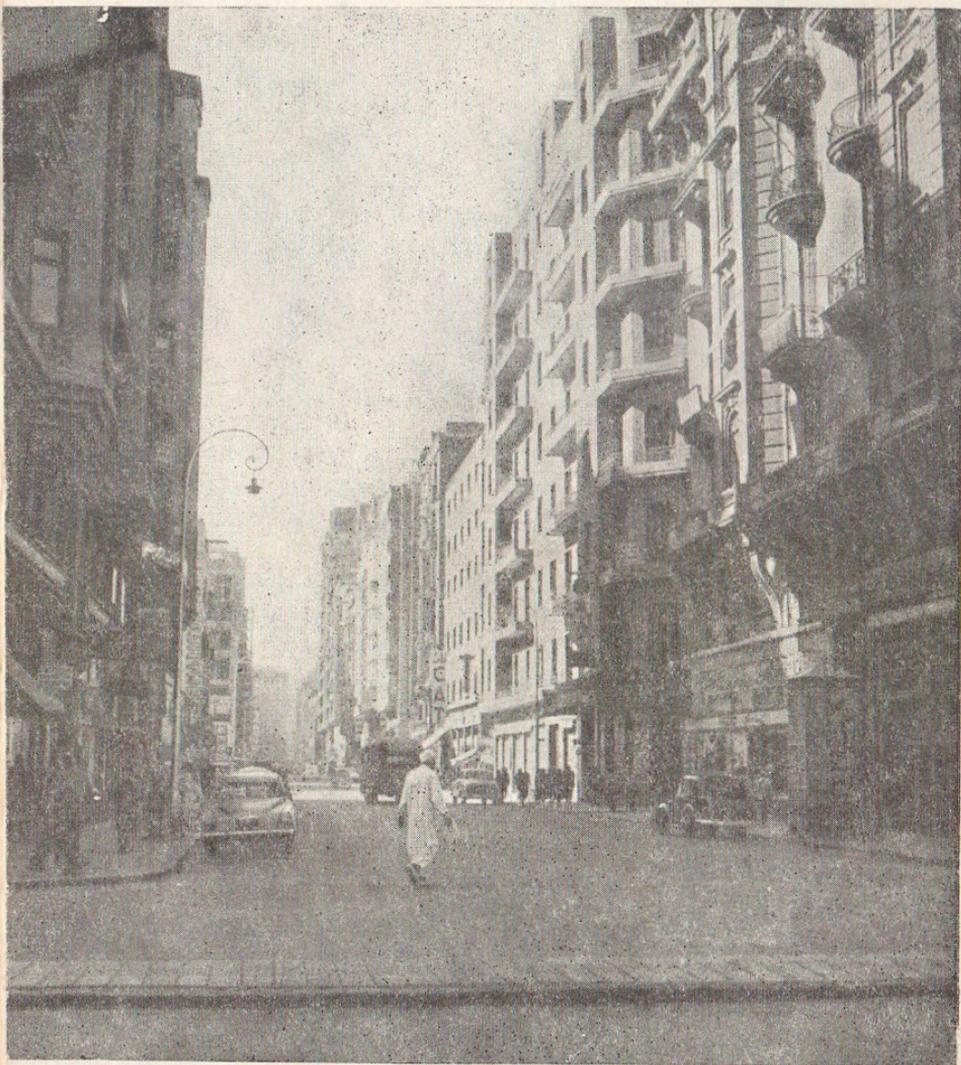
¹ Галабия — свободное, ниспадающее до пят одеяние с длинными широкими рукавами.

Общий вид Каира

Каир. Цитадель

Центр Каира

лыми, разваливающимися домишками из кирпича-сырца.

Но есть и кое-что похуже. В первый же день я отправилась в гостиницу «Континенталь», чтобы встретиться с группой живущих там польских художников. И вот из окна их роскошного номера, расположенного на шестом этаже, я увидела напротив, на плоской крыше пятиэтажного современного дома, несколько хижин, сооруженных из серой глины. Тут же развевалось сохнувшее на веревках белье, бегали ребятишки и даже бляела коза. Легко себе представить, что при тридцатипятиградусной жаре, которая держится здесь восемь месяцев в году, обитатели этих хижин чувствуют себя, вероятно, как рыба на раскаленной сковороде.

Польские художники, с которыми я познакомилась в Каире, приглашены сюда Министерством просвещения. Их опекает низкорослый полный пожилой господин в очках с роговой оправой, профессор Академии изящных искусств Абд ас-Салям аш-Шериф. Нас представили друг другу в холле гостиницы «Континенталь». Это симпатичный и непосредственный человек. Он прекрасно владеет французским и английским, и я сразу же начинаю расспрашивать его о множестве вещей. Он обещает помочь мне во всем и даже спасти мой магнитофон.

Вместе с Али Бабой, как окрестил профессора Абд ас-Салям аш-Шерифа один из наших художников, мы отправляемся на министерских машинах осматривать город.

ОДИН ВЗМАХ МЕЧА

Когда в 640 году Амер ибн аль-Ас, командующий войсками халифа Омара, после завоевания Александрии овладел столицей древнего Египта Мемфисом, он не задержался надолго в этом городе, а повел своих арабских воинов на восток, туда, где начинается дельта Нила. Шейхи, уставшие от сражений, испугались, что он прикажет им покинуть плодородный оазис нильской дельты и поведет их обратно в пустыню. Но полководец, остановившись там, где росли последние полузасыпанные песком пальмы, приказал развьючить верблюдов и воскликнул:

— Аль-кахира! (Победа!) Здесь мы разобьем наш лагерь.

Тогда к нему подошли два громадных нубийских раба и, пав ниц, спросили:

— На какой стороне реки прикажешь, о великий, поставить твой шатер?

— На правой! — ответил Амер ибн аль-Ас и, выхватив из ножен усыпанный драгоценными камнями меч, провел одним взмахом линию на песке.

— Здесь будет мой шатер (аль-фостат).

И вот именно здесь, повествует старая арабская легенда, вырос город Каир, названный так в ознаменование великой победы. И точно в том месте, где Амер ибн аль-Ас провел на песке линию своим мечом, была воздвигнута на вечную память мечеть Аль-Фостат; это наименование было затем распространено на возникший у подножия мечети древнейший район Каира.

Легенда бывает иногда самым достоверным источником. Амер ибн аль-Ас разбил свой лагерь, а затем

построил здесь крепость, вероятно, потому, что для прибывших с Востока арабов она стала прекрасным опорным пунктом, защищавшим Египет от врагов как с севера, так и с запада. Кроме того, создав базу на самой границе пустыни и орошаемых нильскими водами полей, арабы в любой момент могли перебрасывать войска с востока на запад и с запада на восток; таким образом они господствовали над Египтом.

Каир имеет ярко выраженный арабский характер. В архитектуре его самых старых районов, а также некоторых новых, особенно датируемых первой половиной XIX века, доминируют традиции ислама. Впрочем, ислам господствует в Каире во всех областях культуры, тем более теперь, когда все его традиции превратились в традиции национальные.

После покорения Египта арабы, хотя и не уничтожили его древнюю культуру, ничего не сделали для ее сохранения. Именно поэтому древний Египет буквально вынырнул из песков пустыни лишь в XIX веке благодаря английским, французским и немецким археологам.

Нельзя все же забывать и о том, что у арабов в VII веке были прекрасно развитые наука и искусство, которые они принесли на остриях своих мечей в Египет. Уже через несколько десятилетий после вторжения халифа Омара и основания Каира здесь возник первый в мире университет Аль-Азхар, называемый мозгом ислама. Ныне в нем обучается двенадцать тысяч студентов из разных стран мусульманского мира.

Культура древнего Египта восстановила в современном Египте свои права; ныне она окружена таким же почетом, как культура ислама. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что на площади перед железнодорожным вокзалом в Каире стоит статуя Рамзеса II, добытая из-под развалин насчитывающего три с половиной тысячи лет храма в окрестностях Мемфиса.

Экскурсию по городу мы начинаем как раз с осмотра этой статуи.

Современный Египет избрал, по-видимому, единственно правильный путь, окружая одинаковым почетом как фараоновский, так и мусульманский элементы своей культуры. Уже при первом знакомстве с Каиром

меня поразили оба этих его старых облика наравне с третьим — современным.

Новая часть города расположена на равнине, простирающейся вдоль берегов Нила, который двумя своими рукавами охватывает самый фешенебельный европейский район — Аль-Замалик.

На правом берегу реки улицы Каира постепенно поднимаются к возвышенности, над которой господствуют могучие стены цитадели. В ней находятся четыре мечети. Прекраснейшая из них, несомненно, — алебастровая мечеть Мухаммеда Али.

Мухаммед Али, арабский солдат турецкой армии, назначил себя в 1805 году властелином Египта. Свое правление он начал с кровавой бойни, сделавшей его имя известным во всем мире. Чтобы упрочить свою деспотическую власть, он пригласил на пир четыреста восемьдесят мамлюков¹ и приказал всех их убить. Прямым потомком Мухаммеда Али был последний король Египта Фарук, лишенный трона в результате революционного переворота 1952 года.

На сером песчаном холме Мокаттаме, поднимающемся выше цитадели, почивают в тишине и спокойствии в похожих на дома гробницах как предки мамлюков, убитых Мухаммедом Али, так и его потомки, представители основанной им династии.

Перед посещением кладбища мы спускаемся вниз по дороге, ведущей от подножия цитадели к самой величественной мусульманской святыне Каира — мечети султана Хасана (XIV век). Ее стройный минарет достигает высоты девяноста метров.

Для того чтобы построить мощные стены своего храма, султан Хасан совершил настоящее святотатство. Он приказал снять с пирамиды Хеопса в Гизе ее тысячелетний гранитный плащ.

С нашей возвышенности Каир виден как на ладони.

¹ Мамлюки (по-арабски — «купленные рабы») — военнопленные, обычно турки или представители кавказских народностей, из которых комплектовалась личная охрана правителей Египта. Они образовали господствующую прослойку и пользовались огромным политическим влиянием. — *Прим. изд.*

Сейчас полдень. Знойное марево окутывает город словно прозрачное, но плотное покрывало. Трепещут белеющие над плоскими крышами домов пузатые купола мечетей. Куда ни бросишь взгляд, везде видны их приземистые контуры, перечеркнутые стройными башенками...

Поднимаясь по склону Мокаттама, мы вдруг очутились совсем в библейской атмосфере.

Тут нет ни деревьев, ни кустарника... песчаный пустырь, на котором кое-где сереют низкие домики с плоскими крышами, построенные из растрескавшегося кирпичика-сырца.

Все кругом посыпано белой пылью. Тучами клубится она над песчаной дорогой, по которой бредут закутанные в шали женщины в длинных черных одеждах. Многие из них несут на голове глиняные кувшины. У женщин оливковые лица и глубокие темные глаза. Мы все время встречаем невозможно грязных детей, протягивающих худые ручонки за подаванием.

Прямо перед нами едет на осле бородастый старец. Его голова обмотана белым платком. Из-под коричневой галабии свисают тощие, как жерди, ноги в тапках без задников. Как только осел замедляет шаг, всадник бьет его толстой палкой из сахарного тростника. Он выглядит как иллюстрация к Ветхому завету.

Мы поднимаемся по узенькой улочке между красноватыми низкими строениями без окон. Это мусульманские гробницы Мокаттама. Каждая семья имеет здесь свою гробницу, скромную или побогаче в зависимости от средств. Величественны отягощенные мраморными и латунными украшениями, с окованными бронзой дверьми гробницы, в которых покоятся мусульманские владыки Египта—султаны мамлюков, потомки тюркских рабов.

С Мокаттама ясно видны четкие контуры трех пирамид Гизы, треугольные массивы которых возвышаются за южной окраиной Каира. Их строгий рисунок резко контрастирует с кружевной ажурностью минаретов и чувственной округлостью куполов сотен мечетей, возвышающихся над городом. Пирамиды как бы напоминают, что под оболочкой ислама кроется совсем иная культура.

Взволнованная до глубины души тишиной и строгостью города мертвых на Мокаттаме, я повторяю про себя выбитый на одной из султанских гробниц стих Корана:

Во имя благого и милосердного бога,
Человек может иметь то, что добудет собственными
силами,
Его усилия будут оценены по их подлинным замыслам,
А за все, что он совершит, он получит заслуженную
награду.
(Коран, глава 53, стих 402).

Не успели мы стряхнуть с себя торжественную атмосферу Мокаттама, как наша машина помчалась обратно к центру Каира.

Мы окунаемся в бьющую ключом жизнь большого города. Широкие улицы поражают блеском роскошных витрин и оглушают шумом. По тротуару плывет толпа, преимущественно в европейских костюмах.

Миновав просторную, всю в зелени площадь перед оперой, наш автомобиль вновь втискивается в узкие улочки. Однако дальше ехать невозможно, так как тысячи людей запрудили не только тротуары, но и мостовые. Мы вынуждены выйти из машины и пробираться дальше пешком.

В этой части города расположены знаменитые базары: Аль-Муски, Хан аль-Халили, Сук ан-Нахассин, Саида и многие другие.

Узкие переулки непрерывно выбрасывают на площадь все новые экзотические фигуры. Многие направляются к лоткам, заваленным апельсинами, бубликами и золотистыми лепешками.

Среди торговков немало красивых, кокетливых, ярко одетых арабских девушек с огромными глазами; их черные волосы высоко собраны на голове. Есть и рыхлые старухи; у них темные утомленные лица, скрытые под прозрачной вуалью, спускающейся с узкой повязки на лбу.

В толпе преобладают мужчины; чаще всего они одеты в белые галабии одного и того же покроя. Кожа их лиц имеет самые различные оттенки, от золотистого

и оливкового до бронзового и эбеново-черного. Но даже у самых черных не видно негритянских черт.

Мы углубляемся в узкую горловину улицы Аль-Мушки. Вдоль стен — нищие. Они стонут, молятся, выставляя напоказ обрубки конечностей или гноящиеся, опухшие веки невидящих глаз.

Со всех сторон напирают лавчонки, ларьки и мастерские ремесленников. В одних висят пушистые ковры с коричнево-синими узорами, в других — ткани, отличающиеся золотом и серебром, и кружевные шали; в третьих приковывают взор великолепная цветная керамика, блестящие или матовые художественные изделия из металла.

Каждую минуту кто-нибудь из нас отстает, засмотревшись на очередной ларек на базаре. Меня неотразимо влекут чудесные изделия из металла. Увы, цены круглых резных подносов, кувшинов и чаш явно превосходят мои финансовые возможности.

Вхожу в сумрачную глубину мастерской, где бородастый старик, сидя по-турецки, маленьким молотком вклепывает серебряную проволоку в латунный поднос, покрывая его тонкими арабесками узора.

Он поднимает голову, любезно улыбается и жестом приказывает лохматому мальчику показать мне всю мастерскую. Бросаются в глаза какие-то четырехугольные лампы, кубки и кувшины, подносы и продолговатые сосуды. Все это покрыто тонким рисунком. Хотя я и покидаю мастерскую чеканщика, ничего не купив, бородач прощается со мной низким поклоном и вежливой фразой.

Целых два часа мы бродим по базарам.

После полудня вновь появляюсь в гостинице «Континенталь». В комнате наших художников нахожу толпу молодых египтян, которые оживленно спорят о разложенных на полу полотнах Юзека Халаса.

Али Баба знакомит меня с журналистами, работающими в популярном прогрессивном каирском журнале. Среди них бородастый Хаким, похожий на ассирийского жреца, хотя ему, вероятно, лишь немногим более двадцати; еще моложе Мустафа, высокий и полный, с лицом десятилетнего мальчика. Худощавого мужчину средних лет с очень смуглым лицом и умным взглядом близ-

ко посаженных глаз Али Баба представляет мне как своего племянника Хасана.

Хасан — искусствовед-критик и одновременно стенограф. Он свободно говорит по-французски, и мы сразу находим много общих тем, связанных с журналистикой.

Мне нравятся его лаконичные и меткие замечания о картинах, которые лежат перед нами. Импонируют мне также его молниеносная реакция и чувство юмора. Не проходит и получаса, а мне уже кажется, будто мы знакомы несколько лет.

В комнате толчея. Сидим на чем попало: на кроватях, столах, даже на полу. Все курят, и просто нечем дышать; к тому же, несмотря на приближение ночи, жара не спадает. Наоборот, делается все более жарко и душно. Говорят, что дует хамсин — ветер пустыни.

Наши художники вошли в азарт и горячо спорят с египтянами. При этом они пользуются каким-то воляпюком, составленным по крайней мере из трех языков, не считая польского.

Вдруг шум нарастает, а суета еще более усиливается. Бася Фальковская и Пшемек Брыкальский бросаются на шею одному из входящих египтян. Это очаровательный парень со светлой кожей лица и черными смеющимися глазами. Мне сообщают, что его зовут Хаграз, он ваятель из Александрии и полгода занимался в Польше у профессора Дуниковского. Живой, как огонь, Хаграз общителен и словоохотлив. Он немедленно вступает в дружбу со всеми поляками.

Тем временем Хасан и Хаким предлагают мне посетить их редакцию. Разумеется, я сразу же соглашаюсь. Минуту спустя мы уже едем в маленьком красном редакционном автомобильчике на улицу Журналистов, где в шестиэтажном здании помещается редакция «Аль-Маса».

Редакция как редакция... Не стоит ее описывать, ведь редакции во всех странах выглядят одинаково.

Хасан приглашает зайти в его отдел и представляет мне своих коллег. В основном это очень молодые люди. Бросается в глаза отсутствие женщин.

На письменном столе Хасана в пузатой глиняной вазе стоит букет едва распустившихся бледно-желтых

роз. Поразительный контраст с обыденной серостью редакционной обстановки. У меня невольно вырывается возглас:

— Какие чудесные розы!

Хасан вынимает букет из вазы, стряхивает с роз воду и подает их мне через стол. Чувствую себя немного неловко, но, разумеется, принимаю: ведь в Варшаве мне не часто приходится получать такие подарки.

На следующий день я узнала, что розы на улицах Каира намного дешевле, чем у нас полевые цветы. И тем не менее я сохранила в памяти этот милый жест коллеги как одно из многочисленных проявлений дружелюбия египтян.

В Каирской опере идет спектакль, поставленный по мотивам фольклора жителей дельты Нила. Музыка к нему также представляет собой обработку народных песен.

Теперь уже около девяти, но Хасан сумел провести нас в оперу. Мы проникаем за кулисы, где нас встречает очень приятный пожилой египтянин — режиссер спектакля.

Перегруженный украшениями зал в стиле конца XIX — начала XX века заполнен исключительно египетской публикой.

Гаснет свет, и под звуки арабской музыки раздвигается красный занавес.

Спектакль называется «Иа лейл иа эйн»¹. Это легенда о парне из прибрежной деревушки, который влюбился в золотистую сирену, выплывавшую каждый вечер из реки. Напрасно борется с ее очарованием молодой феллах. Ничто не помогает: ни мольбы его возлюбленной — девушки из соседней деревни, ни уговоры ее семьи и соседей. Парень бросает работу, покидает безутешную невесту, обеспокоенных друзей и, блуждая в камышах над рекой, все время поджидает соблазнительницу. Однако сирена не появляется, и юноша идет в Каир, чтобы посоветоваться с мудрецом из мечети Аль-Азхар, как обрести свою мечту.

¹ Глаза, черные как ночь (араб.).

163394

А в Каире в это время справляют Рамадан. Ночью по узким улочкам шествуют мусульманские священнослужители с зажженными фонарями в руках и поют ритуальные песни с постоянно повторяющимся припевом: «Вахахи, иа вахахи».

Старый мулла сообщает парню заклятие, которое поможет ему призвать сирену. В этот момент его находит невеста и силой уводит в родную деревню. Однако в канун свадьбы у берегов Нила вновь появляется золотистая сирена и завлекает юношу соблазняющим пением. Пытаясь ее поймать, молодой крестьянин тонет в водовороте.

Спектакль такого типа впервые идет на сцене оперного театра. До сих пор здесь ставились только классические европейские оперы.

Многое можно было бы поставить в упрек этой первой попытке придать народный характер египетскому театру. И все же я глубоко почувствовала очарование народной музыки, песен и танцев, услышанных в этом зале.

Думаю, что такого же мнения придерживалось и большинство зрителей. Во всяком случае артистов много раз вызывали.

Когда после спектакля мы шли по утонувшим во мраке улицам Каира, издали доносились песни Рамадана. Это были те же мелодии, которые я только что слышала на сцене. Прошла мимо нас и группа людей с зажженными фонарями в руках. Мне показалось тогда, что спектакль продолжается и что я стала одним из его действующих лиц.

РАМАДАН И ПОЛЬША

Из года в год приверженцы ислама справляют тридцатидневный пост — Рамадан. Он начинается обычно весной в дни полнолуния.

Во время Рамадана, согласно указаниям Корана, каждый верующий обязан воздерживаться от приема пищи и даже напитков от восхода до захода солнца. Кроме того, все верующие должны посвящать как можно больше времени молитвам и размышлениям над текстами Корана.

Когда я прибыла в Каир, кончался третий день Рамадана. Первое, что мне бросилось в глаза, были янтарные четки в руках почти у всех мужчин. Эти четки, называющиеся сибха, я видела и у юношей, одетых в изящные европейские костюмы, и у старцев, закутанных в галабии, с тюрбанами на голове. Различие состояло лишь в том, что старики перебирали четки незаметно и при этом ревностно молились, а юноши, проводящие время в кафе или холлах фешенебельных гостиниц, делали это демонстративно и с некоторым снобизмом.

Сибха состоит из тридцати трех или девяноста девяти бусинок. После каждой молитвы во время Рамадана правоверный должен столько же раз повторить фразу: «Аллах акбар субха аллах аль а зин»¹.

Сибхи показались мне поразительно знакомыми. Я рассмеялась от всей души, когда несколько дней спустя кто-то сказал мне, что их производит в Польше

¹ Аллах велик, да будет благословен за все (араб.).

ЦПЛиА¹ и вывозит в огромном количестве на Ближний Восток.

Рамадан был сначала чисто религиозным праздником; ныне в Египте он приобрел особое значение как проявление национальных традиций египетского народа, который в подавляющем большинстве принадлежит к мусульманскому вероисповеданию.

Ритуальные песни Рамадана, исполняемые целыми днями перед мечетями и передаваемые по радио, включают ныне не только стихи Корана, но также патриотические лозунги и намеки на события современной политической жизни.

Разумеется, из-за поста темп дневной жизни в Каире несколько снижается. Раньше кончаются занятия в учреждениях и школах, короче рабочий день на стройках и фабриках, раньше закрываются мастерские ремесленников и даже некоторые магазины. Вряд ли следует этому удивляться. Я с изумлением смотрела на работающих при тридцатиградусной жаре строителей, подавляющее большинство которых соблюдает пост. Даже возивший нас вчера по всему городу шофер Министерства просвещения, приняв от меня в знойный полдень апельсин, не съел его, а спрятал в карман.

С приближением захода солнца все соблюдающие Рамадан нетерпеливо ожидают момента, когда по городу завоют сирены и раздадутся удары в жестяные гонги, означающие окончание мучительных часов поста.

В такое время трудно с кем-либо созвониться, что-нибудь решить или купить, так как проголодавшиеся правоверные занимаются только поглощением пищи.

Идет уже третий день моего пребывания в Каире. Наши художники настаивают, чтобы их выставка открылась как можно скорее. Достопочтенный Али Баба буквально разрывается на части, стараясь поскорее все приготовить. Мешает Рамадан. Нигде нельзя добыть листы картона, на которых должны быть размещены

¹ ЦПЛиА — объединение польских предприятий, занимающихся производством и продажей кустарных художественных изделий. — *Прим. перев.*

рисунки Брыкальского и снимки скульптур Смоляны. Писчебумажные магазины в пост либо совсем закрыты, либо работают недолго. В растерянности мы сидим в холле гостиницы «Континенталь», потягиваем апельсиновый сок и напрасно теряем драгоценное время. В это время приходит Хасан, который предлагает мне и Мустафе пообедать в арабском ресторане.

Ресторан, разумеется, пустует — ведь все мусульмане соблюдают пост до захода солнца. Здесь теперь только небольшая группа американцев, два немца и мы. Ресторан находится на втором этаже. В окнах цветные витражи, вдоль стен мягкие диваны. Официанты в фесках и галабиях подвигают к нам низкие столики с латунными подносами тонкой филигранной работы — точно-точно такие я видела в мастерских базара Аль-Муски. Каждый столик предназначен для одного лица, хотя мы и сидим рядом на диване. Это меня несколько удивляет, но после первого же блюда все становится ясно.

На столике перед каждым из нас появляются четыре громадные салатницы с изумительным салатом, свежими помидорами, луком, сельдереем и чуть обваренной свеклой. Овощи политы слабым винным уксусом и оливковым маслом. Кроме того, передо мной стоят тарелка с омлетом и латунное блюдо с лепешками.

Не успела я отведать всех яств, восхищаясь прекрасно приготовленными овощами и нежным омлетом, как вдруг на моем столике появились еще четыре огромных блюда, на сей раз с рисом, мясом и какими-то острыми густыми соусами. Я в отчаянии, так как, несмотря на явно выросший после приезда в Египет аппетит, не могу справиться даже с третьей частью обеда. Но мои спутники не спеша, даже с некоторой торжественностью поглощают все. К счастью, на десерт нам подают только фрукты — бананы и мои любимые мандарины; затем мы пьем кофе и очень приятный безалкогольный напиток с привкусом меда.

Смотрю на часы — уже начало четвертого. Али Баба, несомненно, ждет нас в гостинице «Континенталь» и сторает от нетерпения.

Хасан и Мустафа смеются над моей спешкой. По их мнению, после еды необходимо прежде всего отдохнуть.

— Тут имеются особые комнаты, — говорит Мустафа, — где после обеда можно не только отдохнуть, но даже поспать. Таковы здешние нравы.

Ну да, после такого обеда! Теперь начинаю понимать, почему строго соблюдающие заповеди Корана египтяне изящны и стройны только до тридцати лет, а потом расплываются.

Возвращаемся в гостиницу, где нас, конечно, уже ожидает вспотевший и измученный Али Баба... без бумаги.

Я неосмотрительно рассказываю ему о нашем обжорстве, и он осуждающе смотрит на Хасана и Мустафу. Сам он, несмотря на непрерывные экскурсии, встречи и всякие дела, связанные с опекой над группой польских художников, строго соблюдает Рамадан и до семи вечера не выпивает даже глотка воды.

Чувствую, что сделала ужасный промах, но Мустафа ловко разряжает напряженную обстановку.

— Рамадан карим¹, — обращается он к профессору, — следовательно, простить надо все... даже кревоудогие.

Профессор смеется над остроумной шуткой и смягчается.

Беседа, естественно, переходит на обычаи Рамадана.

— Настоящий Рамадан можно увидеть в Каире только ночью, около Аль-Авхара, — обращается ко мне Али Баба.

— Пойдем туда сегодня, ладно? — спрашивает Хасан.

Вспоминаю, что завтра предстоит очень напряженный день. Утром Египетский музей, затем экскурсия к Сфинксу и к пирамидам в Гизу. Но разве можно отказаться от столь заманчивого предложения?

Визит в радиостудию и обсуждение моих репортажей затянутся до вечера. Ловлю такси, чтобы поскорее попасть в гостиницу: ведь надо еще поужинать и переодеться. Но прежде всего ванна, ванна... Мечтаю о ней, как о величайшем благе.

¹ «Рамадан благороден» — так мусульмане приветствуют друг друга во время Рамадана.

В моем номере нет ванной. Она находится в десятке метров от моей двери. Надеваю халат и бегу в ванную.

Не успела я погрузиться в воду, как погас свет. Я было подумала, что это короткое замыкание, но, взглянув в окошко, увидела, как гаснет свет во всех домах напротив. На фоне темного неба постепенно исчезали разноцветные пятна реклам.

В тот же момент слышу хорошо знакомый протяжный вой сирен. Воздушная тревога!

Положение у меня несколько щекотливое. Вся моя одежда состоит из одного халата, нет никаких документов, а тьма тут кромешная, настоящая «египетская».

Набрасываю халат на мокрое тело и выбегаю в коридор.

В полумраке виднеется громадная белая фигура — это коридорный нашего этажа, старый нубиец Хусейн.

— Что это, разве начинается война? — спрашиваю я.

— Да, мадам, — слышу в ответ.

Теперь уже нет сомнений. Возвращаюсь в номер. Помня варшавский опыт, быстро надеваю самый лучший костюм, столь же молниеносно впахиваю все свои вещи в два чемодана и через десять минут выбегаю с ними на лестницу. На лестничной клетке налетаю в темноте на чей-то громадный живот, слышу стон и... ощупью ишу дверь в холл. Здесь множество людей, беседующих на самых разных языках, но я так взволнована, что не понимаю ни слова. Что за дурацкое положение! Проехать четыре тысячи километров, чтобы влипнуть в такую историю. С минуты на минуту ожидаю взрыва бомбы. Но за окном полная тишина. Кто-то хватает меня за руку:

— О мадам, как хорошо, что я вас встретил!

Это Морис из администрации гостиницы. Он уже давно ищет меня, желая предупредить, что это лишь учебная тревога.

Полная ярости возвращаюсь наверх и раскладываю свои платья. Они ужасно помяты, а ведь уже половина девятого. Успею ли я выгладить хоть одно из них? К счастью, опоздал и Хасан. Он был заперт в убежище, куда его насильно загнал один из бойцов противовоздушной обороны.

Разумеется, я сразу же спрашиваю его, не связано ли объявление тревоги с обострением политической обстановки.

— Ничего серьезного, но мы всегда должны быть готовы, — говорит Хасан.

Мы садимся в великолепный черный понтиак, обтянутый внутри красной кожей. Эту машину любезно предоставил нам на сегодняшний вечер главный редактор «Аль-Маса».

Едем через центр города. Навстречу мчатся разноцветные новехонькие автомобили самых дорогих марок. Витрины магазинов залиты ярким светом. Повсюду громадные сверкающие рекламы, на которых вьется красная, зеленая или желтая арабская вязь. На улицах толпы мужчин. Женщины, изящные и элегантные, видны только в машинах.

Проезжаем вдоль бульвара над самым берегом Нила. Река окутана туманом. Фонари у входов в казино и рестораны отражаются трепещущими блестящими полосами в ленивых водах реки. Таинственными тенями передвигаются во мгле темные контуры старинных барж, плывущих по Нилу. Среди обилия окружающих меня современных предметов эти баржи как бы напоминают о тысячелетнем прошлом Египта.

По другой стороне реки тянется темная полоса густо посаженных деревьев — это простирающиеся на целые километры сады Каира.

Мы поворачиваем к городу и едем по направлению к старой его части. На фоне темного неба виднеются сотни куполов мечетей и стройные белые башенки минаретов, украшенные гирляндами красных электрических лампочек.

Автомобиль въезжает в узкие переулки, полные песен и пронзительной музыки, бурлящие толпами людей. Но люди выглядят здесь совсем по-иному, чем в центре города. Исчезли куда-то европейские костюмы и роскошные автомобили. Серединой улицы плывет волна людей в белых ниспадающих одеждах, с оливковыми, а иногда эбеново-черными лицами. Машина с трудом пробирается в толпе. В наш автомобиль по минутно заглядывают какие-то люди. Среди них и стар-

цы с библейскими бородами, и детишки с темными гривами свалявшихся волос. Одни предлагают побрякушки, цветы или апельсины и бананы, другие назойливо требуют подаяния, крича:

— Бакшиш, бакшиш!

Дальше ехать нельзя. Говорю Хасану, что мне хочется вылезти из машины и идти пешком. Жизнь этих улиц слишком интересна, чтобы ограничиться беглым осмотром из окошка автомобиля. Мы выходим, отсылаем машину и двигаемся дальше пешком. Мое светлое лицо, единственное в этой яркой толпе, и прежде всего белокурые волосы привлекают всеобщее внимание.

К нам все время пристают торговцы, зазывая в маленькие, набитые всякой всячиной ларьки. Здесь отличные изделия из бронзы и позолоченной жести, тяжелые пушистые ковры, блестящие безделушки и тысячи предметов непонятного назначения.

Под стенами домов множество низких тележек с запряженными в них ослиами. На одних тележках громадные кучи золотистых апельсинов и мандаринов, на других — баранки и лепешки, на третьих — горы липких коричневых фиников.

Мы проходим под темными сводами старых ворот. В их углублении старики-нищие в отвратительных лохмотьях. Один из них, неожиданно поднявшись, показывает свои красные, изъеденные гноем пустые глазницы. Это, как объясняет Хасан, результат распространенной здесь трахомы, с которой теперь ведут ожесточенную борьбу эпидемиологические станции всего Египта.

У самой стены стоят на коленях двое мужчин в национальных костюмах; рядом лежат их туфли. Вытянув прямо перед собой руки, мужчины читают молитвы и непрерывно кладут земные поклоны.

Останавливаемся у тяжелых ворот, обитых гвоздями с выпуклыми шляпками. Некоторые гвозди обернуты нитками, выдернутыми из ткани. С нашего пути быстро убегают женские фигуры в развевающихся длинных темных платьях. Лица их закрыты прозрачными черными вуалями, прикрепленными золотыми пряжками к головному убору.

Перед нами Баб Зуэйла — остаток городских стен XII века.

Народное предание гласит, что эти ворота обладают особыми свойствами. Женщине, которая, обратившись к аллаху с молитвой, выдернет из своей шали нитку и обернет ее вокруг гвоздя, вбитого в наличник Баб Зуэйлы, аллах дарует ребенка. Тогда женщина должна еще раз прийти к Баб Зуэйле и снять свою нитку. Ибо, как говорит Хасан, дело сделано и нечего больше надоедать аллаху.

Пробираемся под аркой Баб Зуэйлы и выходим на ярко освещенную площадь рядом с мечетью. Из украшенных тонкими столбиками окон мечети звучат мелодичные и монотонные напевы стихов Корана.

Напротив — маленькое кафе. На обитой серебрястой жестью стойке несколько громадных стеклянных сосудов с какими-то разноцветными напитками. Под открытым небом расставлены низкие столики; вокруг них сидят мужчины, преимущественно в европейских костюмах и красных фесках. Они пьют кофе из маленьких чашечек и курят наргиле. С трудом находим свободный столик. Хасан заказывает кофе по-турецки, который нам подают в маленьких медных кастрюльках. Хасан уговаривает меня отведать и напиток из корицы. У него вкус меда и корицы, он ароматен и хорошо освежает.

Из темной улочки надвигается волна музыки и пения. Из-за угла выплывает на площадь пестрая толпа. Каждый несет на цепочке зажженный фонарь. Волна пения и заунывной музыки постепенно нарастает. К нам приближаются четверо мужчин. На них красные фески, темные галабии напоминают монашеские рясы. Один играет на дудке, другой — на маленьком бубне, третий — на архаической скрипке, которая называется здесь рабаба; четвертый поет ломким голосом. В песне слышен знакомый уже припев: «Иа лейл иа эйн».

Ищу взглядом Хасана и в тот же миг замечаю у себя за спиной более десятка европейцев. Раздается ужасающий вопль. Наши художники тоже забрели сюда и, увидев нас, поднимают страшный шум. Их сопровождает несколько египетских художников во главе с Хагразом.

Они подсаживаются к нам; это привлекает из всех углов любопытных. Белые фигуры с коричневыми ли-

цами и горящими черными глазами окружают нас плотным кольцом.

Со всех сторон спрашивают, откуда мы приехали. Хаграз и Хасан объясняют, что мы поляки. Осмелев, я вынимаю магнитофон, на который до сих пор только тайком записывала звуки улицы.

Молодой ваятель Махмуд рассказывает мне, что певец, чью песню распевают вокруг, — известный в этом районе импровизатор. Он может сочинить песню к любому случаю.

Нам не приходится долго ждать подтверждения этих слов. Группа музыкантов с певцом приближается к нашему столику. Следует короткий запев, а затем строфа, начинающаяся, как обычно, со слов «Иа лейл на эйн». Песня переходит во что-то напоминающее ритмическую мелодекламацию; все время повторяются слова Миср и Болянда (Египет и Польша). Египетские художники явно взволнованы: перебивая друг друга, они переводят мне содержание:

Египет — солнце, озаряющее все народы Востока, оно поднялось высоко в небеса и победило нависшую над нами враждебную ночь.

Польша, ты, как и Египет, победила темную ночь твоих врагов. Пусть два солнца — Польша и Египет — озарят весь мир своим блеском, в лучах которого наши народы будут в мире и счастье выращивать на своих землях ароматные розы.

Иа лейл на эйн..

Поляки, привет вам на нашей земле. Польские художники, несите нам свет вашего искусства и наслаждайтесь прелестью Египта! Будьте счастливы и не знайте никогда войны; этого вам желают лучшие сыны этой земли, герои Порт-Саида, которые проливали там свою кровь..

Иа лейл на эйн.

Дальнейшее не поддается описанию; вокруг нас поднялся такой крик и такая буря аплодисментов, что мы на несколько минут оглохли.

Когда мы наконец покинули кафе, на площади возле мечети Аль-Азхар, в узких улочках старого Каира уже

погас свет, закрылись ларьки и опустели тротуары. Только в закоулках, укладываясь спать под стенами мечети, шевелились сгорбленные фигуры.

Мы бродили в окрестностях цитадели до тех пор, пока между стрельчатыми башенками мечети султана Хасана не посветлело темно-синее небо и не погас последний фонарь этой ночи — серебристая луна.

ПЕРЕД СФИНКСОМ И ПИРАМИДАМИ

Древние египтяне верили в загробное существование человека. Они полагали, что тело (они называли его Хат), превращенное в мумию, достигает при помощи определенных молитв такого уровня знаний и силы, что становится нетленным. Подобное тело называлось Саху.

Египтяне верили также, что каждый человек с момента его рождения обладает некой абстрактной сущностью, которая отделяется после смерти от тела. Эту сущность они называли Ка. После того как тело и его Ка отделялись друг от друга, требовалось найти соответствующее помещение для этого «духа» и доставить ему пищу, напитки и даже предметы домашнего обихода. Египтяне изготавливали статую покойного, которая после совершения особых церемоний считалась способной думать, говорить и даже двигаться. Эта статуя приобретала способность принять и Ка. В то же время Ка мог покинуть статую по своему усмотрению и странствовать по земле.

Церемонии, которые совершались над мумиями или над статуей в гробнице, преследовали цель заставить душу вернуться к находящемуся на земле телу. Основным условием ее возвращения было все же сохранение мумии в гробнице. Душа покойного, не застав тела на месте вечного упокоения, была бы вынуждена навсегда остаться бесплотной.

Именно поэтому египетские властители и вельможи прилагали много усилий для того, чтобы построить себе гробницы, которые могли бы предохранить их мумии и статуи от разрушения.

Среди сооружений такого типа надежнее всего оберегали мумии и статуи покойных властелинов Египта пирамиды¹. Входы в пирамиды были, как правило, прекрасно замаскированы, очень запутанны и труднодоступны.

В плодородную долину Нила, где расположена нынешняя столица Египта — Каир и где находилась (в нескольких десятках километров северо-западнее Каира) древняя столица фараонов — Мемфис, отовсюду вторгается пустыня. В ее песках древние египтяне сооружали города мертвых, а фараоны при жизни воздвигали себе гробницы — пирамиды.

Мы беседуем обо всем этом в то время, как наш автомобиль несется по асфальту шоссе к Гизе, где перед нами вскоре предстанут пирамиды фараонов IV династии: Хуфу (Хеопса), его сына Хафра (Хефрена) и внука Менкаура (Микерина).

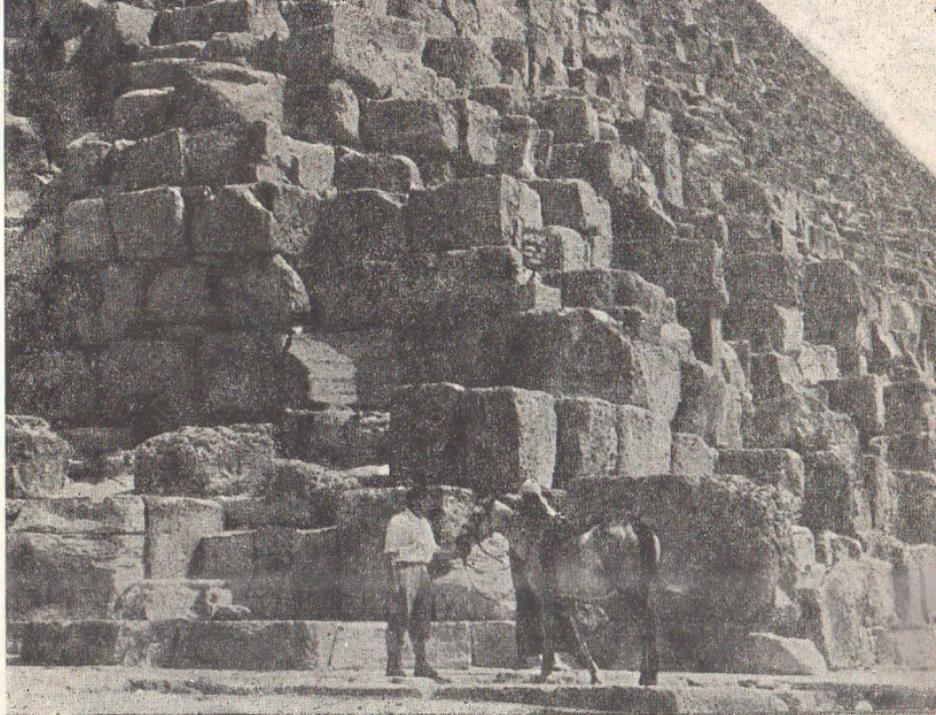
То и дело высовываюсь из машины, высматривая господствующие над местностью треугольные массивы пирамид. Но пока ничего не видно. По обеим сторонам шоссе простирается плодородный оазис. На полях золотится созревшая пшеница. Сады полны цветущих кустов и деревьев. Над крышами плоских домиков высоко поднимаются пальмы. Их стволы розовеют в лучах заходящего солнца.

Шоссе называется улицей Пирамид. На ней расположены и убогие домишки, и очень красивые современные маленькие виллы с беседками, увитыми цветами. Улица Пирамид, как объяснил Али Баба, теперь быстро застраивается. Здесь охотнее всего покупают участки и строят свои ателье художники Каира. На этой же улице стоит и его домик, куда он приглашает всех нас после осмотра Сфинкса и пирамид.

Вдруг автомобиль резко сворачивает и въезжает на песчаную равнину, расположенную выше уровня шоссе. Пейзаж меняется резко, без всякого перехода, как на экране кино.

Метрах в пятидесяти перед нашей машиной подни-

¹ Мумии фараонов Древнего царства, погребенные в пирамидах, не сохранились. Обнаружены только мумии фараонов Нового царства, спрятанные от грабителей в тайниках, высеченных в скалах. — *Прим. изд.*

У подножия пирамиды фараона Хуфу (Хеопса)

Пирамиды в Гизе

Сфинкс. Между лапами Сфинкса находится стела

мается наклонная треугольная, как бы пористая стена Великой пирамиды, а вокруг нее, насколько хватает глаз, желтоватый песок пустыни и серое каменное плоскогорье — пустота города мертвых. Здесь мы останавливаемся.

Мгновенно нас окружает толпа людей в белых бурнусах и наброшенных на головы белых платках, охваченных темными повязками. Из-за двух дальних пирамид появляются всадники на украшенных разноцветными чепраками верблюдах и на прекрасных белых тонконогих конях с пышными хвостами. Они подъезжают, соскакивают с коней и окружают нас, крикливо приглашая прокатиться на спине корабля пустыни или предлагая сфотографироваться вместе с ними, разумеется, за хороший бакшиш — так называют здесь любые чаевые. Я разочарована до глубины души. Совсем не так представляла я встречу с пирамидами. Толчея, крик, кавардак.

В этот момент ко мне подходит высокий старик в коричневой галабии, мягко берет меня под руку и ведет к подножию пирамиды. Медаль на одежде старика свидетельствует о том, что это дипломированный гид. Деликатное прикосновение его руки с тонкими пальцами, мягкий взгляд глубоко посаженных глаз и художественное, одухотворенное лицо возбуждают симпатию и доверие. Держась за его руку, поднимаюсь, словно по ступенькам, по склону пирамиды. Ее блоки кажутся хрупкими.

Мы взбираемся на ровную площадку, а оттуда через тесное отверстие проникаем в глубь круто идущего вверх коридора. Гид объясняет, что коридор ведет к погребальной камере фараона Хуфу.

Высота Великой пирамиды сто сорок шесть метров. Погребальная камера находится примерно посередине; следовательно, нам предстоит подняться метров на семьдесят. Под низким потолком коридора нестерпимая духота; крутые ступеньки неудобны, а необходимость идти, наклонив голову, очень утомляет. Вдруг коридор становится выше, можно выпрямиться. Перед нами вход в погребальную камеру. Всей грудью вдыхаю чистый воздух. Здесь приятная прохлада и даже небольшой сквозняк. Комната (примерно в двадцать

пять квадратных метров), а также саркофаг, стоящий в глубине, построены из обтесанных гранитных плит.

Хочется осмотреть в тишине и спокойствии место вечного отдохновения одного из самых могущественных властелинов древнего Египта, но здесь по крайней мере два десятка туристов и почти столько же гидов. Все они громко разговаривают, смеются и даже покрикивают. В комнате гулко, как в театральном зале; поэтому каждый турист считает своим долгом испытать силу голоса. С нетерпением жду, когда они уберутся.

Тем временем мой гид зажигает свечу и несет ее в тот угол комнаты, где в стене виднеется продолговатое отверстие. Пламя сильно колеблется, как от дуновения ветра. Заглядываю в щель и вижу каменный канал, который идет наклонно к южной стене пирамиды; следовательно, это простая вентиляционная труба.

К счастью, комната постепенно пустеет. Подхожу к саркофагу. На его стенках выбиты иероглифические знаки и царские картуши¹. Многократно повторяющееся имя Хуфу позволило доказать, что эта пирамида была построена для Хеопса.

Когда в начале XIX века ученые добрались до погребальной камеры, мумии в саркофаге не оказалось. Не было ее и в подземной гробнице, расположенной под пирамидой.

На строительстве Великой пирамиды, которую Хеопс приказал соорудить еще при жизни, триста тысяч человек трудились в течение двадцати лет. Когда раб надрывался при переноске каменных блоков, умершего клали у подножия пирамиды, и он лежал до тех пор, пока коршуны не раздирали тело, а шакалы не растаскивали кости по всей пустыне. Люди гибли тысячами...

Во время всеобщего восстания бедноты в конце правления IV династии народ извлек из гробницы и уничтожил мумию грозного Хеопса². С тех пор его Ка, лишенный земного пристанища, вынужден блуждать по

¹ Картуши — овалы, в которые вписывались имена фараонов.

² Это предание, сохраненное греческим писателем Диодором Сицилийским, не подтверждается другими источниками. — *Прим. изд.*

свету. Кто знает, не тут ли он, на пустыре города мертвых?

Идем обратно. Спуск намного легче, чем подъем. По пути заходим в расположенную ниже погребальную камеру жены Хеопса. От предыдущей камеры она отличается лишь меньшими размерами.

Когда мы наконец вырвались из душного коридора и вышли наружу, температура воздуха уже значительно понизилась. Возвышающиеся вдалеке две другие пирамиды бросали на землю длинные тени.

Иду по тропинке, круто спускающейся среди известняковых скал. Подо мной простирается широкая равнина, серая и каменистая, как двор средневекового рыцарского замка. Кое-где виднеются холмики, похожие на ящики; это гробницы — мастабы¹. По мере моего приближения число их все растет.

Вспоминаю поэтическое описание этого места, недавно прочитанное мной:

Рухнули стены, исчезли бесследно,
Как будто их не бывало.
И уж никто не придет оттуда
И не расскажет, что с ними.
Наши сердца никто не утешит,
Пока мы не встретим усопших сами
Там, где они пребывают.

Спускаюсь еще ниже, и передо мной появляется как бы вырезанная в известняке скалистая долина. Ее восточный вход загораживает тело Сфинкса. Лица его пока не видно, так как оно обращено к востоку. Передо мной только громадная спина и тыльная часть человеческой головы в клафте², падающем веером с обеих сторон.

Временами глыба Сфинкса в свете заходящего солнца выглядит коричнево-золотистой, как львиная шерсть. Еще два десятка шагов, и я уже рядом с ним. Теперь

¹ М а с т а б (по-арабски — «скамья») — гробница, стены которой наклонены под небольшим углом к центру. Она названа так из-за своей формы, напоминающей каменные скамьи перед домами феллахов. — *Прим. изд.*

² К л а ф т — вид платка, один из символов власти фараона.

отчетливо видно его лицо, наполовину отбитый нос, выпяченные сладострастные губы и задумчивые продолговатые глаза, вот уже пять тысячелетий взирающие на восток.

Сфинкс до сих пор представляет загадку для науки. Имеется множество противоречащих друг другу теорий. Во всяком случае Сфинкс, несомненно, входил в число погребальных сооружений фараона Хефрена. В древнем Египте комплекс погребальных сооружений состоял обычно из двух храмов и гробницы, а также статуи покойного. Сфинкс расположен рядом с нижним храмом Хефрена. Существуют два предположения. Хефрен мог приказать изваять Сфинкса по своему образу и подобию из возвышавшейся в этом месте монолитной скалы. А возможно, что Сфинкс находился там уже во время его царствования и что поэтому Хефрен приказал воздвигнуть вблизи него свои погребальные сооружения. Археологам не известны письменные источники, которые бы подтверждали одну из этих теорий.

Исследование стилей древнеегипетского искусства приводит к тем же выводам. Главные элементы Сфинкса — его тело в виде туловища лежащего льва и человеческая голова с клафтом — восходят к периоду Древнего царства. Однако другие элементы этой скульптуры — громадные львиные лапы (коготь имеет высоту человека) и находящаяся между ними стела¹ — относятся к значительно более позднему времени и, очевидно, являются реконструкцией. Следовательно, можно полагать, что лицу Сфинкса был придан облик Хефрена.

Сфинкс олицетворяет властелина главным образом потому, что имеет облик льва. Уже на додинастических табличках, восходящих к периоду до объединения Нижнего и Верхнего Египта, фигурирует лев, пожирающий побежденного врага. Некоторые исследователи считают туловище льва символом силы и власти, а человеческую голову — символом разума.

Глядя теперь на Сфинкса, пытаюсь восстановить в памяти статую Хефрена, которую я видела сегодня ут-

¹ Стела — каменная плита, обычно прямоугольная, с надписью и барельефами.

ром в Египетском музее. Нет ли в самом деле какого-то сходства между лицами фараона и Сфинкса? Если последний был создан во времени Хефрена, то он датируется эпохой IV династии, т. е. временем около двух тысяч шестисот лет до нашей эры; значит, ему более четырех тысяч пятисот лет. Но согласно так называемой эзотерической теории (правда, имеющей мало общего с подлинной наукой), и Сфинкс, и Великая пирамида были воздвигнуты посланцами гибнущей Атлантиды, которые, возможно, скрыли в ней тайну своих знаний. Быть может, позже пирамида стала гробницей Хеопса, а в облике Сфинкса начали искать черты лица Хефрена.

На сколько же тысячелетий Сфинкс и Великая пирамида окажутся старше, чем принято считать?

А может быть, одни только владыки Египта вели свой род от меднолицых мудрецов, прибывших из Атлантиды — страны, которая погрузилась в воды океана между Африкой и Америкой!

Эти квазинаучные фантазии, которые наверняка высмеют наши археологи в Тель Атрибе, выглядят удивительно правдоподобно здесь, у подножия Сфинкса. Во всем этом имеется какой-то логический смысл, потому что ведь и инки, и ацтеки почитали Солнце как единственного всемогущего бога. Древние египтяне, оказывая Сфинксу божественные почести, чтили в нем бога Солнца — Ра, а облик его олицетворял солнечный диск в тот момент, когда он склоняется к западу.

Культ Солнца прибыл в Египет вместе с царицей Тией, матерью фараона Аменхотепа, который принял имя Эхнатон («Приятный Атону»).

Это он был автором знаменитого, чудесного гимна Солнцу...

Как прекрасен твой восход на горизонте, о Атон предвечный! Ты восходишь на восточном горизонте, ты наполняешь мир своими красотами... лучи твои обнимают все страны. Ты связываешь их любовью своей...

Птенец говорит уже в скорлупе; ты проводишь к нему воздух, чтобы сохранить ему жизнь, и делаешь его сильным, чтобы он разбил яйцо...

Как многочисленны творения твои! Ты создал землю по воле твоей. Людей, животных, все, что на земле и ходит ногами, и все, что в воздухе и летает на крыльях...

Эхнатон не смог привить в Египте культ Солнца, он потерпел поражение в борьбе с жрецами. Почему? Никто этого до сих пор не знает.

Да и какой, даже самый выдающийся археолог мира может безоговорочно утверждать, что в истории древнего Египта вообще и в истории культуры в частности нет уже белых пятен, что нам известно все? Ведь только в 1954 году, именно здесь, вблизи Сфинкса и города мертвых, во время реконструкции шоссе случайно были открыты под песками пустыни две солнечные барки, на которых души фараонов должны были совершать путешествие через двенадцать врат жизни и двенадцать врат смерти, дабы достигнуть небес по солнечному пути.

Теперь, стоя перед Сфинксом, я вижу, как за его головой спускается за горизонт солнечный диск. Перед моими глазами и видимый бог и его каменное изображение.

Там, где я сейчас нахожусь, останавливались у врат царства мертвых траурные шествия, возносившие молитвы над мумиями фараонов IV династии. Теперь по пустому кладбищу в свете угасающего дня мелькают фиолетовые полосы света, как бездомные Ка, блуждающие в поисках извлеченных из гробниц мумий фараонов. И, несмотря на глубокую тишину и спокойствие, мне все время кажется, что в воздухе слышатся стоны рабов, умирающих под пирамидами, крики мятежной толпы, мелодии отзвучавших тысячелетия назад песен.

Пронзительный звук автомобильного гудка возвращает меня к действительности. В сотне метров от себя я вдруг замечаю коренастую фигуру Али Бабы. Размахивая плащом, он делает отчаянные знаки. Надо возвращаться. Я совсем забыла, что мы отправляемся теперь с визитом на его виллу, где нас давно ждет вся его семья.

Едем улицей Пирамид. Машина останавливается возле белой стены сада. У открытой калитки нас ждет

полная дама; ее темные волосы уже тронуты сединой. Она мила и симпатична. В юности она, несомненно, отличалась красотой. Это жена Али Бабы.

В саду нас встречает группа египтян, среди них много знакомых журналистов и художников. Супруга профессора представляет мне красивого одиннадцатилетнего мальчика, своего младшего сына Тамима.

Пока гости рассаживаются в тени беседки, покрытой лиловыми цветами какого-то декоративного растения, Тамим ведет меня в детскую посмотреть его рисунки и коллекцию марок.

Большими бархатными глазами, очень похожими на глаза его матери, Тамим с интересом следит за тем, как я просматриваю его картонные листы.

В школе, где учится Тамим, недавно проходил конкурс детских рисунков, связанных с войной и последними политическими событиями. Несколько его рисунков получили хорошие отзывы. У мальчика явно сатирическая жилка, притом с политическим уклоном. Кроме Идена, который свалился в Суэцкий канал, Даллеса и упавшего с верблюда Пино, любимой темой рисунков Тамима являются танки и самолеты. Но только над ними всегда летают голуби мира.

В детской появляется и старший брат Тамима, столь же милый и красивый, — четырнадцатилетний Салех. Он неплохо говорит по-английски, поэтому мы переходим с языка жестов к нормальной речи.

Салех увлекается географией, филателией и театром. Он показывает мне прекрасную коллекцию марок стран Африки и Ближнего Востока. Думаю, что она возбудила бы зависть многих наших выдающихся филателистов. Но я увидела в комнате мальчиков и нечто иное — фотографии любительского театра. Под тюрбанами, бородами и усами узнаю моих новых юных друзей. Они рассказывают наперебой, что часто устраивают дома представления. Зрительным залом служит сад у беседки — там сейчас собрались все гости. Терраса заменяет сцену.

Пьесы, поставленные Тамимом и Салехом, — их собственное творчество. Но, как объясняет старший брат, в их основе лежат народные предания.

Эти непосредственные, интеллигентные, хорошо вос-

питанные мальчики характеризуют атмосферу этого дома. Глядя на их небольшую, но удобную комнату, на полки с книгами, изящные рисунки на стенах, никак не могу отделаться от впечатления, что вряд ли увижу много таких домов в Египте. Семья Шерифов, несомненно, принадлежит к местной интеллектуальной элите.

В комнату врывается Али Баба. Хотя ему импонирует моя дружба с его сыновьями, он просит меня вернуться к обществу и принять участие в ужине.

Солнце уже зашло, поэтому даже самые благочестивые мусульмане могут отведать кофе и апельсинового сока. Жена профессора, прекрасная хозяйка, угощает нас несколькими сортами печений — замечательными произведениями домашней кухни.

Возвратившись к обществу, я узнаю, что нам предстоит визит в ателье двух молодых художников — ваятеля Самуэля Генри и живописца Махмуда Амара, живущих в соседней вилле.

Уже наступила ночь, и я чуть ли не ощупью иду через сад вслед за опередившими меня товарищами.

Вилла художников построена в ультрасовременном стиле, но скромно и просто. На втором этаже в двух обширных комнатах с верхним светом находятся мастерские.

Молодые люди сняли эту виллу пополам. Амар, здоровенный парень, смахивающий скорее на спортсмена, чем на художника, показывает два своих полотна. Одно из них, под названием «Порт-Саид», производит сильное впечатление. На нем изображена маленькая девочка, которая с ужасом смотрит на приморский пляж, изрытый бомбами и перерезанный проволочными заграждениями. На втором полотне нарисован клоун на цирковой арене. Громадный амфитеатр зрительного зала пуст, но клоун с упрямым отчаянием показывает свой номер. Картина интересна по идее и цвету, но не доработана по форме.

Амар пытается уловить из различных замечаний наше мнение. Вижу, что для него оно имеет большое значение. В Каире, как мне объясняет один из журналистов, Амара считают многообещающим художником.

Мне все же больше по душе творчество его друга и соседа — Самуэля Генри. В строгих формах его

скульптур ощущается возврат к лучшим традициям древнеегипетских ваятелей. Особенно поражает это в статуэтке деревенской девушки с глиняной амфорой на голове. Изгиб напряженной шеи напоминает мне голову прекрасной царицы Нефертити.

В переполненном посетителями ателье душно и жарко, и я выхожу на террасу подышать холодным воздухом. Останавливаюсь как зачарованная: передо мной над плоскими крышами современных конструктивистских вилл, над окутанными зеленью белыми террасами, на небе, озаренном серебряным светом месяца, как духи прошлого, вырисовываются треугольные массивы пирамид и веерообразный клафт на голове Сфинкса. Лицо его — теперь лишь темно-синее пятно на более светлом фоне неба — смотрит на нас... Сколь ничтожными кажутся мне усилия современного искусства перед этими памятниками, простоявшими тысячелетия.

естественной расцветкой, что кажется окаменевшим лицом самой прекрасной царицы. Ее изумительная красота произвела на меня столь сильное впечатление, что на протяжении нескольких дней пребывания в Берлине я ежедневно заходила в Новый музей только ради того, чтобы посмотреть на нее.

Тогда я знала о ней лишь то, что она царствовала в Египте около 1400 года до нашей эры и отличалась ослепительной красотой. Но выражение лица Нефертити красноречиво говорило о ее богатой внутренней жизни и пробуждало горячее желание познакомиться с ее судьбой.

Я надеялась, что в стране, где она жила и царствовала, я смогу собрать какие-нибудь подробности из ее жизни.

Предчувствие не обмануло меня. Первое же посещение Египетского музея в Каире принесло то, чего я желала больше всего, — рассказ о жизни Нефертити.

Египетский музей находится на бульваре, носящем имя его основателя — французского археолога Франсуа Огюста Фердинанда Мариэтта.

Он приехал в Египет в 1850 году в качестве представителя Отдела древних памятников Лувра. Ему были поручены поиски коптских рукописей. Выполняя это задание, Мариэтт напал на след одного из самых ценных и сенсационных открытий.

В Саккара, недалеко от Мемфиса, он обратил внимание на торчащую из песка голову сфинкса. Во время дальнейших поисков в его руки попала табличка с вырезанным на ней посвящением богу Осирису-Апису. Сопоставив эти два факта со свидетельством греческого географа и историка Страбона о храме Сераписа в Мемфисе, Мариэтт решил, что замеченная им в Саккара голова может принадлежать одному из сфинксов, которые, согласно Страбону, находились рядом с храмом Сераписа в Саккара.

Мариэтт немедленно приступил к раскопкам, расходуя для этого средства, выданные ему на покупку коптских рукописей; о них он перестал и думать. Поиски продолжались долго, а деньги растаяли быстро. Тогда Мариэтт обратился в Париж с просьбой ассигновать дополнительные суммы. Он их получил.

В результате он открыл не больше не меньше как Серапеум.

Чтобы определить, что такое Серапеум, нужно сделать небольшой исторический экскурс.

Египтяне принадлежали к народам, которые «служили творениям больше, чем творцу». Они молились таким представителям фауны, как кошка, собака, гиппопотам, крокодил, ибис, коршун, змея. Почитали они и навозного жука, знаменитого скарабея. Однако наибольшей популярностью пользовался культ быка Аписа. В связи с этим культом и возник Серапеум.

Апис должен был иметь либо белый знак в виде полумесяца на боку, либо белый треугольник на лбу; кроме того, у него должен был быть знак в виде летящего коршуна на задней части тела и черный нарост под языком. Когда находили такого быка, его отправляли в Нилополь (южнее Гелиополя), где ему надлежало пребывать сорок дней. По истечении этого срока быка перевозили в золотой клетке в Мемфис.

Там ему жилось превосходно. Он располагал прекрасным помещением, имел к своим услугам целую свиту жрецов, гарем коров, множество прислужников, камердинеров и виночерпиев. Время от времени его показывали в торжественных шествиях народу.

Плиний говорит: «Сопутствовавшая ему молодежь распевала в его честь песни, которые Апис, казалось, понимал». Страбон сообщает: «Когда бык поиграет немного на свободе, его вводят снова в обычное помещение».

Согласно сообщениям Плутарха, быки жили не более двадцати пяти лет. Их набальзамированные останки торжественно хоронили в подземной галерее среди скал Саккара. Вот эту-то галерею и называли Серапеум. Название возникло из сочетания греческого наименования бога Осириса и его воплощения быка Аписа. Ныне в Серапеуме находятся шестьдесят четыре саркофага Аписов.

Это сенсационное открытие, естественно, изменило всю дальнейшую научную карьеру Мариэтта. Он стал знаменитым искателем памятников египетских древностей. Мариэтт твердо отстаивал принцип, что все памятники, найденные в Египте, должны там и оставаться

ся. Поэтому он постоянно противодействовал частным коллекционерам, стремившимся покупать памятники древности и вывозить их в Европу. Борьба в защиту прав Египта на его собственную культуру обеспечила Мариэтту всеобщий почет и признание, а впоследствии доставила ему пост начальника Службы древностей. Заняв этот пост, он немедленно запретил вести раскопки на территории Египта без разрешения возглавляемого им учреждения.

Следующим важнейшим шагом Мариэтта было создание музея в Каире. В то время властелином Египта был Саид-паша, который никак не соглашался выделить средства на строительство здания музея. Мариэтту помог случай. Один из его рабочих нашел богато украшенный саркофаг одной из цариц древности. Еще до отправки саркофага в Каир губернатор провинции Кена в Верхнем Египте, где было совершено открытие, перехватил найденные драгоценности, с тем чтобы подарить их Саид-паше. Ничего не добившись уговорами, Мариэтт с помощью доверенных людей силой захватил драгоценности. Пожертвовав их Саид-паше, он обеспечил необходимые фонды для строительства музея.

Музей был открыт в Булаке в 1858 году и оставался там до 1881 года, т. е. до смерти Мариэтта (он был похоронен в саду музея). В 1889 году Тевфик-паша перевел музей из Булака во дворец в Гизе, вблизи пирамид. Однако стремительный рост числа находок заставил владыку Египта построить особое здание в Каире на бульваре Мариэтта.

Когда с залитого солнцем современного бульвара, полного движения, попадаешь в прохладные сумрачные залы музея, создается впечатление, будто переносишься на пять тысяч лет назад.

Вокруг стоят строгие гранитные саркофаги, громадные диоритовые¹ статуи фараонов, которые излучают спокойствие и торжественность, недостижимые в современном искусстве. Несмотря на их примитивную форму, они полны экспрессии.

Вот хозяин второй пирамиды в Гизе — фараон Хеф-

¹ Диорит — мелкозернистый камень, похожий на гранит.

рен — сидит на троне, сложив руки на коленях. Лицо, удлинненное лопатообразной бородкой, полно решимости, силы и достоинства. Статуя Хефрена отличается одной особенностью: в профиль она производит значительно более сильное впечатление, чем анфас.

Дальше стоит покрытая зеленоватым налетом статуя фараона VI династии Пепи I. В одной руке у него длинный посох, второй он обнимает ребенка — своего сына.

Отовсюду взирают на посетителя удивительные человеческие фигуры с головами коршунов, львов и шакалов. В застекленных витринах привлекают внимание изящные украшения и миниатюрные статуэтки из гробниц.

На первый взгляд, Египетский музей выглядит менее эффектно, чем знаменитый Египетский отдел Британского музея в Лондоне или Новый музей в Берлине. Это объясняется теснотой залов, перегруженных экспонатами. Увы, большинство их (даже мумии фараонов) из-за отсутствия места хранится в подземных кладовых, недоступных посетителям.

Однако весь этот хаос и теснота — всего лишь первое впечатление. При более внимательном и тщательном осмотре всех залов становится ясно, что размещение и подбор экспонатов свидетельствуют о большой эрудиции работников музея.

В залах, посвященных отдельным периодам истории древнего Египта, расположены наиболее характерные для определенной эпохи экспонаты.

Напомню в кратких чертах общепринятое в мировой науке деление. Древнее царство охватывает династии от I до VIII, т. е. 2900—2200 гг. до н. э., Среднее царство — от IX до XVII династии, т. е. 2200—1600 гг. до н. э., Новое царство — от XVIII до XX династии, т. е. 1600—1100 гг. до н. э. Наконец, так называемая Поздняя эпоха — от XXI династии до завоевания Египта Александром Македонским, т. е. с 1100 по 330 г. до н. э.

Статуи периода Древнего царства поражают строгостью формы и колоссальными размерами. В зале с экспонатами периода Среднего царства нельзя оторвать глаз от очаровательных по форме и цвету поли-

хромных барельефов на фрагментах стен гробниц, на стенках саркофагов и надгробных стелах.

Наиболее близким кажется мне фиванское искусство периода Нового царства, достигшее величайшего расцвета при фараонах XVIII и XIX династий. Здесь особенно поражает изящество предметов домашнего обихода, найденных в гробнице фараона Тутанхамона, открытой в 1923 году. Золотой саркофаг, алебастровые светильники в форме цветка лотоса, опахала из страусовых перьев, изящные ювелирные изделия, чудесные ларцы с инкрустацией, посохи, сандалии, кубки и вазы, наконец, деревянный трон, обшитый золотом и инкрустированный серебром и полудрагоценными камнями.

С величайшим изумлением замечаю датированную 1400 г. до нашей эры походную кровать с бронзовыми петлями. По конструкции она ничем не отличается от современных «раскладушек».

Фараон Тутанхамон, как бы предчувствуя близкую кончину, собрал бесчисленное множество предметов, которые приказал поместить в своей погребальной камере. Нетронутыми нашли их в 1923 году Г. Картер и лорд Карнарвон¹.

На барельефах периода Нового царства изображены сцены из жизни фараонов, ритуальные обряды, представлен труд древних египтян: варка пива, уборка льна, тканье полотна.

На фрагменте керамики я вдруг замечаю необычный барельеф. На нем изображен мужчина в короне фараонов Нижнего Египта, который сидит в кресле и держит на коленях женщину, полную невыразимого обаяния. Деликатность и нежность, с которыми он ее обнимает, свидетельствуют о великой любви, соединяющей этих людей. Долго не могу оторвать глаз от красноречивой сцены.

В это время ко мне подходит заместитель директора Музея древностей. Я уже имела возможность беседовать с ним в одном из первых залов; он оказался

¹ В гробницу в древности проникли грабители, которые унесли часть драгоценных украшений. В поисках сокровищ они перерыли всю гробницу. Нетронутым остался лишь саркофаг с мумией фараона. — *Прим. изд.*

удивительно милым, полным внутреннего тепла человеком, одаренным к тому же богатым воображением.

Он объяснил мне, что на культуру периода Нового царства особенно сильное влияние оказала именно та пара, изображение которой находится перед нами. Мужчина — это царствовавший около 1400 г. до нашей эры Аменхотеп IV¹, который позже принял имя Эхнатон, а женщина — его возлюбленная супруга царица Нефертити, прославленная своей красотой.

Тогда я рассказала ему о моем многолетнем интересе к прекрасной царице. Он также признался в глубокой симпатии не только к ней, но и к ее мужу Аменхотепу IV. Затем он повел меня в зал, где находится гробница, приписываемая Эхнатону.

Надпись на гробнице содержит краткую молитву, как бы отражающую идеологию фараона-еретика. Вот ее текст:

Буду дышать сладким дыханием, исходящим из Твоих уст. Ежедневно буду взирать на Твою красоту. Жажду услышать Твой чарующий голос даже во время северного ветра, жажду, чтобы в члены мои вошла молодая жизнь благодаря любви к Тебе. Передай мне в руках Твоих душу Твою, чтобы я мог удержать ее и жить ею. Призывай имя мое в веках, и надежда Твоя никогда не обманет Тебя.

Автор многих возвышенных гимнов, Эхнатон, словами этой молитвы, столь похожей на призыв любви, обращался не к солнечному диску, олицетворяющему единственного бога, Атона, но к скрытой в нем мощи. Мощь эта проявлялась не в шуме сражений, а в тиши семейной жизни среди цветов и зелени, на лоне прекрасной природы, в окружении изящных искусств.

Увы, идеи, провозглашенные фараоном, не соответствовали политическому положению Египта и не способствовали поддержанию его военной мощи, столь необходимой для защиты от соседних воинственных

¹ Аменхотеп IV правил примерно с 1419 по 1388 г. до нашей эры. — *Прим. изд.*

народов¹. Все же это стремление к красоте и миру, любовь к искусству и человеку, характерные для идеологии Эхнатона, оказали сильное воздействие на современную ему древнеегипетскую культуру, создали стиль, называемый стилем Телль аль-Амарны.

— Типичным примером стиля Телль аль-Амарны может служить вот этот барельеф, — говорит мой собеседник.

Мы находимся перед фрагментом керамики; он выглядит, как вынутый из кладки небольшой кирпич. На нем изображена стройная грациозная женская фигурка с длинной, изогнутой, как стебель цветка, шей.

— Собственно говоря, только принадлежность к тому же периоду позволяет предполагать, что здесь изображена Нефертити, — говорит заместитель директора. — Но интуитивно я чувствую, что это именно она. Какая иная женщина могла быть столь же прекрасной?

Его голос дрожит. Еще раз вижу, сколь удивительная наука археология: она будит в ученом не только страсть искания, но и глубочайшее сочувствие к тем, чью жизнь он восстанавливает шаг за шагом.

Открытие ключа к истории Эхнатона и Нефертити было, пожалуй, одним из наиболее интересных событий конца прошлого столетия.

В 1887 году в местности Телль аль-Амарна египетская крестьянка нашла в куче мусора глиняный черепок, покрытый какими-то необычными письменами. Некоторое время спустя она продала свою находку за два шиллинга. Жители Телль аль-Амарны поняли, что такие черепки имеют хороший сбыт, и начали поиски. Вскоре они обнаружили много кувшинов, наполненных черепками. Триста двадцать черепков перекочевали тогда в Европу и в конце концов обратили внимание археологов на то место, где их находили.

Телль аль-Амарна расположена вблизи развалин древнего города Ахетатона, построенного фараоном Аменхотепом IV на правом, т. е. восточном берегу

¹ Здесь неточность. Введенная Аменхотепом IV новая религия отнюдь не проповедовала пацифизм. Внешняя политика Египта оставалась в принципе прежней. Только из-за внутренних распрей, обусловивших ослабление страны, Аменхотеп IV вынужден был отказаться от завоевательных походов. — Прим. изд.

Нила, примерно в ста восьмидесяти километрах от Мемфиса.

Черепки, которые археологи назвали табличками Телль аль-Амарны, оказались частью архива дипломатической корреспонденции эпохи XVIII династии. На табличках была запечатлена переписка, которая велась на вавилонском языке клинописью. Таблички принесли много сведений о царствовании Аменхотепа IV.

Отцом Эхнатона был Аменхотеп III. До него царствовали Тутмос III и Аменхотеп II. Тутмос III был одним из величайших фараонов Египта. Он вел войны в Палестине, Сирии и других странах Западной Азии, одерживая повсюду крупные победы. Добытые таким путем богатства позволили ему воздвигать храмы и святилища богов, а также оделять щедрыми подарками жрецов. Самое знаменитое его творение — колоннада храма Амона в Карнаке, прекрасно сохранившаяся до наших дней.

Ближайшие преемники Тутмоса III царствовали недолго и не сыграли большой роли. Только Аменхотеп III привел Египет к новому политическому и экономическому расцвету. Золото, добытое в то время в суданских рудниках, обеспечило египетскому государству политическое преобладание на теперешнем Ближнем Востоке. Аменхотеп III часто посещал страны Западной Азии. Он был женат на нескольких дочерях местных князьков, а его возлюбленной супругой была царица Тия, предположительно дочь египтянки и простого жителя Восточной пустыни или Южной Сирии.

Сыном Аменхотепа III и Тии был Аменхотеп IV, унаследовавший после своего отца трон фараонов Египта. Хотя Аменхотеп III принадлежал к числу почитателей бога Амона-Ра и щедро оделял его жрецов, царица Тия чтит бога Атона, изображаемого в виде солнечного диска; в той же вере она воспитала и своего сына. Вступив на престол, Аменхотеп IV немедленно ввел на всей территории Египта новую религию, при этом жестоко преследуя культ Амона-Ра.

Провозглашение новой религии склонило Аменхотепа IV переменить свое имя на Эхнатон и перенести столицу из Фив, связанных с культом Амона-Ра, в Ахетатон. Географическое положение этого города в центре

страны благоприятствовало основанию там столицы. Границы города были обозначены выбитыми в скалах царскими картушами. На ограниченном ими пространстве, которое новый фараон приказал называть «Горизонтом солнечного диска», было запрещено отправление всех других религиозных культов.

Английский археолог Флиндерс Петри во время раскопок Телль аль-Амарны обнаружил Ахетатон. Он нашел здесь бесчисленное множество брошенных в домах предметов домашнего обихода.

Научные исследования показали, как все это произошло. Фараон-еретик Эхнатон, начав религиозную революцию, должен был вести тяжелую борьбу со жрецами. Эта революция не ограничивалась чисто религиозными делами, но имела большое значение как для внутренней, так и для внешней политики. О внешней политике сообщают таблички из Телль аль-Амарны.

И сирийские княжества, и Египет были весьма заинтересованы в тесных политических связях. Поэтому после смерти Аменхотепа III находившаяся в Египте сирийская принцесса прекрасная Нефертити стала женой Эхнатона. Этот брак оказался необычным в столь высоких сферах Египта. Эхнатон так обожал свою прекрасную жену и столь высоко ценил ее ум и знание политической жизни, что все решения государственной важности принимал совместно с ней. На раскопанных Флиндерсом Петри настенных изображениях в царском дворце в Ахетатоне мы видим Нефертити на коленях ее супруга. Среди древнеегипетских фресок и барельефов, изображающих повелителей этой страны, такая поза не встречается.

Но не только это было необычным в истории «прекрасного сына Солнца» и его великой любви.

Из табличек Телль аль-Амарны, т. е. из дипломатической переписки египетских фараонов с сирийскими князьями, мы узнаем, что сирийцы, обеспокоенные нападениями племен апиру и хеттов, посылали тревожные письма Аменхотепу III, а в последующем и его сыну Эхнатону. «Пришли войско, пришли солдат» — вот наиболее часто повторяющиеся в них фразы. Увы, войск этих Эхнатон прислать не мог, а может быть, и не хотел.

Фараон опирался на средние классы — на провинциальных жрецов, мелких ремесленников и чиновников, а также на иностранных наемников, главным образом на сирийцев. Борьба фараона против тех, кто не хотел признать единственного бога Атона, вызвала острые внутренние столкновения. В последние годы жизни его противники усилились до такой степени, что заставили его наконец вступить в переговоры со жрецами. Их прервала смерть Эхнатона, что принесло полную победу его врагам.

Тутанхатон, вступив на престол, восстановил культ Амона-Ра. Жители Ахетатона, видя бессцельность своей религиозной и общественной обособленности, покинули город. Тутанхатон перенес столицу обратно в Фивы и переименовал свое имя на Тутанхамон.

Во время раскопок развалин Ахетатона, засыпанных песками пустыни, немецкие археологи нашли статуэтку — изображение прекрасной царицы.

При оценке результатов раскопок, проведенных иностранными экспедициями, происходит обычно так называемый партаж, т. е. проверка находок, которые данная группа археологов желает вывезти из Египта. Немцы облепили головку Нефертити глиной, и поэтому на нее не обратили внимания производившие партаж египетские археологи. После того как немцы выставили головку Нефертити для обозрения в Новом музее в Берлине и тем самым признались в краже этой изумительной скульптуры, египетское правительство издало приказ, запрещающий немецким археологам вести раскопки в Египте. Несмотря на это, головка прекрасной, мудрой и прогрессивной царицы не вернулась к потомкам ее подданных, питающим к ней, особенно теперь, чувство глубокой любви и уважения.

СМОКОВНИЦА

Маленькая смоковница,
Которую Она посадила собственными руками,
Которая склоняет ее уста к речи.
Шепот ее губ сладок, как капля меда.
Сколь полны очарования ее прекрасные ветви,
Более зеленые, чем папирус.
Она отягощена плодами,
Красными, как рубины.
Листья ее — цвета травы,
Ствол ее — цвета опала...
Она влечет тех, кто вдали от нее,
И тень ее так прохладна.

*(Из любовной поэмы,
записанной на так называемом
Туринском папирусе.)*

Вот уже тысячи лет смоковница украшает собой сады Ближнего Востока. Ее красоту воспевают поэзия папирусов, о ней говорят греческие и арабские поэты, ее прославляет в своем «Саду роз» величайший поэт ислама Саади.

Смоковница выглядит как букет; масса нежной буйной листвы разрастается, как балдахин, над пучком толстых ветвей, переплетающихся друг с другом у самой земли.

Ночь над Нилом, полная одурманивающих запахов, дрожит от звона цикад среди таинственных деревьев и кустраников. В эту ночь я вижу темнеющие на серебристых лунной газонах силуэты смоковниц; они похожи на букеты, собранные рукой великана.

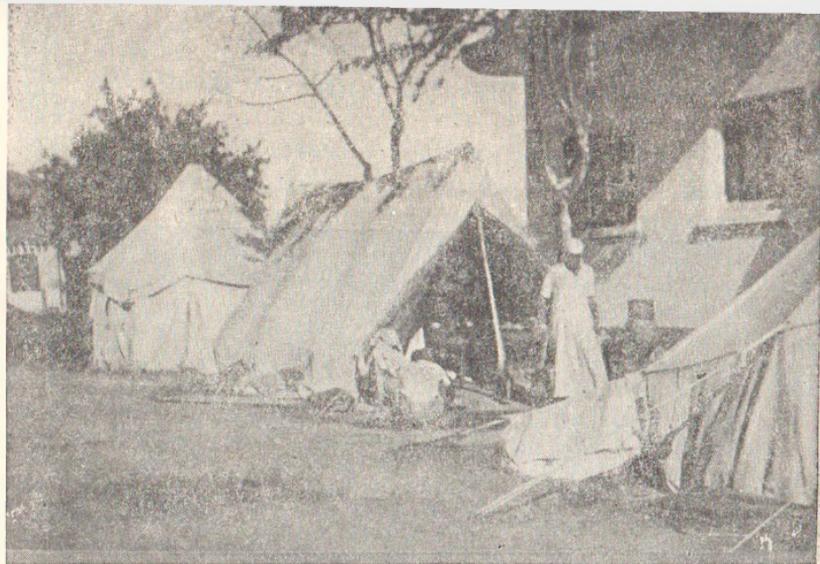
Прибрежные сады, которые некогда принадлежали пашам, а ныне доступны для всех, тянутся на целые километры вдоль берегов Нила. Полные живописных аллей и беседок, пересеченные каналами, через которые переброшены изящные арки мостов, сады благоухают жасмином, розами и ирисами. Здесь излюбленное место встреч молодежи.

В эту тихую теплую лунную ночь сад у плотины на Ниле выглядит, словно заколдованный лес. Раскрывавая благовонные объятия, он как бы манит нас в дрожащую от пения цикад глубину.

Таково, пожалуй, впечатление и у других участников нашей восхитительной экскурсии. На палубе катера, который нас сюда привез, все они пели и танцевали, а здесь, в этом прелестном саду, вдруг приумолкли и задумались.

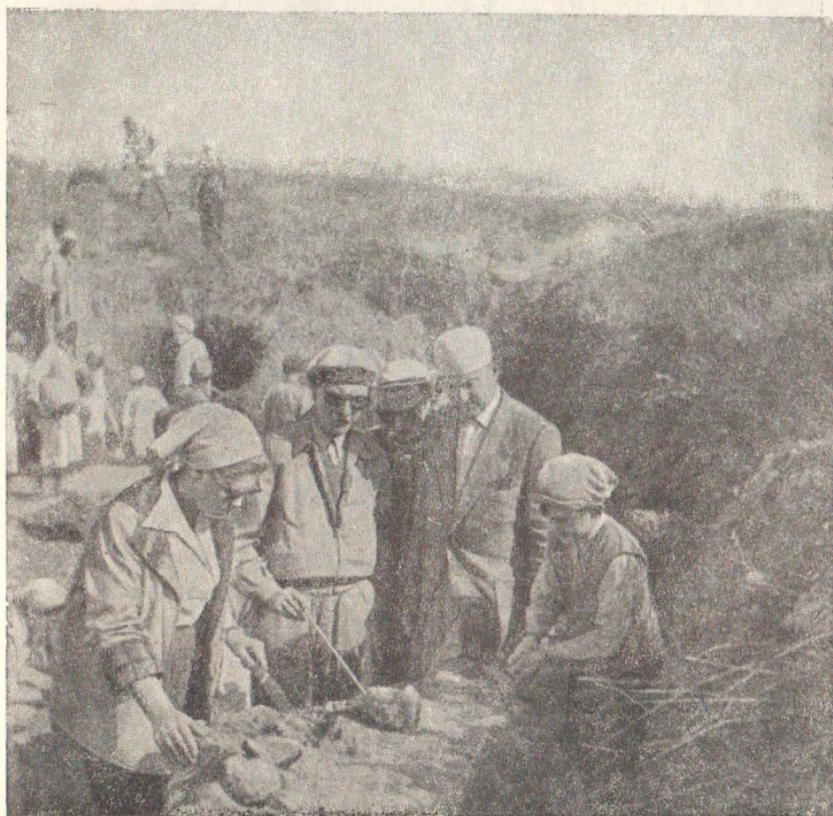
Даже Шурия, невысокий живой сириец, который ни на минуту не расстается со своей даблой и аккомпанирует на ней каждому нашему слову, уселся теперь на траву, охватив руками колени, и тихонько мурлычет под нос какую-то монотонную арабскую мелодию. Мы находимся на том месте, где русло Нила делится на два рукава: Дамьеттский и Розеттский. Египтяне вот уже сотни лет называют это место Батн аль-Бакара, т. е. «брюхо коровы». Может быть, в этом названии заключен какой-то намек на животворную воду, текущую отсюда на поля Нижнего Египта. Ныне в Батн аль-Бакара, в местности, расположенной в двух десятках километров севернее Каира, высятся две громадные современные плотины, обеспечивающие обводнение полей в период засухи. Плотины эти построены по последнему слову техники. У плотины на Розеттском русле шестьдесят один пролет на протяжении около четырехсот восьмидесяти метров. Дамьеттская плотина имеет десятью пролетами больше и достигает в длину пятисот двадцати метров.

Лишь теперь я осознаю, какое большое удовольствие доставили мне мои друзья, студенты факультета права и экономики Каирского университета, организовав ради меня эту чудесную ночную экскурсию по Нилу. И подумать только, что я чуть было не отказалась от нее: на этот вечер у меня было немало приглашений.

Лагерь польских археологов в Тель Агрибе

Профессор Михаловский изучает находки

Работа в раскопе

В самом лучшем настроении я ехала с Махмудом в порт.

После необычайно знойного дня ночь казалась холодной, особенно когда подул влажный ветер с реки. Лишь теперь я полностью оценила правоту Хасана, советовавшего мне купить в Каире прежде всего шерстяную легкую, но теплую шаль. Кстати, в такие же шали закутались все студентки, которые ждали меня у ведущих на катер сходен.

Распорядительницей вечера, как сообщил мне Махмуд, была Камилия, студентка университета и одновременно вольнослушательница Академии изящных искусств.

Камилия — стройная элегантная девушка. У нее светлая кожа и профиль американки. Но достаточно взглянуть в ее милые черные глаза, оттененные длинными ресницами, чтобы убедиться в ее национальности. Только у египтянок может быть такой взгляд и такая улыбка. Камилия — сгусток энергии. Это она наняла катер, созвала подруг и коллег, добыла радиолу и взяла на себя радиофикацию этого старого заслуженного корыта.

На палубе находится несколько других студенток, но парни слушают только Камилии. Она командует ими, как генерал своей армией. Больше всего достается Мухаммеду, с которым, как мне кажется, она близка. Мухаммед — человек совсем иного склада, чем его возлюбленная. Флегматичный и уравновешенный, он смотрит несколько иронически на мир сквозь свои роговые очки и непрерывно жует резинку. Так же как и Камилия, он одет тщательно и модно. Оба они, по-видимому, из зажиточной среды.

Оставшись на минуту одна, я осматриваюсь. Все чем-то заняты и бегают, как сумасшедшие. Наше старинное судно несколько напоминает грузовые «вистулы», которые до войны плавали по Висле. Различие состоит лишь в том, что египетский катер гораздо более архаичен, а рулевым на нем служит старый бородатый араб в тюрбане и галабии.

Перегибаюсь через борт. Густые и коричневые, как гороховый суп, воды Нила лениво текут, неся на поверхности, словно черные привидения, допотопные бар-

жи с наполовину свернутыми парусами. Вокруг катера кружат лодчонки, с которых нас окликают мальчишки. Вероятно, они требуют бакшиша. С одной лодки кто-то прыгает в воду и плавает, громко фыркая.

Над водой стелется туман. За его завесой яркие огни Каира кажутся пастельными. На пристани, у которой стоит наш катер, собирается все больше зевак.

Борт катера делит в этот момент Каир на два мира. Здесь, на палубе, — современная, занимающаяся спортом, модно одетая молодежь, а на берегу — толпа простого люда, белеющая во мраке своими традиционными просторными одеждами.

В последние дни я несколько раз гуляла в общественных садах в центре города. Мне встречались целые семьи. Дочки в модных торчащих юбках, в туфельках на тонких, как шпильки, каблучках, прогуливались вместе с матерями, которые были закутаны в черные длинные одеяния. К тому же мамы нередко скрывали нижнюю часть лица под прозрачной вуалью. В Египте современность на каждом шагу соприкасается с прошлым. При этом оба мира прекрасно уживаются друг с другом.

Палуба нашего катера все более заполняется. Камелия и ее подружка Сикина представляют мне все новых и новых участников экскурсии. Никак не могу разобраться во всех этих Махмудах, Мухаммедах, Исмаилах, Салехах и Саедах, а также в их длинных сложных фамилиях, состоящих из одних и тех же по-разному сочетающихся имен. Все прекрасно знают, кто я, и очень тепло ко мне относятся. Они спрашивают о моих египетских впечатлениях и о польских делах. Поразительно, как много здесь о нас знают. Лучшие пропагандисты польской культуры в Египте — студенты, побывавшие на Варшавском фестивале.

Оглушающий рев сирены прерывает нашу беседу. Катер со скрипом и треском трогается с места. Восхищаюсь ловкостью матросов, которые, несмотря на свои длиннополые одежды, так проворно взбираются на мачты.

Окутанные туманом берега исчезают из виду. Мы выплываем на середину реки. Лишь теперь замечаю, как широко разлился Нил. Он выглядит как озеро.

Но у меня нет времени восхищаться пейзажем. Мои спутники организуют игры на палубе. К всеобщему возмущению, радиопроводка нас подвела. Вместо музыки из громкоговорителей слышны только ужасающие хрипы или сверлящий барабанный перепонки свист.

Все подтрунивают над Камилией, которая непрерывно мечется между палубой и радиорубкой, еще не желая сдаваться. Но ее усилия напрасны. Итак, нам остается только патефон или музыкальные инструменты и голоса.

На сцене появляется Шурия с даблой. Вскоре вокруг него возникает кружок парней, которые держат друг друга под руки и покачиваются в такт музыке.

Меня смешит, что этот коллективный танец юноши и девушки танцуют отдельно. Юноши становятся в один ряд, девушки — в другой и... танцуют в разных концах палубы. Кто-то вовлекает в танец Махмуда. Он со смехом сопротивляется. Камилия рассказывает мне, что Махмуд — известный среди студентов танцор. Он выступал даже в любительском ансамбле. Здесь же он стесняется, по-видимому, меня.

Разумеется, я присоединяюсь к общей просьбе. Уступая нам, Махмуд показывает, что в этой области он не менее талантлив, чем в изобразительном искусстве. Он ловко ведет вереницу танцоров, которые под аккомпанемент даблы громко отбивают ритм на досках палубы.

Постепенно танцующие увлекаются и как бы забываются в этом монотонном танце. Они издают пронзительные дикие крики. Как мне поясняет Шурия, этот танец называется «дабака», его исполняют бедуины у костров в пустыне. Танец этот — как бы традиционное выражение культа огня.

Кто-то говорит, что теперь надо показать мне танец живота. Поднимается Камилия, отбрасывает шаль и, очутившись среди круга парней, извивается, как кобра, под аккомпанемент даблы.

Между тем наш катер плывет все дальше и дальше. Каир с его яркими неоновыми огнями остается далеко позади и расплывается в темноте. Всюду, куда ни кинешь взгляд, вода под сводом темно-синего неба.

Холод чувствуется все сильнее и начинает пронизывать нас до костей. Молодые друзья окружают меня тесным кольцом. Расспрашиваю их об учебе, быте и

обычаях. Они много и охотно рассказывают о себе и своем учебном заведении.

Университет в Каире был основан в 1909 году и первое время находился в частных руках. В ведение государства он перешел только в 1925 году. В 1942 и 1950 годах открылись университеты в Гелиополисе, Александрии, Эйн-Хамсе; в 1957 году — в Асьюте. В общей сложности в египетских университетах учится более пятидесяти шести тысяч юношей и девушек. Наибольшее число студентов продолжает объединять Каирский университет. В этом году в нем учится около двадцати четырех тысяч студентов на семи факультетах (права, торговли и экономики, сельского хозяйства, философии, медицины, ветеринарии и технических наук). Кроме того, в Каире имеется Академия изящных искусств, где наряду с ваянием, рисованием, живописью и другими специальными дисциплинами преподается история искусства.

В Каирском университете наибольшее число студентов (шесть тысяч) изучает торговлю и экономику, а также право (четыре тысячи семьсот). В Академии изящных искусств обучается четыре тысячи триста студентов. Затем следуют медицина и технические науки.

Такое состояние дел обусловлено вовсе не отсутствием интереса к медицине и техническим наукам, а нехваткой помещений для мастерских и лабораторий. В Египте ныне повсеместно ощущается острая нужда во врачах и людях с техническим образованием.

Будучи здесь впервые, я не могла оценить, какой большой шаг вперед был сделан именно в технике и медицине. Однако о прогрессе, особенно в последней области, рассказывали мне не только египтяне, но и живущие в Каире поляки.

На территории страны создана сеть эпидемиологических станций, которые ведут борьбу главным образом с широко распространенными глазными болезнями и туберкулезом.

Студентка третьего курса медицинского факультета Муфида с энтузиазмом рассказывает мне, что во время последних каникул у нее была практика на одной такой станции, созданной в захолустной деревушке в Верхнем Египте, около Луксора. Она занималась там в основном

пропагандой гигиенических навыков. Открыто и без прикрас рассказывает Муфида о нищете и отсталости местного населения, о детях, которые спят вместе со скотом, об изнуренных почти круглосуточной работой женщинах, которые никогда не умываются и весь день носят с собой новорожденных младенцев, завернутых в свисающий с головы платок. Она говорит о людях, страдающих от туберкулеза, от постоянно гноящихся нарывов, о сотнях слепцов, которые потеряли зрение в результате трахомы, о психически больных и недоразвитых детях. Именно там, в самых нищих деревушках пустыни, в маленьких городках и в беднейших районах Каира или Александрии перед молодыми врачами открывается обширное поле деятельности.

Слушая взволнованный рассказ Муфиды, я вспоминаю «Дневник египетского врача», изданный в тридцатых годах нашего века. Хотя я читала эту книгу лет двадцать назад, она свежа в моей памяти. Я сравниваю положение этих молодых, воодушевленных своей профессией будущих врачей, для которых постепенно создаются лучшие условия плодотворного труда, с трагической борьбой автора той книги.

Автор «Дневника» многократно отмечал не только полное безразличие, но часто даже умышленное противодействие египетских и английских властей попыткам улучшить систему здравоохранения в Египте.

Когда я рассказываю об этом студентам, они подтверждают мое наблюдение. Молодое поколение египетских врачей и ныне вынуждено бороться с тяжелым наследием колониализма.

В нашу беседу с Муфидой включается стойкий темноволосый студент политехнического факультета Каирского университета — Салех. И он был на практике в глубинных районах и принимал участие в реконструкции деревни, построенной из сушеного болотного кирпича. Рассыпающиеся, ветхие домишки по инициативе государства были заменены современными жилыми блоками, снабженными санитарными узлами. Там же были построены фильтрующие установки и резервуары с очищенной водой.

Вопросы общественного здравоохранения в Египте больше, чем в какой-либо иной стране, связаны с про-

блемой техники и строительства. Тысячи лет ведется в Египте непрерывная борьба за воду. Вода — это не только урожай. От ее количества и чистоты зависит и здоровье всего общества.

Наша группа растет. Каждый чувствует себя обязанным добавить какую-нибудь подробность и восполнить пробелы в моих знаниях о Египте.

Мустафа рассказывает о борьбе с неграмотностью. Число неграмотных в 1946 году составляло около девяноста двух процентов населения, а теперь упало до семидесяти. Центры борьбы с неграмотностью создаются в армии, полиции, исправительных учреждениях, тюрьмах. Государство ежегодно открывает около трехсот пятидесяти новых начальных школ, но, к сожалению, при огромном приросте населения Египта этого количества все еще недостаточно. В настоящее время в начальных школах учится более двух с половиной миллионов детей. Согласно планам правительства, до 1962 года в Египте должно быть открыто десять тысяч начальных школ.

Одновременно на территории всей страны быстро возникают педагогические лицеи. Мустафа, например, изучает историю и намерен стать учителем. В этом году он кончает учебу. У него очень хорошие отметки, и ему предложили заграничную стипендию. Все же он отказался, потому что решил сразу после окончания лицея уехать в окрестности Асуана и работать учителем в одной из местных школ. Он родился в тех краях и хочет посвятить свою жизнь пропаганде образования среди людей, которым оно наиболее необходимо. Муфида и Сикина, окончив медицинский факультет, также поедут в провинцию, потому что именно там ощущается в них наибольшая нужда.

Меня до глубины души волнует поведение и энтузиазм этой чудесной молодежи. Только Мухаммед бросает иронические замечания и высмеивает воодушевленные своих коллег.

— Не удивляйтесь этому, он всегда такой, — говорит Камилия, а Сикина добавляет вполголоса:

— Мухаммед — сын богатого предпринимателя, буржуа и консерватора.

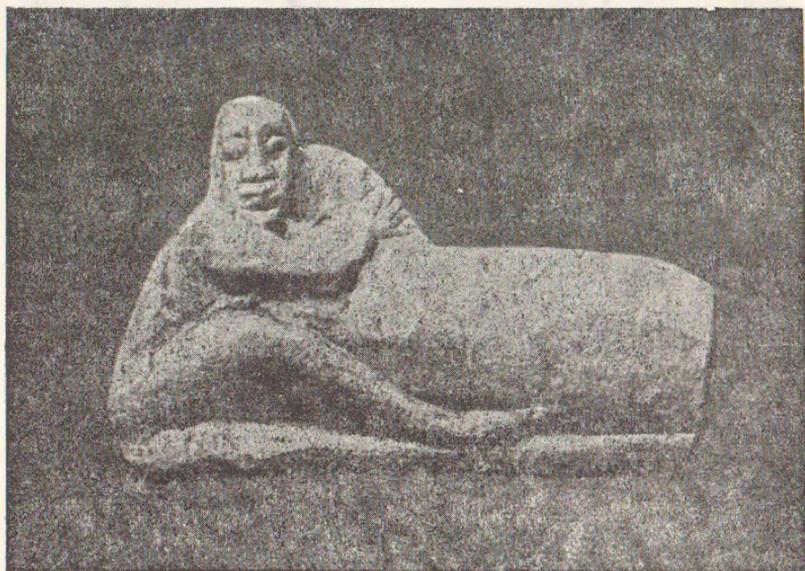
Когда началась война, он сразу же пошел добровольцем в армию и героически сражался. Он получил

Надгробная стела Анхрен

Скарабеи, найденные в Тель Атрибе

Скульптура, найденная в Тель Атрибе

даже награду за храбрость, но не переносит, когда говорят об этом. Такой уж у него характер.

Оказывается, почти все присутствующие здесь египетские студенты, несмотря на юный возраст, участвовали в борьбе. Во время войны часто случалось, что пятнадцатилетние юноши, а нередко и девушки убегали из дому и добровольцами вступали в армию.

Среди окружающих меня студентов, кроме египтян, имеются сирийцы, ливанцы и юноши из Саудовской Аравии. Весь арабский мир высоко ценит образование, получаемое в египетских высших учебных заведениях. Поэтому в Египет стекается молодежь из всех соседних стран. Многие молодые иностранцы получают в Египте стипендии.

Шурия и его коллеги-сирийцы сердечно приглашают меня посетить в ближайшие дни их общую квартиру. Разумеется, торжественно обещаю нанести им визит. Теперь же прошу их исполнить какой-нибудь сирийский танец или песню, чтобы записать мелодию на магнитофонную пленку.

Они с радостью удовлетворяют мою просьбу. Вскоре у меня записан богатейший материал, так как все присутствующие египтяне и иностранцы толпятся вокруг меня, предлагая напеть свои национальные мелодии. Есть среди них тоскливые и поэтические песни Ливийской пустыни, лихие и порывистые танцы горцев Ливана, прерываемые характерными окриками песенки сирийских пастухов. Один египетский студент изумительно пародирует призывы муэдзина.

Благодаря этому импровизированному концерту мы даже не заметили, как добрались до цели нашего путешествия — плотины в Батн аль-Баккара. Резкий рывок катера и крики матросов, крепящих канаты на берегу, напоминают о прибытии к цели нашего путешествия.

Выходим на берег и погружаемся в чарующий пейзаж живописного сада, дремлющего в тишине лунной ночи.

Наше общество разбивается на маленькие группки и удаляется в тенистую глубину. Я остаюсь с Камилией, Мухаммедом, Махмудом и историком Мустафой. Мы сидим под зеленым балдахином широко разросшейся смоковницы. Смотрим на трепещущую в водах Нила

полосу лунного света и впитываем упоительный, как крепкие духи, запах египетских жасминов.

Сидящий рядом со мной Махмуд мечтает, вероятно, о Ганне Б. из далекой Варшавы. Рука Камилии покоится в ладони Мухаммеда, Мустафа протяжно декламирует по-арабски какое-то стихотворение. А мне приходит на память фрагмент любовной поэмы анонимного поэта тысячелетней давности:

...Я для тебя, как сад,
Который я разбил для цветов
И всяких пахучих трав.
Прекрасен в нем пруд,
Выкопанный твоими руками.
Когда дул холодный северный ветер,
В этом чудном месте гулял я
С твоей рукою в моей руке,
А сердце мое было полно радости,
Потому что шли мы вместе.
Я восхищаюсь, слыша твой голос,
И живу тем, что слышу его.
Всякий раз, когда я вижу тебя,
Это ценнее для меня, чем еда и питье.

Надолго сохранится у меня в памяти чудесная ночь, которая открыла передо мной не только чарующий пейзаж страны, лежащей над Нилом, но и приподняла завесу над благородной душой ее молодого поколения.

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЬ САККАРА

Экскурсия в пустыню в полдень, при почти сорокаградусной жаре, была настоящим безумием. Вина тут падает все же не на меня, а на тройку обаятельных сумасбродов: Камилию, Мухаммеда и Махмуда, вместе с которыми я собралась осматривать памятники старины в Саккара.

Накануне мы решили выехать из Каира ранним утром, часов около семи. Но приготовления к экскурсии затянулись настолько, что мы выбрались только в одиннадцатом часу.

Уже в автобусе я почувствовала, что экспедиция не будет ни легкой, ни приятной.

Нестерпимая жара! С ужасом гляжу на плотные пиджаки и длинные одежды моих соседей по автобусу. Через несколько минут моя блузка становится мокрой. Камилия и Мухаммед уверяют, что скоро будет еще жарче.

Автобус быстро мчится по направлению к Мемфису. Мы уже проехали Гизу и пирамиды; от Сахары нас отделяет пятнадцать километров. Вдоль шоссе тянутся узкие полосы обработанных полей и скупой зелени. Сразу за ними — желтоватые песчаные пригорки. Это пустыня, куда мы направляемся. Духота не оставляет сил даже для беседы со спутниками. Через полчаса автобус делает остановку на пустыре. Мы выходим. В автобусе было жарко, но когда мы оказываемся на шоссе, создается впечатление, будто попадаешь в раскаленную печь.

Юноши сообщают, что теперь мы должны пройти пешком по крайней мере три километра по широкой,

идушей вверх дороге. Ищу хоть одно дерево, но, увы, не вижу ничего похожего. На протяжении десятка километров все тонет в ослепительно белом свете.

Ну что ж! Нужно делать хорошую мину при плохой игре. Притворяюсь, что это известие не производит на меня никакого впечатления и стараюсь выглядеть как можно бодрее. Однако у меня волосы становятся дыбом, когда я думаю, что при этой безумной жаре придется так долго плестись по глубокому раскаленному песку. Неимоверно давит все, что имею на себе и при себе. С величайшей охотой я бы бросила на землю фотоаппарат, сумку с едой и свитер (и зачем я его только взяла!).

Махмуд — джентльмен: он предлагает нести мои вещи. Камилия вынимает из сумки широкий белый платок и набрасывает мне его на плечи. Я сопротивляюсь, но чувствую, что с ним жара переносится значительно легче. Теперь я понимаю, почему бедуины, которых я видела в Гизе у пирамид, носят на головах спускающиеся до пояса бурнусы.

Камилия пытается шутить. Мальчики не делают даже и этого. С кислыми лицами мы бредем в гору. Вдруг из-за поворота появляется белый грязный осел с погонщиком на спине. Мухаммед рысью мчится к нему.

После оживленного обмена мнениями, который сопровождается яростной жестикуляцией с обеих сторон, погонщик слезает с осла и, подведя его ко мне, предлагает сесть на него.

С радостью взбираюсь на спину животного, но уже через несколько шагов начинаю понимать, что это далеко не самый удобный способ передвижения. Все же он кажется мне значительно менее утомительным, чем марш *per pedes apostolorum*¹.

Три моих спутника кладут на спину ослика всю свою поклажу и запасы продовольствия.

Вскоре как из-под земли вырастают все новые ослики и бегущие рядом погонщики... Спускаясь вниз, они приближаются к нам. Какое счастье! Теперь у каждого из нас свой скакун. В значительно более бодром настроении мы мчимся на ослиных хребтах. Лучшим на-

¹ *Per pedes apostolorum* (лат.) — «как ходили апостолы», т. е. пешком. — *Прим. перев.*

ездником оказывается Махмуд. Непрерывно колотя своего осла пятками по брюху, он возглавляет нашу кавалькаду. Ее состав растет с каждой минутой. К нам присоединяются какие-то дети, статная девушка и уже немолодая женщина с парой малышей. Они назойливо требуют бакшиш, которого, увы, не получают.

Осматриваюсь вокруг. Совсем исчезли зеленые пастбища и обработанные поля. По обе стороны дороги до самого горизонта виднеются желтые песчаные осыпи и слегка волнистая пустыня, ослепительно белая под лучами палящего солнца. С высоты ослиного хребта этот пейзаж кажется значительно менее монотонным и утомительным.

Приближаемся к повороту перед высоким холмом. У песчаного склона маленькая деревянная будка. Перед ней стоит старый бедуин в белом и предлагает воду из глиняной амфоры. Такие амфоры уже встречались мне в гончарных мастерских Старого Каира. Вероятно, и эта происходит оттуда же. С жадностью пью холодную, свежую воду.

Вдруг погонщики поднимают ужасный крик. Из столь же громких реплик Камилии и отчаянных жестов обоих юношей я делаю единственно возможный вывод: погонщики требуют, чтобы мы слезли с ослов. Оказывается, они собираются вернуться к автобусной остановке за новыми пассажирами.

— Разве мы не пассажиры? — спрашиваю с удивлением.

— Они предпочитают лучших пассажиров — американцев, которые дадут им жирный бакшиш. Отвратительные типы! — кричит Камилия, размахивая кулачками перед носами погонщиков, которые пытаются, очевидно, убедить ее и Мухаммеда в своей правоте.

— Да бросьте их, пусть идут ко всем чертям! — говорит Махмуд. Он явно стыдится этой сцены.

Итак, мы снова остаемся на бобах, вернее — на песке. Присаживаюсь в тени будки, не имея ни малейшего желания двинуться с места. Но ведь нельзя же сидеть без конца. Встаем и плетемся дальше по дороге, поднимающейся все более отвесно. У меня теперь нет сил представить себе, что здесь происходило тысячи лет назад. А ведь именно по этой дороге тянулись из Мем-

фиса вверх по направлению к некрополю Саккара торжественные траурные процессии жрецов, которые отвозили почтенные мумии фараонов к месту их вечного отдыха. Я бы сто раз предпочла быть в этот момент такой мумией, чем тащиться пешком по пескам.

Но вот еще один поворот дороги, и мы попадаем в глубокую тень. Я так обрадовалась, что не сразу заметила пирамиду, которая отбрасывала эту тень. Она выглядит так, словно состоит из пяти квадратных каменных коробок все уменьшающихся размеров, поставленных одна на другую. Склоны ее похожи на ступени.

Узнаю самую древнюю, так называемую ступенчатую пирамиду, воздвигнутую по приказанию фараона Джосера, основателя III династии, около 2650 г. до нашей эры.

Мои спутники не смотрят на известную им пирамиду, но тянут меня к находящейся на расстоянии пятидесяти метров туристской базе, где мы наконец сможем отдохнуть в прохладе и утолить жажду охлажденными напитками. Пирамиду можно будет осмотреть несколько позже, когда спадет зной.

В прохладном зале базы (окна выходят на север) пусто. Здесь бродят только четыре пса с узкими мордами и запавшими боками. Сначала они боязливо смотрят на нас, но вскоре начинают постепенно приближаться к нашему столу в надежде, что им кое-что перепадет.

Подозрительно и выжидательно заглядывают в окошко худые смуглые детишки с косматыми черными вихрами.

В так называемом буфете только кока-кола и какие-то освежающие напитки в бутылках. Все тут свидетельствует о нищете и запустении, так же как на любой туристской базе, покинутой туристами. Обслуживающий молодой араб в грязном бурнусе, но с большими золотыми часами на руке, доверительно сообщает нам, что со времени войны туристы очень редко появляются в Саккара, поэтому заработки здесь весьма скудны.

Смотрю в зеркальце. Лицо у меня красное, как пион, и крайне утомленное. Только теперь ощущаю по-

настоящему усталость. Несмотря на то что я не ела ничего с самого утра, совсем не чувствую голода. Камилия вынимает из сумки турши. Это разные маринованные и крепко соленые овощи. Юноши бросаются на них и быстро уничтожают, насаживая на зубочистки. Пробую и я.

Турши — это изумительная вещь и, о чудо, несмотря на острый и соленый вкус, прекрасно утоляют жажду. После такой закуски — при одной мысли о ней у меня еще и теперь текут слюнки — появляется аппетит на сэндвичи и ростбиф, а затем на бананы и апельсины.

Камилия помнила обо всем. Но теперь бедняжка окончательно выдохлась. Ее смуглое личико посерело, а под глубокими черными глазами легли тени. Оказывается, она перенесла это путешествие намного хуже, чем я.

Мухаммед заявляет, что Камилия нуждается теперь в основательном отдыхе, а сам он вообще не двинется отсюда до вечера. Оба они сыты прогулкой по горло. Поэтому после краткого отдыха отправляюсь в дальнейший путь вдвоем с Махмудом.

Выйдя на террасу, прилегающую к залу, где остались Камилия и ее рыцарь, мы вновь видим перед собой раскаленную добела пустыню. Терраса поднимается на полтора метра над уровнем земли. Из-за барьера выплывает голова верблюда на длинной шее. Он нагло смотрит на нас из-под светлых ресниц, пережевывая траву, которой его кормит погонщик.

Махмуд настойчиво уговаривает меня продолжить путешествие на верблюдах. Мы влезаем с террасы прямо на широкие седла, помещенные у основания горба. Мой верблюд не испытывает от этого восторга. Он отвратительно шипит и пытается схватить меня зубами за ногу. За это он получает от погонщика палкой по коленям, после чего немедленно пускается в бег. Хватаюсь за выступающий из седла высокий колышек. Погонщик объясняет, что при путешествии на верблюде следует, так же как при верховой езде, регулярно приподниматься в седле. Вообще-то я неплохо держусь на коне, однако путешествие на верблюде из-за его длинного шага неприятно и трудно. К счастью, оно продолжается недолго. Погонщики, бегущие все время рядом

с нами, останавливают верблюдов у входа в подземную гробницу, скрытую в песчаном раскопе.

Теперь животные должны стать на колени, чтобы нам легче было сойти с седла. Однако мой верблюд поразительно упрям. Погонщик напрасно кричит, напрасно колотит его гибкой палкой по коленям. Все бесполезно. Вредная скотина заупрямилась. Я уже решила прыгать с высоты его спины, как вдруг он падает на передние ноги. Это происходит так неожиданно, что я чуть не перелетаю через его голову. Окрик погонщика: «Держитесь, мадам!» — напоминает о высоком колышке на передней луке седла. Я хватаюсь за него в позе распластанной лягушки и таким образом спасаюсь от позора. Собравшиеся вокруг проводники и погонщики лопаются от смеха. Я в бешенстве.

Спускаемся в глубь небольшой песчаной долины, где находится запертый массивными воротами вход в гробницу. Перед воротами старый проводник-араб садится на корточки и зажигает нефтяной фонарь. Неся его над головой, проводник освещает нам путь в темную пропасть гробницы. Это — знаменитый Серапеум.

Мы находимся в преддверии гробницы. Перед нами скалистая пещера с массивным шарообразным куполом. Слева и справа тянутся длинные горла широких, тонущих во мраке коридоров. Проводник идет впереди. В развевающейся белой одежде, с трепещущим пламенем над головой, он шествует в темноте беззвучно, точно привидение. Под ногами хрустит мелкая песчаная пыль, над головами скалистые своды, поддерживаемые монументальными, гладко отполированными пилястрами из гранита. По обеим сторонам коридора, метра на два ниже его уровня, расположены квадратные ниши.

В центре каждой из них — громадный саркофаг из серого, черного или розового гранита. Погребальные камеры расположены по обеим сторонам коридора, между гранитными пилястрами. Это свидетельство прекрасной устойчивости монументальной постройки из гранита. Говорят, что крышки саркофагов, в которых почивают набальзамированные останки быков Аписов, весят около шестидесяти тонн. Они покрыты иероглифическими письменами и рельефами, изображающими целые поколения святых быков.

Иду очарованная изумительной строгостью архитектуры скалистой галереи. Восхищаюсь техникой, которая позволила уже за семнадцать веков до нашей эры так гладко отполировать твердые гранитные блоки, происходящие скорее всего из Асуана.

К главному входу гробницы, очевидно уже во времена фараона Джосера, вела аллея сфинксов. Их, по видимому, насчитывалось сто сорок один, ибо столько было найдено постаментов.

В Серапеуме, так же как вблизи Сфинкса и пирамид, я осознаю, как много теряет современное искусство в сравнении с чистотой и лаконичностью форм искусства древности. В этом убеждают меня не только впечатления от Серапеума.

Мы посещаем и гробницу принца Ти, датируемую Древним царством. Принц Ти был, вероятно, аристократом с изысканным вкусом, если он приказал украсить свою гробницу именно таким образом.

В главную погребальную камеру со стенами, покрытыми слоем бело-розового гипса, попадаем через прихожую, украшенную с двух сторон рядами легких колонн в виде прямоугольных параллелепипедов. На стенах камеры длинные полосы барельефов, на которых изображены различные виды трудовой деятельности в Египте периода Древнего царства. Вот сцены жатвы, ниже — полоса с изображением молотбы. Внизу — перевозка хлеба на ослах. По другую сторону — юный погонщик загоняет палкой стадо буйволов, над которыми кружат коршуны. Над всем этим знак, изображающий человеческое око.

Продвигаюсь вдоль стен и как будто смотрю фильм из жизни древнего Египта. Каждая фигура изображена здесь с необычайным реализмом и во всех подробностях. Видны даже ямки на локтях и коленях людей на барельефе. Получается ощущение округлости и мягкости человеческого тела. Это тем более поразительно, что барельефы имеют естественный цвет человеческой кожи.

В Махмуде, который до сих пор был вялым и утомленным, пробуждается художник-ваятель. Он с восхищением показывает детали барельефов и подчеркивает их художественную ценность.

— Смотрите, мэм, — говорит он, — даже теперь у нас нет инструментов для такого тонкого ваяния.

— Из чего же они могли быть сделаны?

— Скорее всего из железа.

Барельефы из гробницы принца Ти помогли определить характер сельскохозяйственного производства в период Древнего царства. Благодаря им мы узнали, что в те времена культивировали виноград и оливки, разводили гусей и уток (египтяне не знали кур), лебедей, журавлей и голубей. Барельефы, посвященные ремеслам, рассказывают о ткачестве, дублении кож, гончарном деле и изготовлении папирусов. В других гробницах этого периода встречаются изображения строительства кораблей и лодок, а также отдельных стадий плавки металлов.

Сквозь узкую щель в одной из погребальных камер можно увидеть статую принца Ти, поставленную в помещении без входа. Не знаю, сколько ему было лет, когда он умер. Но во всяком случае для потомства он сохранен в виде прекрасного юноши.

На обратном пути мы обстоятельно осматриваем пирамиду Джосера.

Во время правления Джосера в Египте жил и творил наделенный многими талантами мудрец Имхотеп. Он был инженером, математиком, архитектором и врачом. Воздвигнутая в то время пирамида Джосера — вероятно, творение Имхотепа. Рядом с пирамидой находился погребальный храм и несколько других построек, которые были здесь сооружены, по-видимому, в связи с созданием в Саккара одного из величайших некрополей Египта. Увы, от всего этого остались только развалины.

— Знаете, мэм, — говорит Махмуд, — этот Имхотеп был необычной фигурой в истории древнего Египта; он сделал неслыханную для того времени карьеру.

Имхотеп, как и Джосер, происходил из Мемфиса. С юных лет он посвятил себя архитектуре; именно ему обязано искусство Древнего царства монументальной гранитной колонной — наиболее характерным элементом архитектуры того времени; колонна заменила пучок тростника, применявшийся в самом древнем строительстве Египта.

Благодаря большим заслугам в области архитектуры Имхотеп был назначен членом Мемфисской коллегии (совета министров Египта того времени), затем получил титул стража печати Нижнего Египта, жреца храма Гелиополя, начальника строительных работ во всем Египте и, наконец, княжеский титул семер-уат, что буквально означает: «первый и единственный друг фараона».

В конце концов Джосер пожаловал ему высший сан в государстве: тчати, или визиря. Ныне мы бы сказали, что он стал премьер-министром правительства Джосера.

После смерти Имхотепа о нем слагали легенды, а несколько сот лет спустя он был даже обоготворен. Такой почести удостоились только три человека в эпоху Древнего царства. Немецкий археолог Герман Кеес сообщает, что Имхотеп был отождествлен с богом Пта, покровителем строителей.

Храм Имхотепа находился, по-видимому, в местности Дейр аль-Бахри в Верхнем Египте.

День склоняется к вечеру, но жара не спадает. Не могу понять, откуда у меня берутся силы, но после этих утомительных и все же очень интересных часов пребывания в гробницах Саккара я чувствую себя бодрой и полной энергии.

К сожалению, не могу сказать того же о моих трех египетских друзьях. У Камилии в наше отсутствие шла носом кровь. Мухаммед дремлет, изнемогая от усталости, а Махмуд испытывает приступ острой боли, трясясь в двухколесной арбе, на которой мы возвращаемся к автобусной остановке. С тревогой спрашиваю, часто ли бывают у него такие приступы. Оказывается, что уже несколько месяцев назад врач нашел у него воспаление слепой кишки.

— Не понимаю, Муду, почему ты до сих пор не сделал операцию?

— Просто потому, что у меня нет денег. Операция стоит двадцать пять фунтов.

— Разве у вас нет госпиталей?

Вся тройка застенчиво улыбается.

— Ведь я видела в Каире ваш новый большой госпиталь на берегу Нила, устроенный, кажется, в одном из дворцов Фараука...

— Кому жизнь мила, тот туда не пойдет, — говорит Камилия. — Наши госпитали, за немногими исключениями, все еще очень примитивны...

Лишь сейчас для меня стала ясна сцена, свидетельницей которой я была несколько дней назад возле госпиталя. Под самой стеной стояли женщины в черных одеждах и, закрыв лица черными платками, громко вопили. Ими предводительствовала старая отвратительная толстая баба, которая вопила громче всех. Я спросила одного из прохожих, что означает эта сцена; он ответил, что, наверно, в госпитале кто-то умер. Зажиточная семья наняла плакальщиц, проливающих свои дорогие слезы за ее счет.

— Деньги израсходованы слишком поздно, — добавил этот прохожий.

Теперь я поняла, о чем он думал.

Легкая арба подвезла нас к автобусной остановке, где нам пришлось довольно долго ждать автобуса, отправляющегося в Каир. Вскоре мы стали объектом внимания всех проходящих по шоссе людей. Через несколько минут нас уже окружило кольцо детей. Мое внимание сразу привлекает красивая, но ужасно грязная девочка лет двенадцати, в черном платке. У нее такая чудесная улыбка, что я пытаюсь поймать ее в свой аппарат. Но девочка, как потревоженная лань, убегает, закрывая лицо платком. Это огорчает Камилию.

— У нас ужасающая отсталость, мэм, не сердитесь на нее. Темные люди из деревень считают, что фотографирование влечет за собой несчастье, а Коран запрещает каким-либо образом увековечивать фигуру или лицо человека.

— Я знаю об этом, Камилия, но скажи мне, каким же чудом в Каирском музее оказались фризы с человеческими фигурами, которые, если не ошибаюсь, относятся к X или XI векам?

— Художники всегда революционеры, мэм, — смеется Махмуд, которому уже стало несколько легче. — Так было испокон веков. Те фризы были сделаны людьми, которые не хотели подчиниться общим предписаниям.

Маленькая красотка вновь приближается ко мне. Привлекаю ее серебряной монеткой. Дети, которые до

«сих пор наблюдали неподвижно издали, подбегают и одновременно, как по команде, протягивают худые и неимоверно грязные руки. Раздаю всю имеющуюся при мне мелочь, что вызывает недовольство моих спутников.

Заметив это, дети разлетаются, как стайка воробьев. На месте остается только моя знакомая. Гортанным шепогом она поверяет что-то Камилии. Та объясняет, что девочка хочет спеть для меня. Тонким, ломающимся, но очень чистым голосом она напевает мелодию, которая берет за душу своей глубокой печалью.

Может быть, именно благодаря этой детской песне Саккара навсегда сохранится в моей памяти как место, где все печально: пустынный пейзаж, остатки былого величия древнего Египта, заброшенная база без туристов, дети и даже собаки... Печальна песнь Саккара.

ЕГИПЕТСКАЯ «МАЛЯРИЯ»¹ В АЛЬ-ЗАМАЛИКЕ

Египетские живописцы и ваятели, которых мы видели у Али Бабы после осмотра пирамид, явно позавидовали Амару и Самуэлю Генри, имевшим возможность познакомить нас со своим искусством, и пригласили всех польских художников и меня осмотреть их мастерские.

Летом в Каире светская жизнь начинается лишь с наступлением ночной прохлады, т. е. около девяти часов вечера. В это время заполняются кафе и ночные клубы, наступает час визитов к друзьям и скромных встреч с коктейлями.

Итак, вскоре после ужина с польскими художниками в гостинице «Континенталь» Хасан и Али Баба приехали за нами в министерских машинах.

Переехав по мосту через Нил, мы попали в Аль-Замалик. Район этот полон своеобразия; в нем господствует тишина и спокойствие. Роскошные дома и шикарные виллы утопают в тихих садах. У ворот стоят темнолицые привратники в красных фесках и белых галабиях; они услужливо открывают двери автомобилей и указывают путь гостям.

Али Баба сообщает, что все мастерские, которые мы сегодня посетим, расположены в Аль-Замалике. Хасан вполголоса добавляет, что их владельцы отличаются прежде всего обилием денег. Мне предстоит самой убе-

¹ Игра слов. Речь идет не о малярии, а о живописи. Польское слово *malarstwo* — живопись близко по звучанию слову *malaria* — малярия. — Прим. перев.

даться в том, одарены ли они в равной мере и талантом.

Начинаем с визита к профессору Хамуду. В холле прохладной роскошной квартиры нас приветствует невысокого роста худощавый мужчина в очках. Его типично арабское, тонкое и красивое лицо дышит умом и энергией. Рядом с ним стоит женщина лет тридцати пяти с несколько потухшим и утомленным лицом.

Азр ад-Дин Хамуд — наиболее выдающийся портретист современного Египта, профессор Академии изящных искусств в Каире. Его супруга Зейнаб — тоже известный живописец. Она преподает рисование и историю искусства в педагогическом лицее для девушек.

Оба они долгое время жили в Европе. Она окончила Школу изящных искусств в Париже, он же долгие годы учился, а потом работал в Испании.

— Я люблю испанское искусство, пожалуй, даже больше, чем египетское, — доверительно сообщает он мне. — И знаете почему? Просто потому, что в нем долгое время сохранялись в более чистом виде традиции арабского искусства, изолированные на протяжении веков от всяких космополитических влияний. Достаточно присмотреться хотя бы к испанской архитектуре.

Профессор увлекается искусством ислама. В современно обставленной квартире Хамуда на каждом шагу можно встретить драгоценные антикварные металлические украшения, ковер, настенный коврик или керамику; все это свидетельствует о любви их владельцев к древнему исламскому искусству и ремеслу.

Подкрепившись чудесными ледяными напитками — наши живописцы недовольны отсутствием в них спиртного, — мы осматриваем квартиру Хамуда.

Портреты кисти профессора, созданные под влиянием старого испанского искусства, хороши, но они не волнуют меня так, как пейзажи его жены, в которых чувствуется большой темперамент и тонкое чувство цвета. В ее работах заметно несомненное влияние французского художника Дюфи, однако это несколько не умаляет индивидуальности египетской художницы, которая своеобразно трактует форму и цвет изображаемых предметов.

Супруги Хамуд — несомненно, аристократы в среде

каирских художников; это люди с установившейся репутацией и большими постоянными заработками. Они производят самое лучшее впечатление как талантливые художники и высококультурные, симпатичные люди. Их двенадцатилетняя дочь тоже неплохо рисует; родители тайком показывают нам ее интересные наброски.

Проведя здесь около часа, мы едем в мастерскую очень модного теперь в Каире скульптора Гамалея ас-Сагини.

Сагини, красивый мужчина с бородкой цвета вороного крыла, подстриженной по моде французской богемы, ожидает нас в обществе коллег-художников в своей мастерской на соседней улице. Он здоровается, не вынимая изо рта громадной трубки. На первый взгляд он производит впечатление позера.

На сей раз мы пьем коктейли, притом крепкие. Языки развязываются. Возникает по-настоящему товарищеская и непосредственная атмосфера. Госпожа Сагини, очень красивая и изящная женщина, не занимается искусством. Она выглядит очень выхоленной и избалованной.

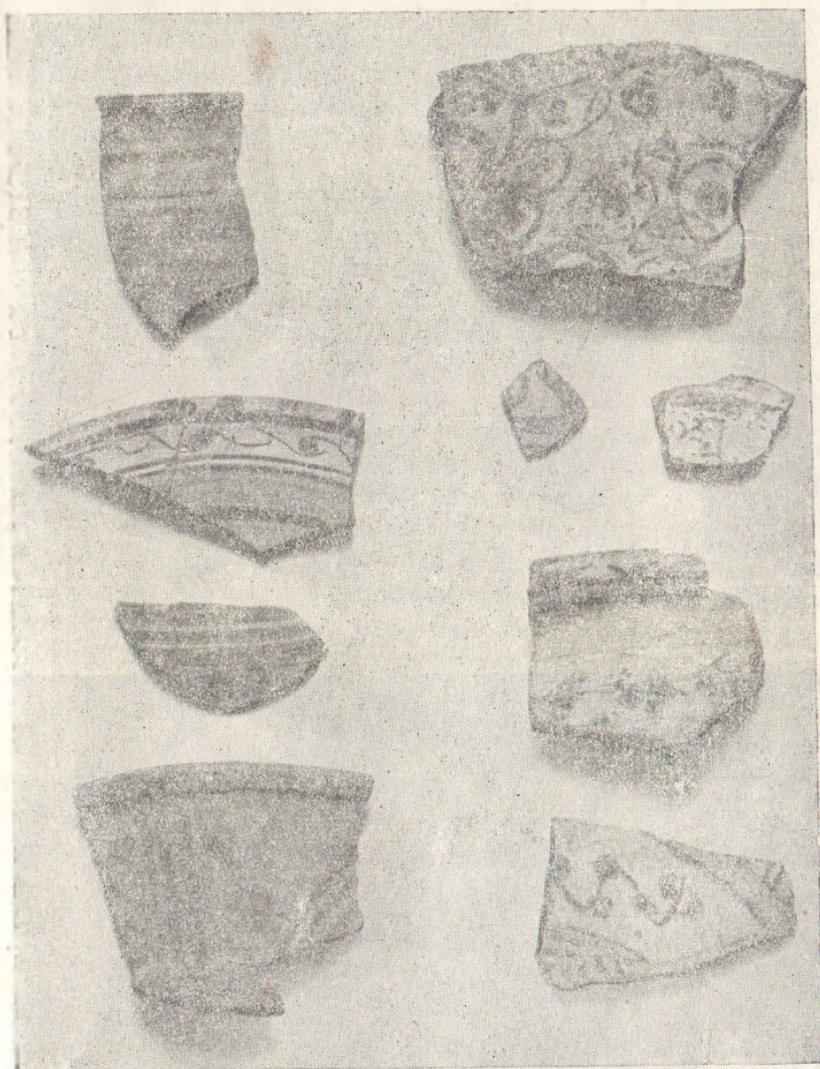
Хозяин ведет нас сначала в кабинет, где находятся его керамические скульптуры. В головках из терракоты я замечаю что-то общее с работами нашего Стрынкевича. Та же сила выражения, строгость формы и склонность к народным типам. Меня пленяют также керамические обливные фигурки птиц и полные ритма абстрактные композиции; они поражают красотой формы и прекрасным подбором цветов. В то время как я восхищаюсь творчеством Сагини, ко мне подходит один из наших скульпторов и тянет в следующую комнату.

— Не говорите ничего, пока не увидите тех работ,— предостерегает он меня.

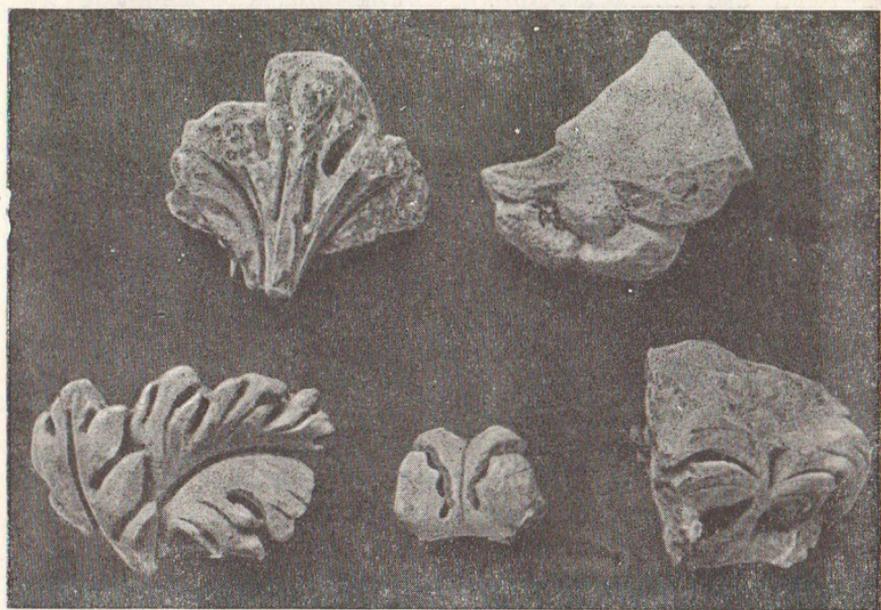
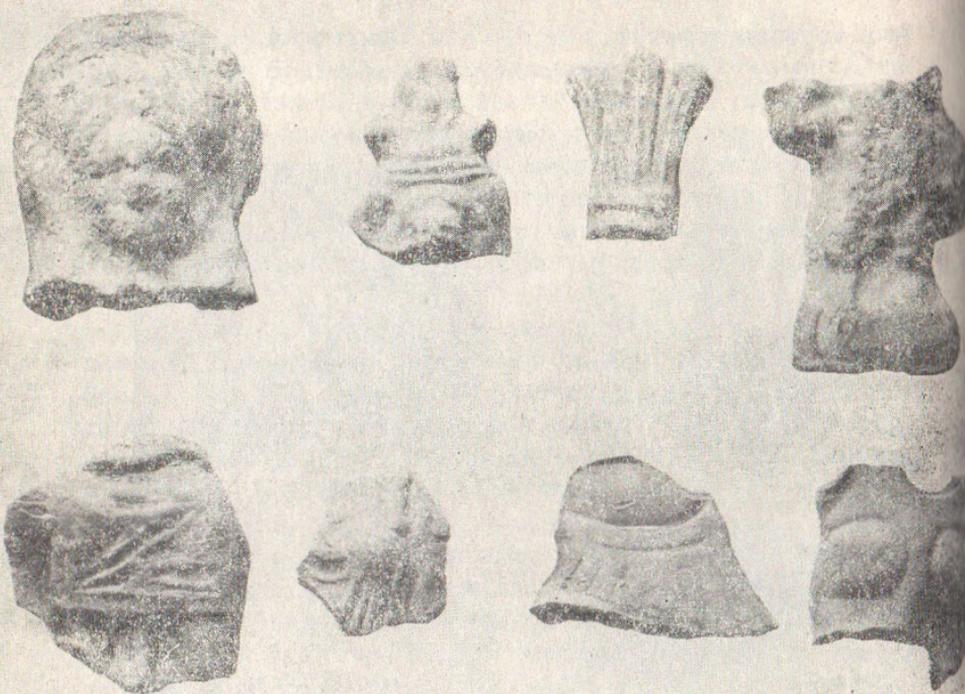
Вхожу и останавливаюсь как вкопанная.

Мы находимся в мастерской Сагини. Посередине на постаменте стоит еще влажная глиняная модель памятника президенту Насеру. Скульптура патетическая, топорная и неискренняя. Рядом с ней какая-то еще более ужасная группа.

— Болезни и теневые стороны художественной среды, пожалуй, одинаковы во всем мире, — констатирую я в следующей мастерской, принадлежащей модному

Обломки керамики, найденные в Тель Атрибе

Фрагменты декоративного оформления зданий, обнаруженные в развалинах Атрибиса

каирскому графику, милейшему человеку, полному обаяния.

Он показывает нам целые горы иллюстраций и проектов книжных обложек. Все это ужасная халтура. Автор продает ее в массовом порядке, добывая таким образом солидные суммы. Об этом свидетельствует его роскошная квартира, элегантно одетая жена и изобилие на столе.

После третьей или четвертой рюмки виски он со слезами на глазах говорит мне, что прекрасно понимает все убожество своего творчества, что он хотел бы рисовать совсем по-иному. Но что же делать? (Тут следует красноречивый жест.) Жить-то надо!

Смотрю на сидящего рядом с кислой улыбкой Хасана. Весь этот вечер он был молчалив и хмурился. Отлично понимаю, что его подавляет. Не с этой стороны он хотел бы показать мне современных египетских художников.

Когда вся наша компания, к которой присоединяются и хозяева, направляется в другие мастерские Аль-Замалика, Хасан, я и Махмуд, которого мы здесь встретили, тайком покидаем это общество.

Мы выходим из комфортабельного дома; до ворот нас провожает привратник в красной феске и длинной белой галабии. Погруженная в жаркий спор, я иду, не глядя под ноги. Вдруг спотыкаюсь обо что-то мягкое и живое. На земле, под забором лежит человек. Он положил себе под голову сверток из лохмотьев. Сердце у меня сжимается. Махмуд, легко сжав мой локоть, говорит:

— Да, мэм, таков Египет.

Мы находим такси и переносимся в старый район города, который я уже успела полюбить всей душой.

В мансарде дома на узкой улочке, поднимающейся почти отвесно, между стеной древней мечети и белой стеной, окружающей сады бывшего гарема паши, находится симпатичная квартирка и мастерская Хасана.

Восхищаюсь уютным устройством маленьких, будто кукольных комнаток. Затем Хасан подводит меня к окну и говорит:

— Смотрите лучше сюда. Вот в чем величайшее преимущество и очарование моего жилья.

Окна квартирки Хасана выходят на сады бывшего гарема. За стеной, по которой стелются какие-то вьющиеся растения, покрытые лиловыми душистыми цветами, свет луны озаряет буйно разросшийся сад и белеющие в его глубине ажурные стены дворца. Над белыми куполами поднимаются тонкие башенки. Между ними подвешена подковка луны, совсем как на дешевых базарных открытках.

И все же этот вид таит в себе столько очарования и какой-то чувственной прелести, что я долгое время не могу оторвать от него глаз. Невольно мысль уносит меня в давние времена, когда по тенистым аллеям этого сада прогуливались обитательницы гарема властелина Египта.

Мягкое прикосновение руки Хасана прерывает мои мысли.

— Теперь вы понимаете, почему я устроил свою мастерскую именно здесь, — говорит он. — Ну, а кроме того, — добавляет он, рассеивая, как обычно, предыдущее впечатление, — этот район значительно дешевле. В Аль-Замалике может себе позволить жить Сагини, а не я.

Пока Махмуд и Хасан готовят кофе, я осматриваю эскизы и рисунки. Некоторые из них очень интересны. Особенно нравится мне проект мебельного гарнитура и несколько образцов тканей.

— Знаете, мэм, — говорит Махмуд, — Хасан сразу после окончания Академии получил заграничную стипендию, но отказался от нее.

— Почему вы это сделали? Ведь это настоящее сумасшествие!

— Совсе не такое, как вам кажется. После окончания учебы я пришел к выводу, что с моими способностями мне не стать выдающимся художником. Вот почему я решил стать искусствоведом-критиком и журналистом. Но, чтобы писать об искусстве вообще, надо прежде всего хорошо знать искусство собственного народа. Поэтому я поехал к самым истокам египетского искусства, в Луксор, и там, в окружении древних гробниц, храмов и самых ценных памятников нашей культуры, провел несколько лет. Вернулся я лишь тогда, когда сложные вопросы нашего древнего искусства немного

для меня прояснились. Несколько лет — это, разумеется, недостаточный срок для их изучения.

Смотрю в темное лицо Хасана и не вижу на нем обычной иронической улыбки. В этот момент взгляд его тверд и собран.

Кажется, я нечаянно коснулась самого важного и трудного для него вопроса.

— Когда вы едете к вашим археологам? — спрашивает он минуту спустя.

— Я бы хотела послезавтра утром.

— Это хорошо, так как, если вы захотите, я вам покажу завтра наше изобразительное искусство с другой стороны... с самой лучшей.

— Вероятно, лишь после обеда, — вмешивается Махмуд. — Ведь на утро польские художники и мэм приглашены к нам, в Академию.

— Превосходно! Там вы познакомитесь с профессором Висса Вассафом, а после полудня мы поедем посмотреть его интересный эксперимент. Ладно?

— Ладно.

СЕМЬЯ ИЗ СТАРОГО КАИРА

Наши художники всегда окружены молодыми египетскими скульпторами и живописцами. Это преимущественно студенты последнего курса или прошлогодние выпускники каирской Академии изящных искусств. Некоторые из них были в Варшаве на фестивале. Они говорят о нашей стране с таким энтузиазмом, что мне становится неловко. Они либо не сталкивались с темными сторонами нашей жизни, либо говорят так просто ради того, чтобы нам было приятно. Как я не раз замечала, в Египте вообще говорится и делается много вещей только для того, чтобы доставить удовольствие ближнему.

Думаю, что в известной степени такое представление о Польше создано потому, что половина молодых египтян оставила свои сердца в Польше. Например, молодой скульптор Махмуд Ганима показывал мне фотографию красавицы Ганки Б., студентки Варшавского университета, Мустафа — какой-то студентки Академии физического воспитания, а Софы — ученицы музыкальной школы в Кракове. Все они мечтают отправиться учиться в Польшу. Да и не только они. Атташе по делам культуры нашего посольства рассказывал мне, что уже несколько десятков молодых художников обратилось к нему с просьбой помочь им поехать в Польшу для продолжения образования. Вне зависимости от того, обязаны ли мы нашей популярностью Дуниковскому и Кулисевичу или светлым волосам и голубым глазам варшавянок, стоит оказать содействие этим молодым художникам, стремящимся в Польшу.

Сердечная дружба связывает меня со всеми юношами, побывавшими в Польше. Они хвастаются знанием нескольких польских слов, просят снимки Варшавы и Кракова, сами показывают множество фотографий, сделанных ими в Польше, и прежде всего помогают моей журналистской работе. Называют они меня мэм (мамаша), так как я имела неосторожность показать им фотографию моего сына, студента Варшавского университета. Каждый день они звонят мне по телефону и всегда готовы показывать достопримечательности Каира; они же таскают магнитофон, который мне тяжело носить при тридцатипятиградусной жаре.

Вот уже несколько дней нам постоянно сопутствует еще один египетский студент. Профессор Шериф рекомендовал мне его как одного из своих самых способных учеников-скульпторов. Молодой человек особенно интересуется керамической скульптурой. Он тих, внимателен, мало говорит, больше слушает. Исмаил не был в Варшаве, не собирается к нам на учебу, но все же он жадно впитывает каждое мое слово о Польше, хочет узнать о ней как можно больше. Он производит на меня приятное впечатление, поэтому договариваюсь с Исмаилом и Махмудом встретиться после обеда.

День с утра выдался пасмурный и неприятный. С пустыни дует хамсин. Весь город кажется желто-серым, такими же выглядят небо и перекатывающиеся по улицам тучи пыли. Спустя несколько минут чувствую песок в глазах и во рту. Он хрустит на зубах и прилипает к потному телу. Жара нестерпимая. Стены домов пышут жаром, как печи.

Садимся в трамвай и едем на вокзал. Пожалуй, уже десятый раз проезжаю мимо статуи Рамзеса II. Она всегда чарует меня простотой формы и спокойствием; все эти элементы, казалось бы, так просты и все же недостижимы в современном искусстве.

В вагоне электрички толчея. Заканчивается рабочий день, и мощная волна людей, работающих в центре Каира, направляется в пригороды.

Поезд уже вырвался из центра и, мчась на юго-восток, приближается к старой части города. Мы едем вдоль рядов серых домов из высушенного кирпича. Они выглядят ужасно.

Не прошло и двадцати минут, как надо выходить из вагона; мы находимся в Старом Каире, самом древнем районе города. Узнаю это место: мы здесь проезжали, возвращаясь с Мокаттама. Жалкие лачуги вблизи коптской церкви промелькнули тогда в окне автомобиля; теперь они прямо передо мной.

Все тут желто-серое. Стены седой коптской церкви, прекрасного памятника старины, ветхие стены жилых домишек, мостовые, густо посыпанные пылью, и прежде всего лица и одежда прохожих.

Спускаемся по ступенькам (церковь стоит на холме) в глубь широкой улицы. По обеим сторонам расположены какие-то мастерские или магазины, темные и глубокие, как лисьи норы. У каждой двери на стульях и циновках сидят обросшие мужчины, одетые в грязные, рваные галабии.

Идем серединой улицы. Магнитофон сначала вызывает интерес только у детей, которые окружают нас шумной толпой. Однако толпа растет с каждой минутой. Тут и сморщенные темные лица стариков, и злобно улыбающиеся лица подростков с черными глазами, сверкающими голубизной белков. Круг сжимается. Вдруг я чувствую удар камнем по ноге, минуту спустя несколько камней с грохотом ударяют в стенки магнитофона. Настоящая канонада!

Исмаил и Махмуд бросаются в толпу, пытаюсь что-то объяснить окружающим нас людям. Круг становится шире, разрывается и, наконец, остается позади.

— Что вы им сказали? — спрашиваю я. — Что им от меня было нужно?

— Разве вы не слышали, мэм, как они кричали «ингле-лезе»?

— Они, что, приняли меня за англичанку?

— Да. Поэтому они и бросали в вас камни.

— Вы им сказали, кто я?

— Разумеется, оттого-то они и ушли.

Вспоминаю, что мне рассказывали сегодня утром сотрудницы нашего посольства. Вскоре после окончания военных действий во время англо-франко-израильской агрессии против Египта одна из сотрудниц вышла за покупками в магазин, который находится в нескольких шагах от посольства. Мгновение спустя в посольстве

услышали ее отчаянный вопль. Прохожие избили ее, приняв за англичанку. В те времена достаточно было иметь белую кожу, чтобы вызвать неприязнь толпы. Напуганную и избитую женщину спасли чехи из соседнего посольства; они оказали ей помощь еще до прихода наших сотрудников.

Рассказываю об этом моим спутникам. Они улыбаются. Так было. Все правда, но разве можно удивляться? Ведь истоки этой ненависти не только в бомбардировке Порт-Саида и гибели множества людей во время войны. Корни ее кроются в долгих годах господства «владык» из Великобритании на территории Египта. То, что мы видим здесь, в Старом Каире, — наследие далеких времен, наследие в самом деле весьма характерное.

Мы заходим во дворы, на лестницы домов и даже заглядываем в квартиры. Всюду одно и то же. Сотни грязных худых детей, женщины с поблекшими, утомленными лицами, с посеревшими от ветхости черными тархами (платками) на головах, с ногами, покрытыми желваками и нарывами. Много слепых и больных в каких-то берлогах, полное отсутствие мебели в квартирах, и грязь, грязь, грязь... Все в гипсовой пыли. Вызывают ужас облепленные липким сиропом стаканы в ларьках и пыльные фасоловые лепешки в корзинах бродячих торговцев.

Проходим мимо столовой. Десятка два рабочих сидят за круглым столом, на котором стоит большая миска с какой-то размазней, заправленной томатным соусом. Каждый из них держит в руке кусок фасоловой лепешки и, погрузив грязные пальцы в еду, черпает лепешкой из общей миски. Чувствую, что меня тошнит, и убегаю. В тот же момент мое внимание привлекают составленные в высокие пирамиды сотни круглых глиняных амфор прекрасной античной формы. Юноши объясняют, что это местные «холодильники для воды». Пористая стенка узкогорлого сосуда создает изолирующий слой воздуха. Таким образом, вода, налитая в амфоры, очень долго сохраняет низкую температуру.

На древних рельефах четырехтысячелетней давности изображены египтянки точь-в-точь с такими же амфорами на головах. Сколько прошло поколений, сколько

погибло царств и городов, а традиционные амфоры египетских гончаров остаются без всяких изменений! Исмаил говорит, что район Старого Каира всегда славился гончарными изделиями. Обитающие здесь семьи веками занимаются этим ремеслом; только условия их жизни становятся все хуже, так как число потребителей этих изделий постепенно уменьшается.

Сворачиваем с главной улицы и карабкаемся по песчаной тропе в гору. Путь наш ведет к Мокаттаму. Лишь теперь мне видна вся уродливость этого места. Вдоль нашей тропинки стоят конусообразные сооружения, похожие на большие улы. Это гончарные печи. Вокруг — ни единого деревца, ни одной травинки. В желтом свете пасмурного вечера, полного пыли, которую несет ветер из пустыни, весь этот пейзаж кажется не действительностью, а каким-то кошмарным эскизом, нарисованным сангиной и серой гуашью. По осыпям с многочисленными оврагами и кратерами, напоминающим рудничные отвалы и отличающимся от них лишь белым цветом, бродят ужасающе худые, грязные детишки и понурые собаки с запавшими боками.

Неожиданно замечаю, как из глубины конусной печи выходит женщина с ребенком на руках. За ее подол держатся еще двое детей. Они вопросительно смотрят на Исмаила.

— Они там живут, мэ. Хотите посмотреть?

— Да, хочу.

Но через минуту я уже стыжусь своего любопытства. В глубине похожих на улы печей, разумеется, уже бездействующих, гнездятся десятки семей. На нескольких квадратных метрах размещены циновки, очаг для варки пищи и по крайней мере десяток членов семьи, а часто еще куры и собаки. В одной из печей я видела еще и осла. Но это уже почти зажиточная семья. Ведь осел приносит кое-какой доход.

Прозывая хуже, чем в звериной норе, эти люди живут, плодятся, а изредка даже освобождаются от такой нищеты.

Мне нет нужды далеко ходить за примером. Исмаил рассказывает, что и его семья, правда много лет назад, жила в таких же условиях. Прадед и дед Исмаила были бедными гончарами, только его отец как-то выбился в

люди. Он расширил свою мастерскую, стал выпускать художественную керамику и даже построил совсем приличный домик.

— Хотите познакомиться с моими родителями? — спрашивает Исмаил. — Это доставит им большое удовольствие.

Разумеется, принимаю приглашение. Попутно мы осматриваем еще мастерскую жестянщика, где изготавливают большие красивые четырехугольные лампы, и мастерскую по производству соломенных циновок. Небогатые мусульмане применяют такие циновки в качестве молитвенных ковриков. В обеих мастерских вместо пола — утрамбованная земля. Рабочие сидят на ней, поджав по-турски ноги.

Двухэтажный домик, в котором живет семья Исмаила, построен из камня. В нем несколько квартир, в которых живут члены быстро увеличивающейся семьи. По-видимому, здесь ждали нашего прихода, потому что, как только мы появляемся на лестнице, из всех дверей выглядывают улыбающиеся лица.

Сначала мы входим к родителям Исмаила. Нас приветствует девочка лет четырнадцати — Муфида, младшая сестра Исмаила. Она учится в музыкальной школе. Вероятно, она только что встала от пианино, так как на нем еще лежат ноты. Женщины в этом доме красивы и модно одеты. Все собираются в маленькой гостиной, где нас посадили на почетных местах. Тут же жены двух братьев Исмаила и чья-то двоюродная сестра. Несколько позже появляется мать. Ее черное, длинное до пят платье и черная тарха на голове резко отличаются от цветных модных платьев и высоких каблуков дочери и невесток. Но, несмотря на старомодность и грузную фигуру, в матери чувствуется большое достоинство и мягкая грация. Она вырастила уже восемь детей; одни вышли в люди, другие еще не покинули родного гнезда. Исмаил — студент Академии изящных искусств и будет скульптором, второй сын уже завоевал известность в качестве литератора, третий — журналист. Младшая дочка будет пианисткой.

Мать выходит на минуту и возвращается в сопровождении мальчика, несущего на подносе бутылку с апельсиновым соком, стаканы и сифон содовой воды.

Здороваясь с ним и спрашиваю у Исмаила, кем он ему приходится. С удивлением узнаю, что это слуга. Ему не больше десяти лет. Он, по-видимому, сообразительный и понятливый мальчик.

Улучив подходящий момент, я спрашиваю Исмаила, как это он, человек столь прогрессивных взглядов, может спокойно смотреть, как работает такой ребенок. Исмаил, очевидно, удивлен; он объясняет мне, что работа в их доме — благодеяние для этого мальчика. Он один из шестнадцати детей в суданской семье, живущей в деревушке под Асуаном. Мальчик умер бы там от голода, а здесь у него приличное питание и жилье, к тому же он осваивает профессию слуги, а это ему очень пригодится в будущем.

Исмаил и его братья учат мальчика читать и писать, потому что у него не остается времени на посещение школы. Он способен и понятлив, и из него выйдет человек. Малыш, по-видимому, понимает, что речь идет о нем, так как вопросительно поглядывает на меня.

Затем мы спускаемся в подвал, в мастерскую Исмаила, где хранится также коллекция сатирических рисунков его брата на политические темы. Это наивные штампованные плакаты и вырезки из сатирических журналов. Все же они вызывают восхищение египетской молодежи.

Очевидно, такая форма пропаганды находит широкий отклик в египетском обществе. Ее применяют повсеместно. В любом публичном здании, на улицах, даже в кафе и магазинах выставлено множество таких рисунков. Чаще всего они посвящены членам британского и французского правительств, не оставлены без внимания и США, относительно мало сатир на тему об Израиле, ненависть к которому ощущается тут почти на каждом шагу.

Исмаил и Махмуд вместе с несколькими коллегами из Академии собираются устроить в Старом Каире выставку политической сатиры.

— У нас здесь почти все неграмотны, — говорит Исмаил. — Такая выставка будет очень полезной; она поможет многим людям, которые не читают ни журналов, ни газет, хотя бы немного разобраться в политических проблемах.

Спрашиваю юношей, что за люди живут в Старом Каире.

Все те, у кого нет средств, чтобы жить лучше, и прежде всего те, кто вообще не имеет жилья. Переселение в Старый Каир — синоним полного жизненного банкротства. Здесь живут десятки тысяч бездомных и безработных, люди без определенных профессий, бродяги; здесь же обитают те, кого удерживает в Старом Каире традиция или отсутствие шансов на лучшую жизнь.

В Старом Каире имеется, однако, и местная «плутократия». Это владельцы ларьков, публичных домов и кафе, собственники гончарных мастерских, связанные с мелкими кустарями, хозяева мастерских по изготовлению соломенных циновок, наконец, всякого рода комбинаторы, использующие наивность своих ближних.

— К сожалению, семья Исмаила представляет в этом районе исключение, — говорит мне шепотом Махмуд.

Я думаю так же и еще более укрепляюсь в своем мнении после знакомства с вернувшимся только что домой старшим братом Исмаила, молодым литератором.

Когда мы возвращаемся в одиннадцатом часу вечера темными переулками, всюду господствует тишина и спокойствие. Беднота Старого Каира не отмечает Рамадан столь шумно, как центр города или квартал мечетей при Аль-Азхаре. Она рано идет спать, несмотря на то что постелью ей служит только разложенная на земле газета или соломенная циновка, а крышу над головой нередко заменяет небосвод, озаренный мерцающим светом звезд.

ЗДЕСЬ РОЖДАЕТСЯ НАСТОЯЩЕЕ ИСКУССТВО

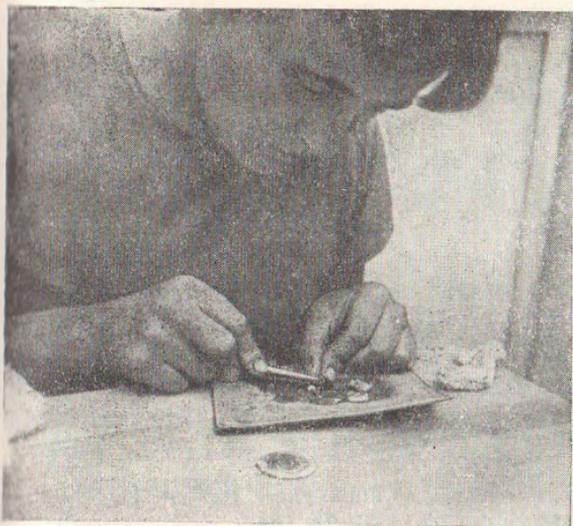
Студенты Академии изящных искусств приветствовали нас музыкой Шопена. На правах главного инициатора этой приятной встречи от имени своих коллег взял слово Махмуд.

— Вы не знакомы с языком египтян, мы же не знаем польского языка, поэтому лучше всего мы поймем друг друга на языке без слов — при помощи музыки Шопена, которую и вы и мы одинаково любим, — сказал он.

Слушая плывущие из патефона звуки полонеза *As-dug*, я думала, что Махмуд все же несколько преувеличил. Египтяне очень музыкальны и охотно слушают европейскую музыку. Однако не представляю себе, чтобы они могли так понять и прочувствовать Шопена, как мы. Ведь их собственная музыка, как и музыка всего Ближнего Востока, отличается совсем иным гармоническим складом и структурой фразы.

После полонеза и речи Махмуда Бася Фальковская подарила студентам Академии от группы польских художников несколько пластинок в исполнении ансамблей «Мазовше» и «Шлёнск». Понятно, что студенты захотели их немедленно послушать.

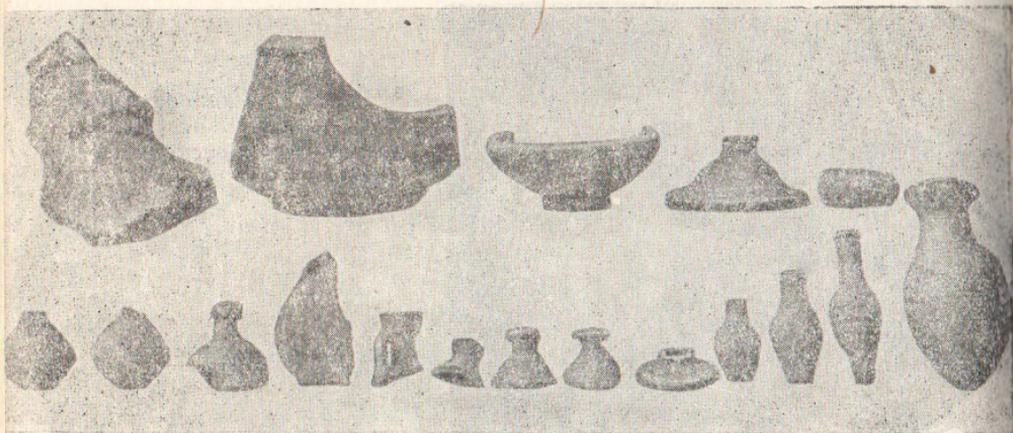
Когда зазвучали плясовые напевы «*To i hola*» и «*Kukuleczki*», весь зал стал притоптывать в такт мелодии. После того как пластинки были проиграны, все единогласно потребовали повторения. Мы развлекались бы довольно долго, если бы не прибыл ректор с группой профессоров Академии, которые должны были показать нам мастерские.

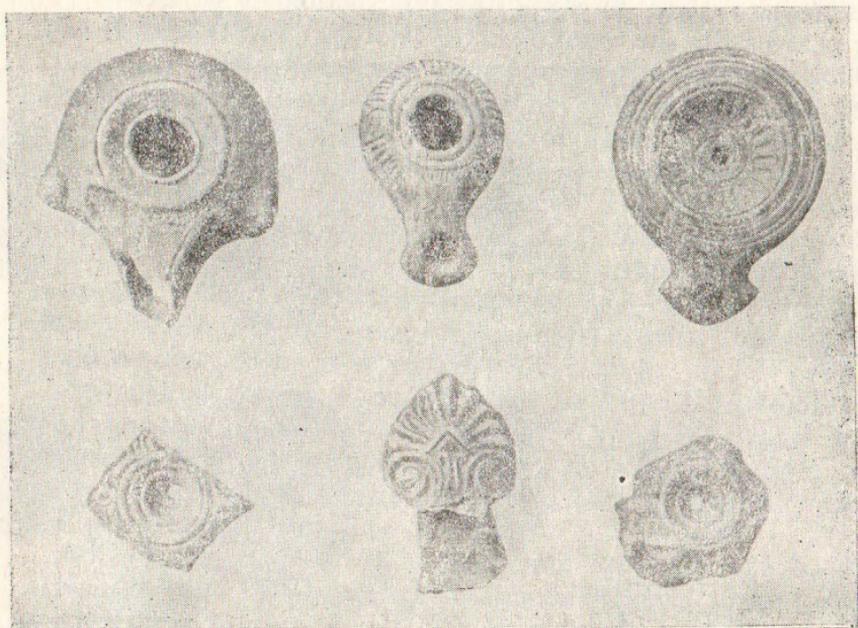
*Магистр Барбара Ружи-
чиц очищает от земли
найденные в раскопе мо-
неты.*

Древние монеты, обнаруженные польскими археологами

Керамика птолемеевской эпохи, найденная в Тель Атрибе

Светильники эллинистической эпохи, обнаруженные в руинах древнего Атрибиса

В мастерской живописцев меня поразили свежие краски и оптимистическое настроение почти всех студенческих полотен. Было их здесь великое множество, потому что студенты готовили под руководством почтенного профессора Фавзи ежегодную выставку, посвященную окончанию учебного года.

В мастерской скульпторов мы нашли и скульптуры Сагини; наши художники обратили внимание на его полную экспрессию группу под названием «Оборона Порт-Саида». Там изображены женщины и дети, берущиеся за оружие для защиты своего города. Группа отличается искренностью исполнения, непосредственностью и большим реализмом.

Во время беседы со студентами я с радостью отметил, что они знают кое-что о польском изобразительном искусстве. Естественно, больше всего им говорят фамилии Дуниковского и Кулисевича. Некоторые знают также Феликса Топольского из Англии. Все с большим интересом ждут открытия выставки работ, привезенных нашими художниками, в салоне Клуба египетских журналистов.

Посетили мы и мастерскую вольнослушателей-любителей, созданную на тех же основах, что и наши объединения художников. Она пользуется громадным успехом, особенно среди постоянно проживающих в Каире иностранцев. Мастерскую посещают около шестидесяти человек. За небольшую плату здесь можно изучать рисунок, живопись и валяние без ограничений во времени и без обязательных экзаменов. Мастерская вольнослушателей — любимое детище ректора Академии.

С профессором Рамсисом Висса Вассафом мы знакомимся в мастерской интерьера, которой он руководит.

На вид ему не больше пятидесяти; несмотря на это, он выглядит очень старомодным. Жесткий воротничок, узкий галстук, черные усики, пенсне и темный, далеко не модный костюм придают ему вид банковского служащего. По внешнему виду я никогда бы не угадала в нем художника. Зато все, что он говорит, ведя нас по мастерской и показывая работы своих учеников, возбуждает интерес и симпатию, свидетельствует о современности его взглядов как на само изобразительное искусство, так и на методы обучения.

Рамсис Висса Вассаф — один из наиболее известных создателей интерьеров в Египте. Им выполнены интерьеры нескольких клубов над Нилом и двух десятков особняков, принадлежащих самым богатым жителям Каира и Александрии. Он, несомненно, весьма зажиточный человек.

Как только началась дискуссия об интерьере, страстные любительницы художественного ткачества Бася Фальковская и Ядзя Корсак перевели беседу на декоративные ткани. Оказалось, что именно эта область представляет собой ахиллесову пяту профессора. До сих пор сдержанный и хорошо владеющий собой, он сразу загорелся и предложил нам осмотреть работы учеников школы, основанной несколько лет назад им и его женой. Разумеется, приглашение было принято.

Особняк профессора не принадлежит к числу самых современных; вероятно, он был построен в тридцатых годах. Вокруг него разбит большой сад, полный экзотических растений.

Входим в прохладный сумрачный холл. Он освещен лишь двумя узкими, высоко расположенными окнами, которые выходят на северную сторону сада. Стены увешаны старым арабским оружием, на полу дорогой персидский ковер, в глубине белая мраморная ниша, украшенная мавританскими колонками. Посредине ниши, в углублении с широкими ступеньками, тихо журчит вода из фонтана. Вокруг него под сенью стройных колонн стоят длинные мраморные скамьи с мягкими подушками, покрытыми узорчатыми восточными тканями. Настоящий сюрприз для измученных жарой европейцев. К сожалению, нет времени насладиться этим чудесным уголком. Профессор знакомит нас со своей женой, милой скромной дамой неопределенного возраста, и они вдвоем ведут нас в соседнюю комнату.

Здесь — снова прекрасный ковер на полу, а вдоль стен удобные диваны, забросанные мягкими ковриками и пушистыми подушками. На стенах интереснейшие рисунки, стилизация египетских мотивов.

Супруга профессора угощает нас соком грейпфрута со льдом и охлажденной кока-колой. Профессор ненадолго исчезает и возвращается с темнокожим слугой-

нубийцем. Оба они несут ворох тканей, похожих издали на килимы¹. Профессор бросает ткани на пол и начинает вытаскивать отдельные куски. Его жена с помощью слуги разворачивает их и оазвешивает на стене.

Каждый жизнерадостный, красочный килим представляет собой оригинальную по форме и трактовке композицию на мотивы, взятые из экзотической фауны и флоры Египта. Вот в гуще нежных зеленых листьев машут крыльями золотистые и голубые птички, и тут же рядом со львом лежит горбатый верблюд. На другом килиме среди буйной растительности проходят все виды животных, как библейский хоровод, направляющийся к Ноеву ковчегу. На следующем — девушки в пестрых платьицах, которые топорщатся, как у куколок, несут, по египетскому обычаю, снопы на головах. Любой узор, строгий и даже примитивный по форме, полон жизни и экспрессии.

Не только я очарована прелестью этих килимов. Наши художники просто сходят с ума. Они вырывают друг у друга из рук отдельные экземпляры и яростно спорят между собой. Барбара и Ядвига внимательно осматривают стежки и изучают основу.

Польщенный нашим восхищением профессор объясняет, что все это выполнено учениками его школы: десяти- и двенадцатилетними детьми из суданских и нубийских деревень.

Через несколько часов еду с Хасаном в школу Рамсиса Висса Вассафа; по дороге Хасан сообщает несколько интересных подробностей о профессоре и его жене. Школа — их любимое детище. Они вложили в нее большие деньги и без колебаний продолжают ею руководить.

С главной улицы мы сворачиваем в переулок. На табличке надпись: улица Рамсиса Висса Вассафа.

— Значит, он еще при жизни удостоился улицы собственного имени? — спрашиваю я.

Хасан улыбается с еле заметной иронией.

— В современном Египте люди творческого труда не должны ожидать столетия, пока увековечат их имена. Мы ценим памятники старины, но стоим обеими ногами

¹ К и л и м — шерстяной ковер без ворса. — *Прим. изд.*

в настоящем. Должен признаться, что я очень польщен вашим интересом к современному искусству Египта. Обычно иностранцы интересуются искусством седой старины, за 2700 лет до нашей эры, и уж в лучшем случае обращаются к птолемеевской эпохе, т. е. к периоду за три века до нашей эры. Пожалуйста, скажите мне откровенно, было бы вам приятно, если бы египтянин, приехавший в Польшу, абсолютно не интересовался восстановлением вашей столицы, а только непрерывно повторял: «Тот ваш король, который принял христианство, вот кто был по-настоящему мудрый правитель!».

Я высоко ценю тонкое остроумие Хасана.

Маленькая улица Рамсиса Висса Вассафа проходит между двумя рядами скромных домиков, построенных в современном стиле. Как сообщает Хасан, их сооружают представители творческой интеллигенции Каира. Сам он тоже купил в этом районе участок и собирается построить такой же домик.

Улица кончается. Вдалеке видна зеленая равнина, а на переднем плане — три низкие постройки, как бы слепленные из серых камней. Их белые купольные крыши резко контрастируют с шершавой фактурой стен.

— Это школа профессора Висса Вассафа, — объясняет Хасан. — Дома проектировал он сам по образцу хижин в Судане и Нубии; построил их за свой счет. Его ученики и ученицы, дети крестьян из разных областей Египта, должны чувствовать себя как дома.

У дверей одного из домиков стоят профессор и его жена; они приветствуют нас уже издали. За ними толпятся дети. Жена профессора деликатным движением подталкивает ко мне двух девочек лет двенадцати-тринадцати в длинных пестрых платьицах и черных платочках.

— Это наши ученицы. Лейла живет здесь недалеко, в Миннах, а Фатима приезжает из Танта, оттуда около шестидесяти километров. А вот Абдул. Ему восемь лет, и он приехал из-под самого Асуана. Он — автор килима с птичками, который вам так понравился.

Абдул путается в длинной до пят полосатой галабии. У него большие черные блестящие глаза, а

волосы курчавые, как у негритенка. Он смело подает руку и быстро оглядывает меня из-под длинных ресниц.

Входим внутрь. Мягкий свет льется из громадных окон, занимающих почти всю северную стену. В нем чудесной гаммой цветов переливаются растянутые на двух десятках станков ткани.

У станков несколько мальчиков и две девочки. Вероятно, они только что оторвались от работы, так как некоторые держат в руках ткацкие челноки. На одном станке наполовину выткан сине-золотой павлин, на другом начат прелестный растительный орнамент.

В школе профессора Висса Вассафа учится десяток детей, которых он нашел в захолустных деревушках, отличающихся живучестью традиций народного искусства, в частности ткачества. Дети, конечно, ничего не платят ни за учебу, ни за питание; они получают и пряжу.

Несколько дней назад я осматривала в Египтском музее в Каире древние ткани. Сейчас меня поразило исключительное сходство — в комбинациях цветов и в трактовке форм — тканей, создаваемых учениками профессора, с теми, музейными. Неужели это копии каких-то древних образцов? Висса Вассаф рассеивает мои сомнения. Дети никогда не видели музейных тканей; он сознательно не водит их туда, чтобы они не подвергались посторонним влияниям. Цвета, рисунки и темы орнаментов они создают самостоятельно; только перед началом работы над новой вещью профессор или его жена обсуждают с детьми способ обработки, представляя при этом всю инициативу им самим. Своим вопросом я обратила внимание на атаквистические черты народного искусства у этих потомков древних египтян.

Родители воспитанников часто приезжают в школу и прохаживаются, гордые, как павлины, осматривая работы своих детей.

— Думаю, что здесь играет роль не художественная оценка, а только приятная надежда, что благодаря специальности, которую дети приобретут у нас, в хижину бедного феллаха когда-нибудь поплывут фунты и пиастры, — замечает с улыбкой жена профессора.

Хотя я не в состоянии беседовать непосредственно с детьми, так как они говорят только по-арабски, все же жестами и улыбками мы показываем нашу взаимную симпатию. Девочки обнимают меня и тащат к своим станкам, а менее смелые мальчики показывают свои произведения, когда я прохожу мимо них.

Эксперимент Вассафов столь захватывает, что трудно от него оторваться. Прощаясь наконец с супругами Вассафами и их учениками, даю себе слово приложить все усилия, чтобы организовать в Польше выставку этих чудесных тканей. Как ценен был бы этот материал для наших мастеров ткацкого искусства!

АТРИБИС—СТОЛИЦА ДЕСЯТОГО НОМА¹

Сон Каира беспокоен и легок, как сон бедняка, который, примостившись на газете за углом дома, спит и в то же время внимательно прислушивается, не покажется ли полицейский, который прогонит его с этой импровизированной постели.

Город рано стряхивает с себя ночные кошмары. На пустых еще мостовых, на не убранных от вчерашнего мусора тротуарах появляются серые помятые фигуры тех, кому они служили ложем на протяжении коротких ночных часов.

Веки домов на главных улицах еще сомкнуты. Их глаза — закрытые зелеными жалюзи окна — не видят хоровода осыпанных уличной пылью лохмотьев, пепельно-серых лиц и босых стоптанных ног, волочащих за собой длинную утреннюю тень.

Они двигаются медленно, как ползущие на свет тараканы. Неизвестно, откуда они появляются, неизвестно, куда исчезают. Только иногда какая-нибудь мать, за которой тянется кучка оборванных детишек, оглянется со страхом и, увидев отставшего малыша, справляющего на краю тротуара естественную нужду, бросит ему несколько гортанных звуков. Или же семенящий за парой обнимающихся молодых оборвышей старик нагнется, поднимет брошенный на тротуар гнилой

¹ Но м — греческое название, применяемое и в современной науке для обозначения административных единиц в древнем Египте. Номы примерно соответствовали территориям отдельных независимых областей, из которых в конце IV тысячелетия до нашей эры образовалось единое египетское государство. Атрибис был главным городом десятого нома. — Прим. изд.

банан и поплетется дальше, а затем остановится у выставленного дворником мусорного ящика, поднимет его крышку и начнет палочкой разгребать содержимое.

Вслед за бездомными, как бы желая стереть их следы, на улицы Каира выходят ранним утром мусорщики. Каждый ведет грязного осла, запряженного в двухколесную тележку. Как только погонщик замедляет шаг, осел, навьюченный громадным тюком травы, требует пищи отчаянным ревом. При каждом толчке тележка обдаёт прохожих ужасающим смрадом.

Развив на пустой мостовой недозволенную скорость, мы, к счастью, быстро минуем эти волны рева и зловония.

Накануне я легла очень поздно, так как до отъезда из Каира нужно было привести в порядок все записи последних дней и подготовить снаряжение для жизни в лагере наших археологов в Телль Атрибе. Тем не менее я проснулась уже в пятом часу утра. Когда в шесть часов за мной заехала машина, я стояла уже на улице перед гостиницей.

Вместе со мной в Телль Атриб едут наши художники: Богуш, Смоляна и Калишан. Все мы подавлены. Утренние виды Каира не настраивают оптимистически, особенно после трехчасового сна.

Чем дальше от центра города, тем больше шума на улицах. Из пригородов в глотку столицы движутся мощные грузовики, набитые доверху овощами и фруктами. Нас обгоняют большие платформы с рыбой и мясом, двухколесные тележки крестьян, наполненные горами липких фиников, и велосипедисты, которые держат на голове громадные корзины с булками.

Огромный город, как пасть Молоха, ежедневно поглощает сотни тонн продуктов, выращенных на плодородных полях дельты Нила. Он насыщается ими на протяжении всего дня, всей ночи, пока на следующий день утром мусорщики не соберут выплюнутые остатки в свои зловонные тележки.

Тот же город, который принес нищету многим своим жителям и лишил их крова, дает заработок соседним деревням.

В сорока километрах к северу от Каира, по пути в Александрию, в самой богатой части нильской дельты расположен маленький городок Бенха. Зерно плодородных полей, приносящих четыре урожая в год, вино из согретых африканским солнцем и хорошо орошенных виноградников, финики из густо растущих пальмовых рощ вот уже несколько столетий обеспечивают этой местности достаток, а близость столицы — заработки.

Бенха — уездный город; здесь несколько школ, две фабрики по переработке фруктов, кожевенный завод и мельница. Зажиточные граждане Бенхи посылают своих детей в высшие учебные заведения Каира. Они принимают активное участие в политической и общественной жизни страны; в теперешнем правительстве Насера три министра происходят из этого города.

В окрестностях Бенхи уже в древности существовали условия, способствовавшие их экономическому развитию. По сообщению позднеантичного писателя Аммиана Марцеллина, здесь стоял один из крупнейших городов древнего Египта — столица десятого нома — Атрибис.

Ныне от города сохранилось только название Телль Атриб. Так называется деревушка, расположенная возле Бенхи. На краю деревни среди полей поднимаются два холма, которые археологи называют комами. Эти холмы выросли на засыпанных песком древних развалинах. Комы всегда сигнализируют археологам об участках, над которыми стоит потрудиться.

Когда в прошлом году наш известный археолог профессор Казимеж Михаловский отправился в Египет, чтобы получить разрешение на приезд польской археологической экспедиции, его внимание привлекли комы Телль Атриба. К тому же семь лет назад в непосредственной близости к ним было случайно сделано важное открытие. Жители деревушки Телль Атриб во время ирригационных работ, копая рвы на полях, наткнулись на громадную каменную скалу, которая оказалась саркофагом. На место открытия был немедленно вызван из Каира выдающийся археолог доктор Нагиб Фараг, который установил, что этот саркофаг принадлежит царице Тахут, жене фараона XXVI династии Псамметиха II.

Это открытие взволновало археологические круги Египта, однако не повлекло за собой дальнейших исследований. Ведь территория нильской дельты, которая считается одним из наиболее трудных мест для археологических работ, по сути дела никогда методически не раскапывалась¹. Только один раз, в 1939 году, в этом районе начал раскопки английский археолог Роу.

Возможно, роль пионера больше всего влекла профессора Михаловского, когда он избрал объектом раскопок комы Телль Атриба.

Этими сведениями, которые я получила от профессора еще в Варшаве, делюсь теперь с моими спутниками. Тем временем наша машина мчится по шоссе. Каир уже далеко позади. Путь наш идет вдоль берегов Нила через самый плодородный район Дельты.

По обеим сторонам дороги на широких равнинах — деревни, сады, поля, золотые от созревшей пшеницы, и влажные зеленые луга. На первый взгляд пейзаж мало чем отличается от равнин нашего Мазовше². Однако буйные кроны высоких пальм, колеблющиеся на утреннем ветру над высокими лиловыми стволами смоковниц, быстро разрушают эту иллюзию.

— Не кажется ли вам, что эти пальмы выглядят так, будто их нарочно воткнули среди деревьев? — замечает один из моих спутников.

Наш автомобиль догоняет белеющее впереди облако пыли. Оно поднято громадным стадом верблюдов.

С трудом мы пробираемся среди высоких ног, колышущихся шей и забавно покачивающихся коричневых горбов.

— Заметили ли вы, что египетские погонщики, ведя стадо, идут всегда перед ним, а не позади, как у нас? — спрашивает Смоляна.

— Какое великое открытие! А присматривался ли ты к рельефам в гробнице принца Ти в Саккара? Жаль, жаль. Ты мог бы там заметить, что абсолютно

¹ Это не совсем точно. В Дельте работали многие археологи, например П. Монте, открывший в Танисе гробницы фараонов XXII династии. — *Прим. изд.*

² М а з о в ш е — одна из исторически сложившихся областей северной Польши. — *Прим. перев.*

так же водили своих ослов слуги фараонов уже пять тысяч лет назад.

— И строили такие же голубятни в виде ульев. Поглядите только!

Проезжаем по деревне, дома которой жмутся друг к другу вдоль шоссе. На плоских крышах домов, построенных из глины или высушенного болотного кирпича-сырца, в самом деле вижу голубятни, напоминающие наши конусообразные старопольские ульи. Рядом прохаживаются белые и сизые пушистые голуби. На других крышах лежат кучи коричневых лепешек, похожих на высохший коровий помет. Наш шофер-египтянин объясняет, что жители местных деревень сушат таким образом буйволиный помет, который используется здесь в качестве топлива. Некоторые дома густо увиты виноградными лозами. Виноград растет и на опаленных солнцем плоских крышах.

Во всех домах давно уже проснулись обитатели. У колодцев появляются женщины в черном, с большими глиняными сосудами на головах, бегают оборванные дети и грязные собаки. Мужчина в длинной белой одежде и коричневом тюрбане погоняет впряженную в ярмо необычную пару тягловых животных: буйвола и верблюда.

Теперь наша машина вынуждена часто притормаживать и даже останавливаться. На шоссе, в границах деревень, становится все теснее. Двухколесные, доверху заваленные грузом повозки и тележки с запряженными в них ослами или буйволами, а иногда даже влекомые их хозяевами, постоянно преграждают нашей машине путь.

Наконец вся эта пахнувшая чесноком и буйволиным жиром толпа остается позади. Теперь по обеим сторонам дороги тянутся обширные светло-зеленые виноградники, волнующиеся нивы ячменя и пшеницы, а также бесконечные апельсиновые и лимонные рощи.

Солнце стоит уже высоко на небе, и жара мучает нас все больше. В машине ужасно душно и жарко, а желанного городка все нет. Начинаем нервничать, опасаясь, что заблудились. К тому же наш шофер, запас английских слов которого весьма ограничен, по-видимому, плохо меня понимает.

Обращаюсь к какому-то велосипедисту и узнаю, что до Бенхи не сорок, а пятьдесят километров, и что едем мы правильно. Через полчаса мы должны быть в городке.

Миновав полотно железной дороги, мы поравнялись с первыми домами Бенхи. Чувствуем себя, как в бане, а ведь сейчас всего десять часов утра.

Бенха — довольно большой и оживленный городок. Профессор инструктировал меня, что после прибытия в Бенху надо спрашивать, где находится медресе (школа), так как рядом с ним расположен лагерь наших археологов. Вторым магическим египетским словом, которое должно облегчить нам поиски, было: мудир аль Болянда — профессор из Польши.

Оказывается, достаточно было второго. Немедленно два десятка рук протягивается в нужном нам направлении, а наиболее услужливые жители Бенхи предлагают показать путь к польскому лагерю. Сажаем одного из них в машину и, кружа по узким улочкам, выезжаем на окраину городка.

Прежде всего в глаза бросается большое претенциозное здание с фронтоном, украшенным мраморными ступеньками и белыми колоннами. Оно окружено буйно разросшимся садом, где гуляют темноволосые девушки в синей форме.

Все указания совпадают. Это медресе — школа для девушек.

В двух десятках метров левее — зеленый луг, на котором белеют шесть палаток нашего лагеря. Над ними на высокой мачте реет бело-красный флаг. Итак, мы у цели путешествия.

Наш приезд сначала выманивает из ближайшей палатки нескольких мужчин в белой одежде и таких же головных уборах. Один из них, брюнет с правильными чертами смуглого лица, сообщает на чистом английском языке, что профессор «Михальовски» вместе с участниками экспедиции находится на коме, а мадам Кристина занята хозяйственными делами. Не успевает он кончить эту фразу, как из серого каменного домика выбегает Кристина Михаловская. Бросаемся друг другу в объятия.

Мы бестолково болтаем, забыв, что к этому инте-

ресному лишь для нас двоих разговору прислушиваются удивленные египтяне и мои спутники, которых я под наплывом чувств забыла представить супруге профессора. Быстро исправляю ошибку. Кристина Михаловская приглашает всех нас в прохладную, с одним только высоко помещенным окном комнатку, где нам сейчас подадут завтрак. Слуга Насер — тот самый, который первым приветствовал меня в лагере, — вносит ароматный кофе, апельсиновый сок и целую гору свежих гренок.

Не успели мы сесть к столу, как по очереди начали появляться участники экспедиции. Сначала знакомимся с Лехом Домбровским. В каждой хорошо организованной археологической экспедиции обычно принимает участие архитектор, в обязанности которого входит составление документации и измерение архитектурных объектов.

Затем подходит симпатичный, крепко сложенный молодой человек с приятной улыбкой. Это — Генрик Романовский, фотограф экспедиции. Он полон энергии и веселья и к тому же отличается прекрасным аппетитом, лучшим примером которого служит его поведение во время завтрака. Он только что вернулся с раскопок, где сделал более десятка снимков ступенчатой стены, найденной сегодня.

Когда бесшумно передвигающийся Насер вносит на блюде груды горячих гренок, яйца с ветчиной и огромные салатницы с зеленым салатом, беседа за столом, естественно, переходит на гастрономические темы. Всем участникам нашей археологической экспедиции и мне очень нравится египетская кухня: обилие фруктовых соков и овощей, к каждому блюду громадные порции салата и помидоров, а прежде всего нежное, лишенное жира баранье или говяжье мясо (мусульмане не едят свинины), поджаренное особым образом.

Во время еды все участники экспедиции вступают друг с другом в настоящее соревнование. Из-за их разыгравшегося аппетита Кристина Михаловская, которая ведет хозяйство в лагере, всегда занята по горло и все чаще должна ездить с Насером в Бенху за удовольствием. Зато наши археологи, до предела изнуренные продолжающейся целый день работой и жесто-

ким зноем, обеспечены вкусной и питательной пищей. В этом немалая заслуга повара Сенуси, знающего тайны хорошей кухни, и Насера, который без особого шума ловко и умело добывает все необходимое.

В то время как мы уплетаем завтрак и наперебой болтаем, появляются магистр Ева Калиновская и магистр Барбара Рушчиц. Обе одеты по-мужски. На лицах у них загар цвета темной бронзы, а руки все в трещинах. Они пришли с раскопа, где остались еще профессор и магистр Анджеевский.

Спрашиваю их, в каком состоянии работы, но они вовсе не расположены к объяснениям.

— Придет профессор и все вам расскажет; без него не скажем ни слова.

— Смотри, Ева, ты уселась на место профессора.

— Ой, извини, сейчас встану.

— Как там идут дела? Доволен ли он результатами утреннего дежурства?

— Не очень, не очень... но как-то уладилось.

— Пан Генрик, когда вы будете делать снимки?

— Сразу после завтрака иду на ком.

— Но обязательно! Профессор спрашивал уже, сфотографирована ли западная стена.

— Насер, найдется у вас чашка чаю для профессора Михаловского? Он сейчас придет.

Чувствую, что профессор здесь нечто вроде доброго божества, которое пользуется любовью своего народа, но одновременно возбуждает уважение, близкое к страху.

Во всяком случае все с энтузиазмом приветствуют его появление за столом. Никогда еще я не видела профессора в рабочей одежде. На нем высокие зашнурованные до колен ботинки, брезентовые брюки, такая же рубашка и забавная шапочка, стянутая резинкой. Шапочка плотно прилегает к вискам и прекрасно предохраняет голову от пыли.

Он сильно загорел, поэтому белые усы и густые седые волосы еще больше подчеркивают свежесть его энергичного лица. Профессор Михаловский ничем не напоминает засушенного ученого. Он подвижен, как ртуть, непосредствен, искренен, всегда полон дьявольской энергии.

Забавный контраст с профессором составляет магистр Тадеуш Анджеевский, его правая рука. Небольшого роста, худощавый, очень сдержанный и педантичный, не обращающий на себя внимания, он таит искорки тонкого юмора. Говорят, что он обладает громадными знаниями. Они с профессором прекрасно сработались и отлично понимают друг друга.

Никак не могу дождаться конца завтрака. Заметив мое нетерпение, профессор быстро вытирает салфеткой губы, и мы встаем из-за стола. Начинается обход лагеря.

Лагерь занимает не больше ста квадратных метров. Шесть белых палаток расположены вокруг каменного домика с плоской крышей, в котором размещены столовая, кладовая, мастерская Домбровского и Генрика Романовского, а также комната профессора и его супруги.

В ближайшей палатке слева царствует Сенуси со своей спиртовой кухонькой и подсобной кладовой. Напротив стоит палатка начальника группы египетских рабочих, так называемого раиса; несколько дальше — три жилые палатки. Одну из них занимают мужчины, другую женщины, третья предназначена для гостей. В ней буду жить я. Последняя, шестая, небольшая палатка — туалет. Вокруг лагеря шумят нивы созревшей пшеницы, а напротив белеет стена школьного сада.

Начинаем с посещения мастерской Домбровского.

В комнатухе с выходящими на север окнами прохладно и приятно. На каменном полу, на стульях, столах и громадной чертежной доске множество планов и рисунков.

— Вот мозг нашей экспедиции, — говорит профессор. — Здесь каждый вечер наносятся на планы участка раскопок все линии стен и наиболее важные элементы, найденные в течение дня. Первый план дает общий вид кома в масштабе 1:200. План разделен на квадраты со стороной в пять метров. В настоящий момент археологически разрабатывается юго-западная часть кома. На втором плане — подробные очертания именно этого участка. Справа тянутся длинные стены, поворачивающиеся под острым углом с севера на запад. Предполагают, что они были частью римских бань. Ведь древний город Атрибие был, вероятно, в римский пе-

риод (а возможно, даже и раньше — в греческий) большим курортом, чем-то вроде современного Хелуана. Мы уже обнаружили весьма интересную стену из жженого кирпичика на растворе из цемента, не пропускающем воды. Стена имеет легкий наклон — десять сантиметров на десять метров. Кроме того, открыто нечто вроде ступенчатой пирамиды.

Признаюсь, мне трудно сконцентрировать внимание на этих, столь важных для меня объяснениях профессора. Ведь я просто сгораю от нетерпения, так хочется поскорее осмотреть все это в раскопе. На помощь приходит случай.

В комнатушку врывается взлохмаченный мальчик в длинной галабии. Из его гортанных криков я разбираю лишь одно слово: мохандыс. Услышав его, Домбровский собирает свои приборы и планы и быстро направляется к выходу.

— Мохандыс — это я, — объясняет он мне. — Так по-арабски называется инженер. Если на раскопе требуется мое присутствие, значит, там открыто что-то новое. Прошу извинения, бегу...

— Тогда и я с вами, — вырывается у меня.

— Ну, ну... не торопитесь, — сдерживает меня профессор. — Вы должны переодеться. Лучше всего брюки и, пожалуйста, накиньте что-нибудь белое на голову, иначе возможен солнечный удар. А на ноги — ботинки: вот уже несколько дней мы натываемся в коже на змей. Прошу поторопиться! Ждем вас!

«СКОЛЬКО НОЧЕЙ, СКОЛЬКО ДНЕЙ...»

Дорога на ком идет по узкой меже между волнуящимися нивами буйной пшеницы и ячменя. Юный помощник повара Сенуси двенадцатилетний Саад с большим достоинством несет мой магнитофон. При виде любого предмета вроде фотоаппарата, магнитофона или просто какого-нибудь измерительного прибора мохандыса большие черные глаза Саада блестят, как два уголька. Мальчик несомненно имеет склонность к технике. Каждую минуту, свободную от работы на кухне, он проводит с Домбровским или Генриком Романовским.

В сотне метров от нашего лагеря — старый кирпичный заводик. Перед ним сушатся на солнце кучи болотных кирпичей. Левее вырисовываются темные контуры наших комов, самого раскопа еще не видно. Как поясняет профессор, он находится на противоположной стороне. Тяжелый и мучительный зной. Приближается полдень.

— Советую идти осторожнее и смотреть под ноги, — говорит профессор Михаловский. — Не далее как вчера египтяне снова заметили на этой дорожке кобру. Она грелась на солнце.

— Жаль, что этого не видела наша недавняя гостья. Вот была бы потеха, — заливается смехом Ева Калиновская.

Оказывается, совсем недавно лагерь в Телль Атрибе посетила одна из моих коллег по перу. Несмотря на увлечение историей древнего Египта и большой интерес к археологии, а следовательно, и к раскопкам нашей экспедиции, никакие уговоры, даже угрозы при-

менить силу не могли удержать ее в лагере на ночь. Возможность наткнуться в темноте на кобру в собственной палатке изгнала ее еще засветло из Телль Атриба.

Двигаясь по меже, мы приближаемся к кому. Вдруг до нас доносится монотонное хоровое пение удивительного звучания и чарующего ритма.

— Везет вам, — говорит Ева. — Сегодня они в хорошем настроении, будут петь, сколько захотите.

Мы огибаем холм, и перед нами открывается наконец раскоп. По узкой тропинке, вьющейся от вершины кома в глубь лежащего перед нами раскопа, движутся в двух противоположных направлениях, как бы в медлительном танце, шеренги египетских рабочих. Поднимаясь друг за другом на пригорок, они несут на плечах плоские корзины, наполненные землей из раскопа. Каждый их шаг делается в такт монотонной песне. Вторая шеренга в том же ритме спускается с вершины кома вниз, держа под мышками опорожненные корзины.

Короткая одежда напоминает древнеегипетские фартуки, а плоские головные уборы делают рабочих похожими на изображенные на барельефах силуэты рабов, которые пять тысяч лет назад переносили строительные материалы для пирамиды Хуфу. Предо мной словно ожил один из рельефов гробниц Саккара. Стою, как заколдованная, и не могу оторвать глаз от этого древнего пейзажа, купающегося в ослепительном блеске безжалостно палящего солнца.

— Заметили ли вы этот постоянно повторяющийся припев? — обращается ко мне профессор. — Вслушайтесь в слова песни... Знаете, что они означают? А вот что: «Сколько ночей, сколько дней... солнце, ты даруешь нам свет дня». Это наглядный реликт древнеегипетского культа солнца.

— Знакомы ли вы с гимном Эхнатона солнцу? — включается в разговор магистр Анджеевский.

— Конечно! Недавно я привела отрывок из этого гимна в репортаже.

Как прекрасен твой восход на горизонте, о Атон предвечный!.. Ты прекрасен, велик, лучезарен, высок над всюю землею.. Ты далек, а лучи твои на земле...

Пока я цитирую эти слова, песня усиливается, нарастает, крепнет. Чувствую, как меня пробирает дрожь. Должно быть, так пели в Ахетатоне три с половиной тысячи лет назад жрецы Атона.

Выхватываю из рук Саада магнитофон и включаю его. Увидев это, молодой рабочий с усами на темном лице, который, по-видимому, играет здесь роль запевалы, заводит все новые песни, дружно подхватываемые хором. Работа идет слаженно и споро. Непрерывно движущиеся длинные шеренги рабочих похожи на трансмиссии громадной машины.

— Поверите ли вы, что, работая таким примитивным образом, они перекапывают каждую неделю около тысячи трехсот кубометров земли, хотя мы много раз вынуждены прерывать их работу. Ведь необходимо просмотреть чуть ли не каждую горсть земли, — говорит профессор.

— Такие скопления людей во время работы, — добавляет Анджеевский, — наблюдаются уже на многих барельефах и изображениях периода Нового царства. На стенах гробниц высокопоставленных лиц тех времен изображена, например, пахота или рыхление почвы, совершаемые одновременно двадцатью людьми. Особенно интересный пример сохранился на стенах гробницы визира Рехмира, датируемой XV веком до нашей эры. На барельефе изображена большая мастерская, принадлежащая богу Амону, в Фивах, где работало сто пятьдесят ремесленников различных специальностей.

— Исходя из этого, можно было бы сказать, что бригады рабочих вовсе не являются достижением нашего времени.

— Разумеется! Уже более трех тысяч лет назад в древнем Египте были заняты, главным образом на строительстве царских гробниц, бригады рабочих.

— Скорее рабов?

— Ну да, конечно!

Нашу археологическую дискуссию прерывают дамы, вместе с которыми пришел высокий седовласый египтянин в развевающейся галабии. С головы на плечи у него величественно ниспадает длинная белая эйма¹.

¹ Эйма — кусок белой хлопчатобумажной ткани, предохраняющий от солнца.

— Это наш раис, — представляет его жена профессора.

— Наш бригадир, — переводит Анджеевский.

— Его зовут Хамед Фаид, он один из наиболее опытных членов раскопочных коллективов, — дополняет характеристику профессор.

— Отец раиса, как говорят, работал еще с Масперо¹.

— А сам он, в юные годы, — с лордом Карнарвоном.

Раис весьма предупредителен. Он сердечно пожимает мне руку и спрашивает, что бы я хотела записать на пленку. Естественно, мне нужны песни. Он мило-стиво улыбается и мановением руки призывает к порядку несколько смешавшиеся в этот миг шеренги рабочих. Все-таки мое прибытие на ком стало помехой в работе, а это не очень приятно нашим археологам, так как времени у них в обрез. К тому же нарушение трудового ритма в раскопе привлекает целую кучу зевак: молодежь из близлежащей школы, жнецов с соседних полей и прохожих с шоссе, которых наш гафир (сторож) без особых церемоний выгоняет с территории раскопок.

Мы в самом центре рабочего участка. Вокруг меня находящаяся в движении толпа египетских рабочих; коричневые лица, белоснежные зубы, иногда темные бороды, жгучие черные глаза. В первый момент все они показались мне похожими друг на друга; позже я научилась их различать и помнила их имена.

Поощряемые раисом, они поют одну за другой свои песни. Этот импровизированный концерт заканчивается неизбежной оглушительной здравицей в честь президента Насера.

Спускаемся в глубь раскопа. Он имеет форму перевернутой буквы Г. Ров на коротком плече этой буквы полон воды. Перепрыгнув через него, мы очутились перед свежераскопанной землей. Передо мной край ступенчатой стены, которую я видела на плане в мастерской Домбровского.

— В данный момент, — тонкая тростниковая палочка профессора странствует по плану раскопа, — мы насту-

¹ Гастон Масперо (1846—1916) — известный французский египтолог, многие годы возглавлявший в Египте Службу древностей. — *Прим. изд.*

паем в основном на северную сторону кома, туда, где недавно была откопана гробница царицы Тахут.

Мы ведем раскопки на такой глубине, на какой до сих пор никто не копал в Дельте. Раскоп углубился уже на пять метров ниже уровня обрабатываемых полей. Если добавить к этому три метра высоты кома, то окажется, что наш раскоп достигает восьми метров глубины. Мы постоянно находимся в воде и грязи, потому что влага доходит до двухметровой отметки.

Самой интересной нашей находкой вплоть до сего времени была стена из кирпича-сырца воздвигнутая на песке. Архитектура на песчаном основании — наше крупнейшее открытие, своего рода сенсация.

Мы имеем здесь дело с большими песчаными дюнами, восходящими к периоду плейстоцена; они были использованы в погребальном строительстве. Напрашивается следующая гипотеза: фараоны привыкли хоронить покойников в песчаной пустыне, которой, как известно, нет в дельте Нила. Быть может, здесь это небольшое количество песка было использовано для строительства гробниц.

— Лучшим доказательством, пожалуй, можно считать найденную несколько лет назад гробницу царицы Тахут, — добавляю я.

— Да, это еще одно доказательство.

— А ступенчатая стена, которую мы видим под обрывом?

— Очень интересная кладка — почти ступенчатая пирамида, не так ли? Стена построена из высушенного на солнце кирпича. Точно так же делают кирпич и теперь, например на близлежащем заводике. На нашем участке нашли еще два интересных каменных блока с иероглифическими надписями времен Эфиопской и Саисской, т. е. XXV и XXVI, династий. Магистр Анджеевский очень остроумно доказал, что царские картуши, помещенные на блоках фараона Тахарки, подверглись затем переделке; на них было помещено имя фараона Псамметиха II. Но об этом вам лучше всего расскажет сам Анджеевский. Блоки находятся уже в нашем лагере; следовательно, вы сможете их там осмотреть. Используя эти два блока, мы в настоящее время реконструируем всю колонну. Это кропотливая работа, и

Домбровский порядком над ней попотеет. Вот и теперь его вызвали, чтобы снять размеры участка, который мы раскапываем.

В раскопе четко вырисовывается фрагмент основы опорной колонны сердцевидного сечения. Прямо над ней поднимается стена разрытой кирками земли.

— Египетские рабочие, как я вижу, перекапывают землю острыми кирками. Разве им никогда не случается, — спрашиваю профессора, — повредить какой-нибудь ценный памятник, находящийся под слоем грунта?

— Вот на это стоит обратить внимание. Большинство наших рабочих многие годы участвуют в раскопках. Они обладают столь совершенным чутьем, что наносят удары киркой легко и ловко, ощущая любой более твердый слой.

— А теперь взгляните, пожалуйста, сюда! — Тростниковая палочка профессора указывает на обрыв. — Видите эти щели и дыры? Здесь чаще всего прячутся змеи и скорпионы. Правда, до сих пор не было случая, чтобы они кого-нибудь укусили, но лучше быть готовым ко всяким сюрпризам.

Я не думаю ни о змеях, ни о скорпионах, ни даже о все более усиливающемся зное, а только стараюсь записать на пленку все, что слышу. Когда я наконец использовала весь взятый из лагеря запас, было начало второго.

Большинство участников экспедиции и сопровождающие нам художники возвращаются в лагерь. На коме остаются профессор и дежурная магистр Рушциц. Я очень устала и изнурена жарой, но гордость не разрешает мне даже заикнуться об этом.

В нашем каменном домике уже хлопочет Насер. Он подает апельсиновый сок со льдом, затем быстро и ловко накрывает на стол. В кухоньке грохочет кастрюлями Сенуси. Он ворчит на Саада, который, вероятно, пренебрег своей основной обязанностью поваренка, проведя слишком много времени на коме.

Как пьяная, брожу я по лагерю в напрасных поисках места, где можно было бы отдохнуть и укрыться от духоты и зноя. Кристина Михаловская советует принять душ, переодеться и прилечь в палатке. Но когда я приподняла полог моего нового жилья, на меня не

повеяло приятной прохладой, а пахло липкой духовой тенью. Ко всему этому воздух в палатке пропитан каким-то дезинфицирующим средством. Оказывается, всегда услужливый и доброжелательный фотограф продезинфицировал палатку флитом, чтобы мне днем не мешали мухи, а ночью москиты.

Чувствую себя очень плохо. Кружится голова, сильное сердцебиение. Но у меня нет времени анализировать свое состояние, так как в этот момент Саад ударяет в сковородку, созывая всех к ленчу.

В столовой относительно прохладно. Суп, сваренный Сенуси, и закуска из овощей приготовлены так вкусно, что, несмотря на слабость, я ем с аппетитом.

Подавая блюдо с шашлыком, Сенуси нагибается ко мне и хрипло шепчет:

— Мистрис себя плохо чувствует, не так ли? Зайдите после ленча на кухню. Я дам вам хороший совет.

В то время как художники уезжают в Каир, а все прочие жители лагеря расходятся на короткий отдых, я незаметно проскальзываю в палатку, где хозяйничает в кухне Сенуси.

МОЙ ДРУГ СЕНУСИ

Палатка Сенуси разбита под высоким деревом, рядом с каменным домиком. В центре палатки на каменном фундаменте стоит спиртовая туристская плита с несколькими конфорками и духовкой. Таким образом, у Сенуси есть все возможности, чтобы показать свое кулинарное искусство. Кроме «хорошего вкуса», Сенуси обладает еще одним громадным достоинством: он умеет работать в походной обстановке и отличается великолепным организаторским талантом. К тому же он может просто из ничего сварить прекрасный обед. Всему этому, по его словам, он научился на протяжении сорокалетней кулинарной практики на обоих полушариях.

— На обоих полушариях? Не может быть!

Бронзовое морщинистое лицо Сенуси покрывается от улыбки глубокими складками.

— Мистрис знает, что такое кок?

— Конечно. Это повар на корабле.

— Не обязательно. Кок — это и военный повар. Я был коком в английской армии с 1914 года и с моим полком странствовал по всему свету сначала во время первой, а затем и второй мировой войны.

Судьба действительно вела Сенуси весьма необычным путем. Сначала Англия, Франция, Италия, Германия и даже как будто Украина. Затем наступила очередь Турции, Сирии и Ирана, наконец, Индия, Непал и Тибет и даже — во время последней войны — Малайя и Австралия. Вот почему Сенуси говорит на английском, итальянском, французском, немецком языках и, кроме того, на нескольких диалектах Ближнего и Дальнего Востока.

— Мир велик, мистрис, но люди всюду одинаковы. Одно и то же вызывает у них смех и одно и то же — слезы. И теперь, и раньше. Очень у вас болит голова?

— Очень, Сенуси, а к тому же еще и тошнит, да и сердце так колет, как будто я все время бежала. Мне нестерпимо жарко и душно.

— Прошу сесть сюда и спокойно дышать, — Сенуси подставляет мне низкий раскладной стул. — А теперь смотрите на мои руки.

Бронзовые, сухие и сморщенные руки Сенуси производят в воздухе такие движения, словно что-то медленно снимают с моего лица и что-то на нем растирают. Эта удивительная пантомима продолжается секунд двадцать, а может быть, и несколько минут. И все время Сенуси что-то бормочет под нос.

Вначале мне хочется смеяться, но затем я чувствую, как биение сердца ослабевает, а нестерпимое давление в груди явно уменьшается. Сенуси присматривается ко мне пытливо.

— Ну как, мистрис, вы чувствуете себя немного лучше?

— Кажется, да.

— А голова все еще болит?

— Очень!

— И на это найдется средство. Прошу только сидеть спокойно и легко дышать.

Сенуси копается в своих бесчисленных свертках, банках и корзинках. Через минуту он извлекает серебристую, хрупкую и как бы прозрачную кожу змеи.

— Это от кобры?

Сенуси не совсем понимает, что я говорю. Слово «кобра» не употребляется египтянами.

— Это ганеш, ганеш из этих местностей, змея. Мистрис убедится, как хорошо действует ее кожа на головную боль и вообще на голову.

Он берет двумя пальцами хрупкую кожу и, ни на минуту не прекращая своих заклинаний, медленно, кругообразными движениями натирает мне кожу вокруг глаз и на висках. Погружаюсь в приятное оцепенение, словно в прохладную, пахнущую свежестью воду. Пульсирование в висках и нестерпимая боль исчезли. Чувствую себя как после здорового сна и освежающего ку-

пания. Оживленная притоком энергии, пытаюсь вскочить со стула, но Сенуси легко нажимает ладонями на мои плечи.

— Мистрис нельзя сразу встать и куда-то мчаться, прошу еще немного отдохнуть.

— Но ведь я уже прекрасно себя чувствую, Сенуси, спасибо от всей души. Пожалуйста, скажите, как это получилось?

Хитрые глазки Сенуси совсем утопают в морщинах улыбки:

— Выпейте теперь что-нибудь, а это прошу взять с собой и никогда не отдавать никому.

Стакан апельсинового сока имеет вкус нектара. Сенуси заворачивает змеиную кожу в большой зеленый лист и дарит мне ее.

— Хорошо действует на голову. Мистрис сама могла убедиться. А если всегда носить при себе, то и мысли будут здоровее.

— Мысли будут здоровее? Что это значит?

— Мистрис пишет в журналах и говорит по радио, правда? Голова будет лучше работать, вы увидите.

Я принимаю дар Сенуси, но вовсе не собираюсь так, сразу покинуть старика.

— Пусть Сенуси обязательно скажет мне, как случилось, что прекратилась головная боль и что я так превосходно себя чувствую. Это наверняка самовнушение?

Сенуси, очевидно, не знает, что такое самовнушение, а я при довольно скудном запасе иностранных слов в области метафизики не пытаюсь ему даже это объяснить.

— Мистрис увидит в Египте еще много вещей, которые нелегко будет понять. Да и не нужно так вникать во все, достаточно верить опыту других, более мудрых. Поедет ли мистрис в Луксор, туда, где находится величайший в Египте город мертвых — Долина царей?

— Увы, Сенуси, я не смогу туда поехать, у меня много работы здесь, в лагере.

— Жаль, мистрис. Я мог бы дать мистрис записку к моему родственнику — мудрому, ученому человеку. Он — проводник в Долине. С мертвыми царями он на короткой ноге и обладает громадными знаниями. Он

меня многому научил, я ему очень обязан. Никто не умеет так составлять амулеты в Египте, как он. Не хочет ли мистрис иметь такой листок, который приносит счастье или дает способности и славу?

— Да перестаньте, Сенуси! Как листок может принести счастье?

— Мистрис не верит? Это плохо. Нужно верить, тогда листок в самом деле принесет счастье. Если мистрис только пожелает, я напишу ему, чтобы он вам прислал. Прошу только дать мне собственноручно написанное ваше имя и имя вашей матери. Мой родственник пришлет вам такой листок. Он будет таким маленьким, что вы сможете постоянно носить его с собой. Не надо с ним никогда расставаться. Даже во время купанья держите листок в зубах. Тогда он будет издавать очень приятный запах, совсем как цветок лотоса. Но только, пожалуйста, не говорите об этом никому. Когда мистрис уезжает отсюда?

— Пожалуй, я останусь здесь до отъезда всей экспедиции.

— Очень хорошо. Итак, у нас еще много времени. А если вы будете себя чувствовать плохо, заходите в любое время на кухню.

Шару по карманам, желая что-нибудь дать Сенусю за труды, но он, заметив это, легко кладет руку на мою кисть.

— Нет, мистрис, за такие вещи не платят. Я никогда не приму от вас никакой платы, а кто знает, может быть, не раз еще смогу оказать вам услугу. Но не за деньги. Никогда! Понимаете? Никогда!

— Услуга за услугу. Может быть, и я смогу для вас что-нибудь сделать?

— Много, мистрис, много. Ваша экспедиция пробудет здесь теперь недолго, каких-нибудь две недели. А что будет потом? Снова останусь без работы, как в последнее время.

— А долго вы были без работы, Сенуси?

— Почти год, мистрис. Это очень долго. Теперь у нас не копает никто, а англичане пошли к черту. Нет работы, мистрис. Плохо.

— Что же, собственно говоря, плохо: то, что нет работы, или то, что англичане пошли к черту?

Сенуси возмущен моим нетактичным вопросом. Он никогда не отличался чрезмерной любовью к англичанам. Слишком хорошо он их знает. И уже давно перестал у них служить. Но поляков очень любит.

— Где же вы с ними познакомились, Сенуси?

Во время последней войны они были в том же английском полку, что и Сенуси.

— Дельные парни! Умеют пить водку, но и драться умеют. Бывает ли мистрис в польском посольстве? Может быть, там требуется повар, знающий несколько языков? Не могла ли бы мистрис узнать?

— Разумеется, когда буду в Каире, спрошу.

— Где ты пропадала? — кричит мне Кристина Михаловская, как только я появляюсь в мастерской мохандыса. — Я распорядилась постелить тебе в твоей палатке и занести вещи, но мне сказали, что ты туда даже не заглянула.

— Я была у Сенуси и должна тебе рассказать очень интересную вещь.

— Ого! Сенуси уже очаровал вас, — вмешивается сидящий за чертежной доской мохандыс.

— У вас, инженер, только чары в голове. Не потому ли, что сами вы очарованы Фатимой? — спешит мне на защиту из глубины своей фототемницы Генрик Романовский.

— Фатима — это симпатия нашего мохандыса. Красавица девушка, ученица соседней школы. Живет тут недалеко и часто нас навещает.

— Ого, пани Михаловская думает, что только Фатима. А что сказать о Зуеле? А Лейла, Зейнаб, Ирис?

— Ну ну, пан Генрик! Ведь у инженера не такое большое сердце.

— По-видимому, да. Все они постоянно сюда приходят и спрашивают мохандыса.

Инженер беспомощно улыбается.

— Что же делать, если все они такие красавицы! Совсем как цветы.

— Но в самом деле, этот Сенуси такой необычный человек, — воспаляюсь я под влиянием недавних переживаний.

— Не потому ли, что часто напивается до чертиков?

— Не может быть! Он пьет? Ведь он исповедует ислам, а мусульмане не употребляют спиртного.

— Он и сам уж не знает, кто он. Во всяком случае он обожает виски с содовой и даже без содовой.

— А лучше всего польская водка.

— Насер говорил мне, что он даже курит, и притом много.

— Что курит? Папиросы?

Все давятся от смеха.

— Да нет же, откуда! Гашиш!

— Ну и дела! И при всем этом он так хорошо выглядит!

— Он старый бродяга. Твердый орешек — ничто ему не повредит. Если бы его укусил скорпион, наверняка с ним бы тоже ничего не случилось. У него на все есть свои средства. В Миннах, в той деревушке, где живет его семья, говорят, что он занимается колдовством. Не выколдовал ли он у вас из кармана фунт?

— Ну уж извините, — возмущается Кристина Михаловская. — Сенуси — необыкновенно честный человек. Когда бы он ни шел за покупками, он всегда покупает дешевле, чем кто-либо из нас.

— О, наивность! Ведь у него везде на рынке самые большие комиссионные.

— Да я не об этом говорю. Я спрашиваю, не выжал ли он из вас чаевых?

— Вы несправедливы!

— Ого, пани Зофья уже влипла. Но только поосторожнее, потому что пани Кристина будет ревновать к этой дружбе. Сенуси ее обожает и даже собирается ехать в Варшаву служить там в семье профессора.

— А меня он просил помочь ему получить должность в нашем посольстве.

— Ну и изменник! Но, по правде говоря, следовало бы ему помочь в этом деле. Изумительный повар и слуга. Они были бы им очень довольны.

Увы, Сенуси не был принят в посольство, так как должность повара оказалась занятой. Мое неудачное ходатайство все же не охладило наших дружеских отношений. В течение всего моего пребывания в лагере Сенуси оказывал мне сотни мелких услуг, заботился обо мне, как самая нежная няня, приносил лакомые

кусочки из кухни и следил, чтобы я не слишком утомлялась. Всегда у него был для меня наготове какой-нибудь напиток со льда или крепкий черный кофе.

Должна признаться, что очень привязалась к Сенуси. Да и он, как я заметила, тоже относился ко мне с искренней теплотой.

После возвращения нашей экспедиции из Телль Атриба в Каир первым, кто посетил меня в гостинице, был именно Сенуси.

Когда портье сообщил мне о приходе посетителя, я спустилась бегом в холл гостиницы и увидела возлежавшего в кресле Сенуси в праздничной бледно-голубой галабии. Он был побрит и тщательно одет. Держался он весьма торжественно.

Мы часто ходили вместе по городу, и, по-видимому, наша дружба вызвала даже что-то вроде сенсации, так как многие прохожие, особенно в современном районе Каира, оглядывались на нас.

Перед моим отъездом Сенуси, как и обещал, взял листок с моим именем и именем моей матери, чтобы его родственник из Луксора составил для меня талисман. Разумеется, я дала ему деньги на письмо и кое-что для его родственника за талисман. Каюсь, что вовсе не рассчитывала получить обещанное.

Каково же было мое изумление, а после этого радость, когда, примерно через месяц после возвращения из Египта, пришло письмо от Сенуси с двумя листками, исписанными арабской вязью.

Сенуси сообщал, что один из них должен принести мне счастье, а другой — помогать в работе. Написал он также, чтобы я всегда в трудную минуту думала о нем. Тогда, как он выразился, мысли наши вступят в контакт и он сможет оказать мне помощь.

Хотите верьте или нет, но с тех пор, как я ношу с собой талисманы Сенуси, все дела идут у меня лучше. Кто знает? Быть может, они в самом деле принесли мне счастье...

СТОЛЕТНЯЯ ВРАЖДА ДВУХ ФАРАОНОВ

Уже кончается четвертый день моего пребывания в лагере, а я все еще не могу поймать магистра Анджеевского. Ведь это он должен наконец показать мне принесенные из кома каменные блоки с царскими картушами. Наши археологи обнаружили на них следы вражды двух фараонов. Хорошо, если бы он рассказал об этом кое-что в микрофон.

Поймать магистра Анджеевского — не легкое дело. Он либо находится в раскопе, либо работает вместе с профессором. Если бы я осмелилась помешать им, они вдвоем, несомненно, выгнали бы меня из палатки.

Сегодня, однако, я улучила подходящий момент и сразу же после завтрака смело напала на мою жертву. О чудо, он почти не сопротивлялся.

— Но только разрешите, — говорит магистр, — найти тот оттиск, который мы называем эстампажем.

— Эстампаж? А что это такое?

— Иногда блок невозможно перенести с места раскопок, иногда картуши или рельефы находятся на крупных кусках камня и их нельзя сдвинуть с места, а иногда археологи не в состоянии даже точно сфотографировать их из-за плохого освещения, например, где-нибудь в подземелье.

Магистр разворачивает передо мной лист тонкой, мягкой промокательной бумаги, на котором ясно вырисовываются иероглифы и какие-то знаки.

— Разумеется, перед тем как снять оттиск, камень надо очистить, лучше всего щеточкой. Затем к исследуемому месту плотно прижимают мягкую промокательную бумагу, смачивают ее обильно влажной губкой и,

наконец, довольно долго бьют по ней осторожно щеткой (лучше всего твердой щеткой для волос). Как видите, на промокательной бумаге точно отпечатывается весь рельеф с сохранением фактуры камня и всех деталей, которых не схватывает фотоаппарат. А теперь пойдем осмотрим блоки на складе.

Слово «склад» звучит, пожалуй, слишком громко применительно к маленькой комнатушке, которая битком набита найденными в раскопе предметами. Здесь великое множество фрагментов керамики, древних монет и разных мелочей, которые Бася Рушчиц и Ева Калиновская старательно завернули в разные бумажки или положили в коробочки.

Обе дамы царствуют здесь безраздельно, они просто приходят в ярость, если кто-либо осмелится чего-нибудь коснуться. Ведь каждый предмет, найденный во время раскопок в Телль Атрибе, должен быть точно проинвентаризирован и описан; кроме того, надо указать обстоятельства его обнаружения. Это очень кропотливая и трудоемкая работа, требующая многих часов скучной писанины.

Вдоль стен стоят каменные блоки, которые интересуют меня. Они представляют собой остатки модельни или какой-то аналогичной постройки, которую приказал воздвигнуть для себя на территории древнего Атрибиса фараон Тахарка. На них видно его имя.

— Знак, входящий в состав имени Тахарки, это «нефер-тем», — говорит Анджеевский. — На картуше сбиты ударами молота часть «тем», а оставлен «нефер». Изменить картуш мог только тот из наследников Тахарки, в состав имени которого входил знак «нефер». Им был Псамметих II.

Итак, молельня, или мавзолей, Тахарки спустя сто с лишним лет была, по-видимому, превращена в место памяти Псамметиха II, — продолжает Анджеевский. — Лично мне кажется, что Псамметих с удивительным упорством стремился стереть следы своего предшественника, основателя постройки. Однако он, должно быть, делал это уже в последние годы царствования, потому что многие царские картуши Тахарки, частично сбитые ударами молота, все же не были переделаны на картуши Псамметиха II.

— Любопытная штука! А сообщает история древнего Египта что-нибудь о вражде двух владык?

— Да. Однако их вражда не имела личной подоплеку, так как даты царствований Тахарки и Псамметиха II отделены друг от друга более чем столетием. О так называемом Позднем периоде мы знаем довольно много; поэтому я могу вас познакомить более обстоятельно с историей этих двух династий, разумеется, если вам это интересно.

Магистр Анджеевский — живая хроника истории Египта. Как и профессор Михаловский, он все излагает ярко и интересно. Узнаю от него, что история Позднего периода, во время которого возникла вражда Тахарки и Псамметиха II, выглядела приблизительно следующим образом.

— Согласно классическому делению, Поздний период начинается с XXI династии, — говорит магистр Анджеевский. — В эпоху XX династии египетское царство переживало острые внутренние потрясения. Многократные восстания бедноты и рабов до такой степени ослабили власть фараонов, что Египет наконец снова распался, — как это произошло столетиями раньше, — на два царства. Ныне трудно определить точную границу между территориями этих царств. Известно все же, что правившие одновременно фараоны XXII и XXIII династий не воевали друг с другом. Государство дробилось все больше. По сообщению греческого историка Геродота, одно время в Египте одновременно было двенадцать царей. Геродот пишет также, что египетское общество той эпохи было строго разделено на три касты: жрецов, воинов и ремесленников. Переход из одной касты в другую был почти невозможен, так как дети наследовали профессию родителей.

В начале правления XXII династии «царство божье Амона» пережило событие, сыгравшее серьезную роль в дальнейшей истории страны. Часть египетского жречества со всем своим имуществом покинула Фивы и переселилась в южную Нубию, где основала собственное царство в Напате¹. Еще раньше, при фараонах XXI

¹ Эта теория ныне считается устаревшей. Правители Напаты, очевидно, были местного происхождения. — *Прим. изд.*

династии, в результате слабости Египта Нубия добилась независимости. Один из царствовавших в Напате фараонов, Кашта, временно даже покорил южную часть Египта.

Его сын Пианхи решил завоевать весь Египет и объединить его под своей властью. Несмотря на отчаянное сопротивление фараонов XXIV династии Тефнахта и Бокхориса, эта попытка увенчалась успехом. Пианхи завоевал Египет и объединил его под властью основанной им XXV династии, укрепив давно захиревшее государство. Историки именуют эту династию Эфиопской, так как греки называли все народы, проживавшие южнее Египта, эфиопами¹.

В то время Египту стало угрожать растущее могущество Ассирийской державы. Когда на египетский престол вступил сын Пианхи, известный нам уже по раскопкам Тахарка, ассирийский царь Асархаддон вторгся в Египет, разбил войска фараона, занял Мемфис и Фивы, принял клятвы верности от князьков Дельты и в 671 году до нашей эры вынудил Тахарку к бегству.

Внезапная смерть Асархаддона помогла Египту восстановить независимость. Радость была, однако, кратковременной, так как несколько лет спустя преемник Асархаддона Ашшурбанипал дважды вторгнулся в «царство божье Амона» и разрушил Фивы, которые с тех пор так и не смогли вернуть прежний блеск.

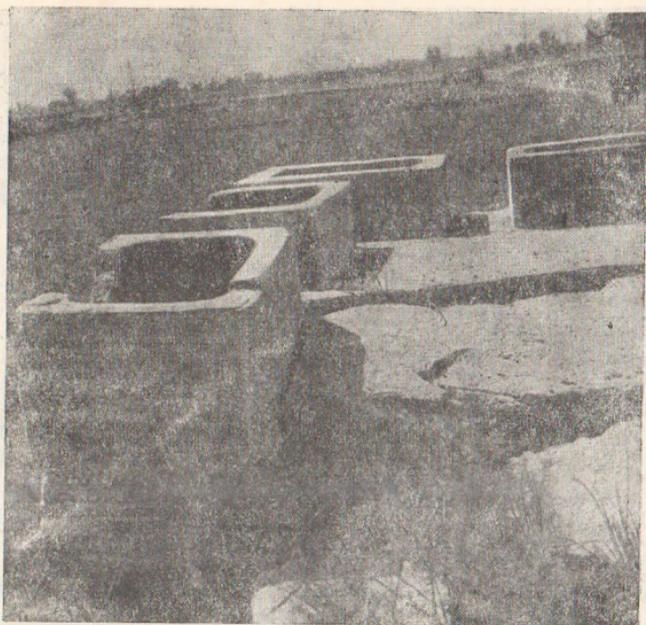
В западной части Дельты, в городе Саис, тем временем правили потомки царей XXIV династии. Один из них, по имени Псамметих...

— Это второй наш знакомый?

— Нет, тот был его сын, Псаммегих II. Так вот. Псамметих I, воспользовавшись помощью ассирийского царя Ашшурбанипала, добился объединения всего Египта и в 665 году до нашей эры основал XXVI династию. По месту своего происхождения она получила название Саисской.

Во внешней политике саисские фараоны сначала поддерживали ослабевавшую Ассирию в ее конфликте с

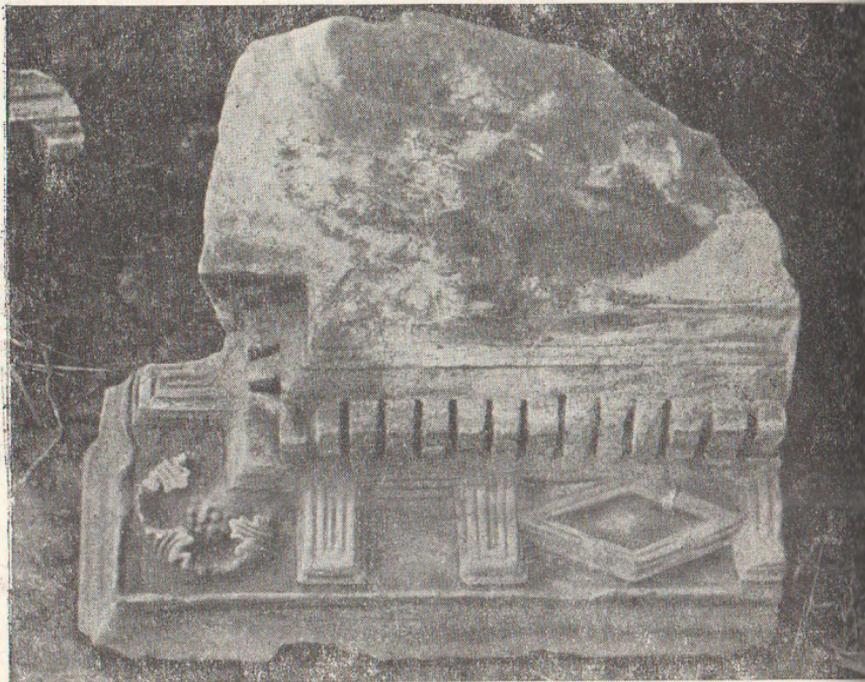
¹ Не следует отождествлять древних эфиопов с жителями современной Эфиопии.

Римские бани в Тель Атрибе

Бассейн в римских банях

Архитектурная деталь, обнаруженная в Телль Атрибе

*Фрагмент терракотовой статуэтки,
найденный в Телль Атрибе*

Вавилоном. Когда в 616 году царь Вавилона Набопаласар начал военные действия, намереваясь окончательно покорить ассирийское государство, египетские войска появились на берегах Евфрата. Еще энергичнее поддерживал Ассирию Псамметих II.

Удивляет ли вас теперь, что, будучи столь тесно связан с Ассирией, которой стольким была обязана его собственная династия, Псамметих II старался повсюду уничтожать следы своего предшественника более чем столетней давности — ярого врага ассирийцев Тахарки? Да и вообще присвоение фараонами храмов и даже гробниц своих предшественников характерно не только для Позднего периода. Это вполне согласуется с традицией древнейших династий Египта, начиная с Хеопса.

— А что известно об искусстве Позднего периода? Должна признаться, что во время посещения музея в Каире я не обратила внимания на этот период.

— В связи с развитием торговли и нашествиями чужеземных владык на берега Нила проникли влияния других народов. Скульптуры того времени отличаются тонкостью отделки, в живописи преобладают фигуры вельмож, жрецов и фараонов, одетых в изысканные платья; крестьяне и рабочие также до некоторой степени идеализированы. Об архитектуре имеются скудные сведения, так как в то время строили главным образом в Дельте. А здесь, как мы знаем, влажная почва не создает условий, содействующих сохранению построек.

О памятниках архитектуры этого периода больше всего сообщают нам греческие писатели, которые посещали Саис. Быть может, теперь нам улыбнется счастье и мы откроем какие-нибудь важные и ценные памятники.

Характерно, что иноземные культурные влияния вызвали в конце правления Саисской династии реакцию, выразившуюся в стремлении возвратиться к старым традициям. Жрецы всячески старались оградить египетское население от иностранцев. Вот почему греческие философы, которые в это время путешествовали по Египту, с таким трудом добивались доступа к сокровищницам знаний, запертым в недоступных храмах. Несмотря на это, египетская культура оказывала мощное воздействие на другие народы, прежде всего на греков.

Геродот прославляет мудрость египтян, а Платон вкладывает следующие слова в уста жреца, беседовавшего с афинянином Солоном, который искал мудрости в храмах города Сaisа: «О Солон, Солон, вы, греки, всегда как дети... у всех вас молодые души... нет в них старого, устоявшегося мнения, опирающегося на древние предания, нет знания, покрытого сединой веков».

Влияние культуры Египта Позднего периода на греческое искусство позволило сохранить многие ее элементы до нашего времени.

ЧАЙ КАРДАСИ У РАИСА

На коме вместе с нами работают сорок два египтянина. Среди них жители Телль Атриба и деревни Кафр ас-Серайя, которые впервые попали на раскопки. Однако немало и опытных людей, десятки лет работающих с археологами. Их завербовал для нашей экспедиции раис Хамед Фаид, обладающий многолетним опытом в этих делах.

Раис Хамед Фаид прожил больше семи десятков лет. Высокий, стройный, энергичный, он выглядит великаном в своем торжественном длинном одеянии и белой эйме на голове. При первой встрече он показался мне каким-то легендарным шейхом. У него темное сухое лицо с правильными чертами и пронизательные, жгучие глаза. Когда он отдает приказы своим подчиненным или требует чего-либо от своих двух сыновей Насера и Мехади, лицо его строго и сурово. Но, разговаривая с нами, он сердечен, дружелюбен и по-настоящему привлекателен.

Почти шестьдесят лет он участвует в раскопках. К тому же он принадлежит к семье, которая на протяжении нескольких поколений сотрудничает с археологами, проводящими исследования на территории Египта. Как сам он рассказывает, ему было лишь пятнадцать лет, когда он впервые вместе с отцом принял участие в раскопках. В начале двадцатых годов он сопровождал Г. Картеру и лорду Карнарвону во время поисков гробницы Тутанхамона, увенчавшихся успехом в 1923 году.

С опытом раиса в вопросах археологии считаются даже крупнейшие ученые. Профессор Михаловский питает к нему не только доверие, но и чувство глубокой

и искренней дружбы. Дружба эта восходит еще к довоенным годам, когда профессор руководил польско-французскими раскопками в Верхнем Египте, в Эдфу. Оба они часто вспоминают о тех временах.

Уведомленный письмом профессора, раис завербовал отряд рабочих для нашей экспедиции. Он безукоризненно выполнил это поручение. Коллектив египетских рабочих оказывает большую помощь нашим археологам. Работают они быстро, соблюдая в лагере железную дисциплину.

Среди египетских рабочих существует освященная веками иерархия. Если наш археолог хочет дать приказание кому-либо из рабочих, он не может сделать это непосредственно. Обычай требует, чтобы он передал приказ сначала раису, который передает его в свою очередь начальнику одной из групп, и уже последний дает поручение непосредственному исполнителю. Вся эта церемония иногда раздражает своей медлительностью, но все мы хорошо знаем, что не следует ни в чем нарушать сложившиеся здесь обычаи.

Проявлением традиции можно считать и то обстоятельство, что сыновья раиса еорокалетний Мехад и Насер, который моложе брата всего на несколько лет, никогда не осмеливаются в присутствии отца сесть без его разрешения или даже закурить. А ведь оба они окончили школу, вполне прилично говорят по-английски и имеют собственных детей. Обычно они ведут себя легко и просто; в присутствии же отца они стеснительны и скованны, как дети. Впрочем, с таким же уважением относятся к раису и его подчиненные.

В его обязанности входит не только надзор за работой отряда, но и определение заработка отдельных рабочих, а также подсчет отработанных дней.

Знания раиса, его умение держать себя и серьезность возбуждают уважение. Раис бывает иногда строгим и даже жестоким. Если какой-нибудь рабочий откажется выполнить его приказание или нарушит порядки, существующие на территории лагеря, раис не стесняется в выборе средств наказания. Под внешней оболочкой цивилизации скрывается своевольный и дикий патриарх племени пустыни.

Когда все намеченные на день работы на раскопе и

коме кончаются, результаты обрабатываются в мастерской мохандыса, в палатках Евы и Баси, а также у магистра Анджеевского, профессор с супругой направляются в палатку райса на чашку чая, который называется здесь «чай Кардаси». Это наименование происходит от деревни Кардаси, жители которой ввели обычай пить такой чай. Он крепок, как вино, и благоухает, как духи, в чем я имела возможность убедиться в первый же вечер.

Быть приглашенной к райсу на чашку чая Кардаси — большая честь. До сих пор этого отличия удостаивались только профессор и его супруга. Впервые исключение было сделано для меня. Решив воспользоваться этим, я захватила с собой магнитофон.

В Египте нет серого часа сумерек. Солнце заходит сразу и столь же неожиданно наступает синяя, звездная ночь. На темном небе сияет тогда над нашим лагерем Южный Крест.

Все наши археологи и египетские рабочие уже спустились с кома. В небольшом домике, где помещаются мастерская мохандыса, комната профессора и его супруги, а также наша общая столовая, загорелись огни. Из кухонной палатки слышен звон посуды, звук шагов Сенуси и его хриплый голос. Аппетитный аромат баранины, чеснока и лука предвещает вкусный обед.

Райса мы застаем на циновке перед палаткой в обществе обоих сыновей и молодого Ибрагима, племянника. На спиртовке настаивается чай Кардаси.

Райс приветствует нас церемонным, низким поклоном, несмотря на то что расстались мы с ним не более часа назад. Он приглашает нас сесть на циновку и вслед за тем ставит перед нами малюсенькие чашечки из тонкого фарфора, наполненные красно-коричневой жидкостью терпкого, бодрящего вкуса. После знойного дня холод ночи пронизывает меня до костей, и я с величайшим наслаждением потягиваю горячий, ароматный чай.

Прекрасные минуты! С полей и огородов, окружающих наш лагерь, доносится музыка целого оркестра цикад. Чудесно пахнут кусты жасмина. На синий край неба, который виден между вершинами колышущихся над лагерем высоких пальм, выплывает серебряный диск

луны. В ее таинственном свете белые силуэты палаток выглядят как притаившиеся вокруг нас духи.

Египетские друзья, обычно раздраженные под конец дня из-за многочасового поста, обязательного во время Рамадана, теперь спокойны и довольны. Недавно они плотно поужинали и настроились благодушно.

Профессор тихо беседует с раисом о планах на завтра и о результатах сегодняшних раскопок, а Мехади и Насер развлекают нас светским разговором.

Мехади уже много ряд лет показывает иностранцам памятники древнего Египта. Это приносит ему немалый заработок, потому что богатые туристы, чаще всего американцы (в последнее время в Каире появились также большие группы немцев), нанимают его на весь день и хорошо платят. Кроме того, Мехади получает постоянное жалованье за работу в музее на бульваре Мариэтта.

— Почему же вы бросили все это и сидите в Телль Атрибе? — спрашиваю я.

— Отец очень стар, — вмешивается Насер.

— Он нас вызвал. Поэтому-то мы оба и приехали.

Мехади — человек довольно упитанный. По-видимому, его профессия идет на пользу как здоровью, так и карману. Насер же — человек совсем иного склада. Тихий, скромный, с лицом аскета, с непрременной белой шапочкой на голове, он выглядит, как монах.

Прошу раиса рассказать о своем прошлом. К счастью, нет необходимости слишком долго его уговаривать: как все старые люди, он охотно делится воспоминаниями. Незаметно направляю беседу на события более чем тридцатилетней давности — на прославившееся по всему свету открытие гробницы Тутанхамона.

Раис — один из немногих живых еще участников археологической экспедиции, которой руководили Карнарвон и Картер.

Если когда-нибудь труд археолога, производившего раскопки в песках египетской пустыни, мог бы послужить темой для повести, то несомненно лучшим сюжетом было бы открытие гробницы Тутанхамона лордом Карнарвоном и Говардом Картером.

Лорд Карнарвон долгие годы собирался приступить к раскопкам на территории Египта, но только в 1906 году получил разрешение на это. Он начал поиски в ок-

рестностях Фив. Через двадцать четыре часа экспедиция наткнулась на, казалось, нетронутую погребальную шахту. Так как на протяжении тысячелетий территорию царских некрополей неоднократно посещали грабители, лорд Карнарвон надеялся сделать в этой нетронутой гробнице важное открытие. Однако, его надежды оказались тщетными, так как шахта была всего лишь незаконченным и неиспользованным колодцем. Карнарвон не пал духом. Более трех недель археологи изо дня в день вели раскопки, задыхаясь в тучах песка и пыли. Единственной находкой оказалась мумия кошки, которая ныне хранится в Музее древностей в Каире.

Но лорд Карнарвон был человеком настойчивым. Неудача не только не отпугнула его, но еще более усилила стремление к дальнейшим поискам. Он заручился сотрудничеством Говарда Картера, и с тех пор оба этих имени навсегда соединены в истории археологии. Говард Картер был не только крупным специалистом по истории древнего Египта, но и археологом с воображением, — одним словом, человеком, который во всех отношениях был идеальным сотрудником и спутником Карнарвона в археологических экспедициях.

За два месяца до начала первой мировой войны лорд Карнарвон добился разрешения на раскопки в Долине царей. Оба археолога надеялись найти здесь много интересного, так как вблизи этого места Картер случайно нашел кубок и печать с инициалами фараона Тутанхамона, зятя Аменхотепа IV (Эхнатона) и царицы Нефертити.

Начало мировой войны заставило археологов временно прекратить раскопки, а между тем во время военных действий повсюду безнаказанно рыскали грабители гробниц.

Соперничавшие друг с другом банды напали прежде всего на шахту, раскопанную накануне войны Карнарвоном и Картером. Однако Картер решил предупредить дальнейший грабеж. Придя около полуночи к месту раскопок, он увидел свисавшую со скалы веревку, при помощи которой грабители пробрались внутрь шахты. Услышав внизу голоса, Картер отвязал веревку, отрезав таким образом непрошеным гостям путь наверх.

Затем он спустился в шахту на собственной веревке.

Там Картер нашел восемь бродяг, грабивших гробницу. Тогда он предложил им на выбор: подняться из шахты при помощи его веревки, но без добычи, или навсегда остаться в глубине гробницы. Грабители, естественно, выбрали первое.

Оставшийся на всю ночь в шахте Картер на заре заметил, что грабители пробили узкий туннель среди развалин.

Следующие двадцать дней экспедиция Картера и Карнарвона посвятила исследованию туннеля. Оказалось, что он вел в заброшенную гробницу, предназначенную для царицы Хатшепсут, вдовы Тутмоса II, которая несколько лет управляла Египтом после смерти мужа. Когда же впоследствии она стала женой Тутмоса III, по всей вероятности, для нее была воздвигнута большая гробница, соответствовавшая ее новому положению.

Несмотря на неудачу, оба археолога продолжали поиски гробницы Тутанхамона в 1917, 1919 и 1920 годах. Все их усилия были тщетными. Наконец, в ноябре 1922 года рабочие, которые в отсутствие обоих археологов копали в указанном ими направлении, наткнулись на какие-то ступеньки.

Прибыв на участок раскопок, Картер приказал продолжать поиски. Весь день рабочие выбрасывали щебень. После долгих лет тщетных усилий и кропотливого труда, казалось, появился проблеск надежды.

В самом деле, после уборки щебня открылась верхняя часть замурованного входа. Обследовав его, Картер заметил, что в одном месте отпала штукатурка, а изпод нее торчало тяжелое бревно. С величайшими предосторожностями он пробил в нем небольшое отверстие, чтобы заглянуть внутрь. Затем он осветил его электрическим фонариком... и увидел новую кучу щебня.

От того, что находилось под щебнем, зависела судьба всей экспедиции. На дверях имелись оттиски печатей некрополя, однако из них не было ясно, кому принадлежала гробница. Картер не знал тогда, что всего лишь несколькими дюймами ниже была та печать, о которой он мечтал годами, — печать Тутанхамона.

К концу месяца на раскопки прибыл вызванный Картером лорд Карнарвон. Во время уборки щебня из

гробницы было найдено несколько предметов, обозначенных именами Эхнатона, Тутмоса III и Тутанхамона. Продвигаясь дальше, археологи наткнулись на узкий наклонный проход.

После полудня была вскрыта запечатанная дверь — каждая минута, потраченная на вынос щебня, казалась археологам столетием. Наконец Картер пробил узкую щель в верхнем левом углу двери.

Зажгли свечу, чтобы проверить, есть ли воздух в самой гробнице. В мерцающем свете свечи из темноты появились какие-то удивительные статуи из золота, и золото, всюду золото.

Все вдруг потеряли дар речи. Шестнадцать лет упорных поисков и бесплодных усилий увенчались победой.

В комнате был целый музей. Большие черные статуи фараона, чудесные инкрустированные сундуки и шкатулки, букеты цветов и листьев из тонких золотых пластинок, ложа, стулья и трон, весь из золота, наконец, инкрустированный золотом портрет фараона. Нигде, однако, не видно было саркофага. И все же это была, несомненно, гробница Тутанхамона.

Обследование помещения показало, что это передняя камера, а сама усыпальница помещалась, вероятно, за замурованным проходом, скрытым позади черных статуй фараона. Несколько недель ушло на приведение в порядок и консервацию найденных памятников. И вот рабочие подошли к таинственному проходу. Картер и Карнарвон надеялись сразу же очутиться перед гробом того, кто царствовал три тысячи лет назад.

Когда с величайшими предосторожностями было пробито отверстие, на расстоянии одного метра был обнаружен громадный позолоченный ковчег. На стенах усыпальницы виднелись обычные египетские погребальные сцены. В восточной стене имелась дверь, закрытая на засов. После того как была открыта и она, перед глазами исследователей появился нетронутый саркофаг, в котором лежали останки фараона.

Внутренний саркофаг был вскрыт лишь в 1923 году. Лорд Карнарвон чувствовал себя уже предельно измученным. К тому же его укусила ядовитая муха, а загрязненная ранка не заживала. Жена и дочь делали все

возможное, чтобы его спасти, но тщетно. Ведь тогда не знали ни пенициллина, ни стрептомицина. После трех недель страданий лорд Карнарвон почувствовал приближение смерти.

— Я услышал призыв и готов к нему, — сказал он на смертном одре.

Он скончался 6 апреля, через семь недель после своего замечательного открытия.

Рассказ о Карнарвоне вызывает у всех нас волну воспоминаний и размышлений. На память приходят распространенные в двадцатых годах легенды о смельчаках, которые археологическими раскопками оскверняли царские гробницы Египта и один за другим погибали от неизвестных болезней. Кто знает, не было ли известно древнеегипетским жрецам действие урана и не воздвигали ли они гробницы фараонов вблизи радиоактивных песков, излучение которых действовало смертоносным образом?

Несмотря на многолетние поиски, сколько еще тайн кроет в себе история древнего Египта! Кто может нам сказать теперь, что находится хотя бы в этих влажных песках на дне нашего раскопа?

Но уже пора идти. Приближается час ужина. Профессору Михаловскому предстоит еще вместе с магистром Анджеевским составить ежедневный рапорт о раскопках и записать его в так называемый *journal de fouilles*¹.

Мы встаем с циновки, сердечно пожимаем руки нашим темнолицым друзьям и, сопровождаемые низкими поклонами, покидаем палатку раиса.

Надо будет еще побеседовать с ним об археологии.

¹ Журнал раскопок (франц.).

ГАНЕШ

Journal de fouilles — самый важный документ наших археологов. В нем находит отражение любое событие, происшедшее на территории работ нашей экспедиции, притом вовсе не обязательно относящееся к области археологических поисков. В журнале отмечают посетителей лагеря, визит к мамуру (начальнику полиции) или обнаружение в раскопе скорпиона. Все это позволит археологам увязать с конкретным днем то или иное открытие.

Journal de fouilles — владение магистра Анджеевского. Обычно перед самым ужином он удаляется вместе с профессором в мастерскую мохандыса и там записывает события всего дня. В это время пани Ева и пани Бася копаются среди запыленных сокровищ своего склада, а пан Генрик священнодействует в фотолаборатории.

Почти ежедневно просматриваю записи в journal de fouilles и, согласно их данным, восполняю свои собственные заметки. Вот одна из записей:

«При разборке стены, подмытой водой, в нижнем слое кирпича найден скарабей с надписью wd't nfr. Среди кирпичей фрагменты позднеегипетской или птолемеевской керамики. Аналогичные фрагменты керамики и на платформе (в слое песка находки не встречаются). Выборочный зондаж тростником указывает на полуметровую прослойку песка, дальше следует твердая почва: вероятно, еще одна платформа из кирпича.

Калиновская на коме с аптечкой — на случай появления змей.

Утром визит американского геолога Уэллера. После обеда приключение Баси с коброй на стене».

Магистр Барбара Рушчиц, высокая рослая блондинка, постриженная под мальчика, — весьма сдержанная и солидная особа. Я никогда не видела ее возбужденной. Притом она отличается завидным здоровьем и почти никогда не устает.

Когда гонимые ужасающим зноем мы все убегаем с кома, она, непреклонная, как статуя фараона, торчит на раскопе и ругается с рабочими, особенно с маленьким Азисом Рамаданом, из-за каждой горсти выбранной из раскопа земли. А что, если там находится бусина из ожерелья какой-нибудь египетской красотки двухтысячелетней давности или бесценный фрагмент глиняной миски, найденной несколько дней назад!

— Что бы вы сделали, если бы случайно наступили в раскопе на кобру или скорпиона? — спросила я ее как-то. — Вы бы закричали?

— У меня нет этой привычки, — ответила она холодно.

— Удивительно! Я кричала бы, словно меня режут.

— Зачем? Ведь у нас есть сыворотка.

— Все равно... Быть может, я бы орала, требуя сыворотку.

Пани Барбара невозмутима.

— По-видимому, вы не видели, как египтяне ловят в нашем раскопе змей веткой и выдавливают у них яд из зубов или как убивают палкой скорпионов.

— Нет, видела, но ведь они тоже кричали во все горло.

— Они орут из-за каждой мелочи, такой уж у них темперамент. Я — нет!

В лагере существует обычай, в соответствии с которым дежурный после окончания намеченных на этот день работ обходит с Генриком Романовским ком и намечает объекты для фотографирования. Сегодня дежурит пани Бася. Так как с самого утра лагерь посещали гости, сначала американский геолог мистер Уэллер, затем атташе нашего посольства и, наконец, представители общественности Бенхи, пригласившие нас на выставку школьных работ, — магистр Рушчиц отправилась с нашим фотографом на ком лишь под вечер. На поля ложилась уже фиолетовые тени, а на берега Нила спустился густой, белый туман.

— Я сделал несколько снимков, — рассказывал нам позже Романовский. — Затем мы направились с пани Басей вдоль недавно откопанного фрагмента ступенчатой стены. Вдруг пани Басе показалось, что она видит на стене обломок керамики.

— Подождите, я посмотрю, что это такое, — сказала она.

Я видел, как она шла по стене, потом нагнулась и подняла какой-то камень величиной примерно с мой кулак. И в этот момент послышался ее изменившийся голос:

— Пан Генрик, пан Генрик...

Я помчался к ней.

— Ганеш, о, ганеш... вот там!

Она была бела, как бумага. Из углубления поднималось свернутое, как пружина, скользкое тело кобры. Мы замерли.

Змея поднялась, повернулась и проскользнула по стене у самых ног пани Баси вниз, в раскоп.

В самом центре раскопа уже давно стоял Азис Рамадан. Все это произошло так мгновенно, что я не успел ему даже крикнуть, — рассказывал нам взволнованный фотограф. — Но в этом не было необходимости. Азис схватил кирпич и разможил голову змеи. Затем он улыбнулся нам и, вынув из кармана нож, ловко снял кожу с мертвого гада. «Большой ганеш очень большой, очень красивый», — сказал он при этом.

Мы смотрели на него как окаменелые. Когда наконец мы пришли в себя, Азис уже уходил, шлепая туфлями.

Это событие взволновало всех нас и заставило усилить состояние «противоземной» обороны в лагере. Больше всех был потрясен профессор.

— Теперь наступает самая жаркая пора, — сказал он. — У нас будет все больше таких случаев. Один комплект сыворотки должен находиться постоянно на коме, а другой — тут, в лагере. И на видном месте! Прямо под рукой!

— Ну хорошо, господин профессор, а что будет, если кобра влезет к кому-нибудь ночью в кровать и ужалит его там? — флегматично спрашивает мохандыс.

— Не думаю, чтобы нечто подобное могло произойти. Здесь никогда не было такого случая.

— Но такая возможность существует, — вмешивается магистр Анджеевский, — а ведь через пять минут после укуса змеи воля человека полностью парализуется, так что у жертвы нет даже сил закричать, и через десять минут наступает смерть!

— Хорошенькая перспектива!

— Разве я не говорил! Ваша предшественница, коллега по перу, была осторожнее. Она не решалась остаться у нас на ночь.

— Перестаньте! И зачем такие рассказы перед самым сном!

— Все же помните, что необходимо внимательно осмотреть перед сном всю палатку, а одежду вешать на цепочку у столбика... и никогда не оставлять обувь на земле.

— Сунешь рано утром ногу в ботинок, а оттуда, пожалуйста, выползает кобра и шшш... жалит тебя в пятку.

— Ну и сумасшедшие же вы!

После разговора, который на меня производит не особенно приятное впечатление, отправляюсь к Сенуси.

— Ну и ну... вот Азис отличился, а мисс Бася теперь убедилась, что встреча с ганешем вовсе не так уж приятна, — ворчит Сенуси. — Всегда говорю, что нужно быть осторожным.

Часто случается, что я, как и сегодня, просиживаю в кухоньке Сенуси до поздней ночи. У меня просто не хватает сил спастись от колдовского воздействия его таинственных жестов и прервать текущий потоком рассказ о его приключениях. Сенуси моет посуду, наводит порядок в палатке, готовит овощи на следующий день или чистит рыбу и непрерывно говорит, говорит...

Голос у него скрипучий и хриплый, но в том, что он говорит, заключена очаровывающая своей простотой истина. У Сенуси своя собственная философия — он приобрел в жизни столь большой опыт, что стремится передать его другим. Но только избранным... Абсолютно не понимаю, чем я заслужила такое внимание с его стороны. Быть может, Сенуси чувствует, что я очень впечатлительна и нервна, что мне, как и всем людям подобного склада, часто требуется моральная поддержка. Кроме того, так уж получилось, что я, журналистка, приехавшая из далекой Польши, и этот старый по-

вар, араб из африканской пустыни, почти одинаково смотрим на некоторые вещи.

Сенуси поучает меня, например, что надо делать, когда человек находится в опасности: нужно просто убедить самого себя, что не может произойти ничего плохого. Сенуси утверждает, что такая вера создает вокруг человека астральный круг, охраняющий его, как панцирь.

Я обычно действую примерно так же. Думаю, что рожденное подобным образом чувство безопасности создает в человеке состояние внутреннего спокойствия и тем самым дает ему возможность подумать, как можно легче всего избежать опасности. Боже мой, разве не так я поступала на протяжении долгих пяти лет войны и двадцати шести дней Варшавского восстания? Рассказываю об этом Сенуси, но, случайно взглянув на часы, вижу, что уже полночь. Нужно немедленно идти спать тем более что завтра с раннего утра мне предстоит дежурство на коме, а потом поездка в Каир.

У Сенуси руки вымазаны в рыбьей крови. Рыба разделана только наполовину, а ведь ее еще нужно солить... Все же он вытирает руки и проверяет, хорошо ли действует мой фонарик. Он напоминает мне также о вбитых около палаток колышках, о которые я вечно спотыкаюсь.

— И прошу, мистрис, не забудьте осмотреть всю палатку перед сном, — напоминает он. — Поднимите плед так, как я вас учил. Берите двумя пальцами сверху, никогда снизу. И ботинки вешайте высоко на столбик. Москитов, вероятно, не будет; я видел, как мистер Романовский посыпал флитом вашу палатку. А может быть, проводить вас?

— Нет, спасибо, Сенуси; пойду сама. Спокойной ночи, дорогой друг.

В лагере полная тишина. Палатки зашнурованы, следовательно, их обитатели спят. В каменном домике, в мастерской мохандыса и в комнате супругов Михаловских, которые часто работают до поздней ночи, уже погасли огни. Над нашим лагерем простирается ясная, чистая ночь. Сажусь у входа в палатку, так как чувствую, что сегодня мне скоро не заснуть. Смотрю на звезды. Прямо надо мной Южный Крест, значит, север в

противоположном направлении... Север и Польша. Сколько же километров отсюда до Варшавы?

Под стеной нашего домика что-то шевельнулось.

Это египетские участники нашей экспедиции, привлеченные очарованием ночи, легли спать на циновках под открытым небом. Но и они не спят... Беседуют гортанным шепотом. Их сигареты выглядят в ночной тьме как прыгающие красные огоньки. Присаживаюсь на несколько минут к Мехади, который пришел сюда из палатки отца, чтобы покурить с приятелями. Естественно, разговор переходит на случай с коброй.

— Обратили ли вы внимание, — спрашивает он меня, глубоко затягиваясь дымом сигареты «Честерфильд», которой я его угостила, — что корона фараонов объединенного Египта украшена двумя знаками?

— Да... коршун и кобра.

— А знаете почему? Это символы Верхнего и Нижнего Египта. Коршун — горная птица, в Верхнем Египте есть горы. А в том, что кобра правильно символизирует Нижний Египет, вы, вероятно, имели достаточно возможности убедиться здесь, в лагере.

Мехади — джентльмен до мозга костей. Выкурив сигарету, он провожает меня с фонариком до палатки и почтительно желает приятных снов.

Моя палатка слегка колышется от дуновения холодного ветра. Наша экспедиция не привезла с собой собственных палаток, а арендовала их у местных властей. Изнутри они напоминают легендарные шатры арабских военачальников, так как потолок и стены покрыты цветными аппликациями — арабесками. Посредине палатка подпирается толстым столбом. С него свисают цепочки, к которым я прицепляю мои свитеры и куртку.

Хотя день был знойным, ночь пронизывает холодом. Москиты, обитатели болот Дельты, тихонько звенят за стенками палатки, но, несмотря на свет, не влетают внутрь. Боятся флита. Спасибо Генрику, он позаботился о моем сне.

Где-то жутко замыкал кот, прочирикала пролетающая птичка и захлопал на ветру флаг, висящий на высокой мачте. Вокруг нас на полях цикады исполняют свою звучную симфонию.

Огонь свечи дрожит, и по колеблющимся от ветра

стенкам палатки плывут тени. Мне все время кажется, что я слышу какой-то шелест. Вынимаю фонарик и вожу им по плотно утрамбованному полу. Ничего нет. Если где-нибудь могут быть змеи, то, вероятнее всего, в окружающих мою палатку полях пшеницы.

Вот черт! Москиты все же преодолели свое отвращение к флиту. Один только что укусил меня над глазом; очевидно, его привлек свет свечи. И все же мне не хочется ее тушить.

А что если кобра в самом деле находится у меня в кровати или где-то здесь обитает скорпион и теперь незаметно ползет ко мне по веревкам палатки?

Глупая бабская фантазия работает. Надо решительно взять себя в руки, надеть теплую пижаму и забраться под плед. Уже давно за полночь, а ведь завтра в семь часов утра мне идти на дежурство с магистром Анджеевским.

Будь что будет! Иду спать!

Следующую ночь я провела в Каире. Когда я утром вернулась в Телль Атриб, магистр Анджеевский показал мне свежесодранную кожу ядовитой змеи. Это был прекрасный экземпляр, толщиной и длиной примерно с руку десятилетнего ребенка.

— Вам повезло, — сказал он. — Мы убили ее сегодня утром рядом с вашей палаткой. Вероятно, она в ней ночевала.

О ЕГИПЕТСКОЙ ДАМЕ ПО ИМЕНИ АНХРЕН

Journal de fouilles от 21 марта содержит следующую запись: «Раскопки, которые ведутся перпендикулярно стене в западном направлении, с тем чтобы найти западную стену постройки, до сих пор не дали результатов. Зато в раскопе на глубине около одного метра найдена большая каменная ступа. Вблизи нее двойной бассейн из известняка. В той же части раскопа, несколько севернее, найден фрагмент молельни из зеленого фаянса с иероглифами и три осколка фаянса в форме цветка лотоса.

В расширяющейся в этом месте части раскопа, на глубине около полуметра, обнаружены два фрагмента металлического сосуда (вероятно, серебро).

В толще стены, с западной ее стороны, на глубине 1,3 метра от нижнего слоя кирпича, найдена надгробная стела женщины по имени Анхрен, из известняка, неповрежденная. Вблизи стелы обнаружены шарик ляпис-лазури и серебряный зубчик ожерелья.

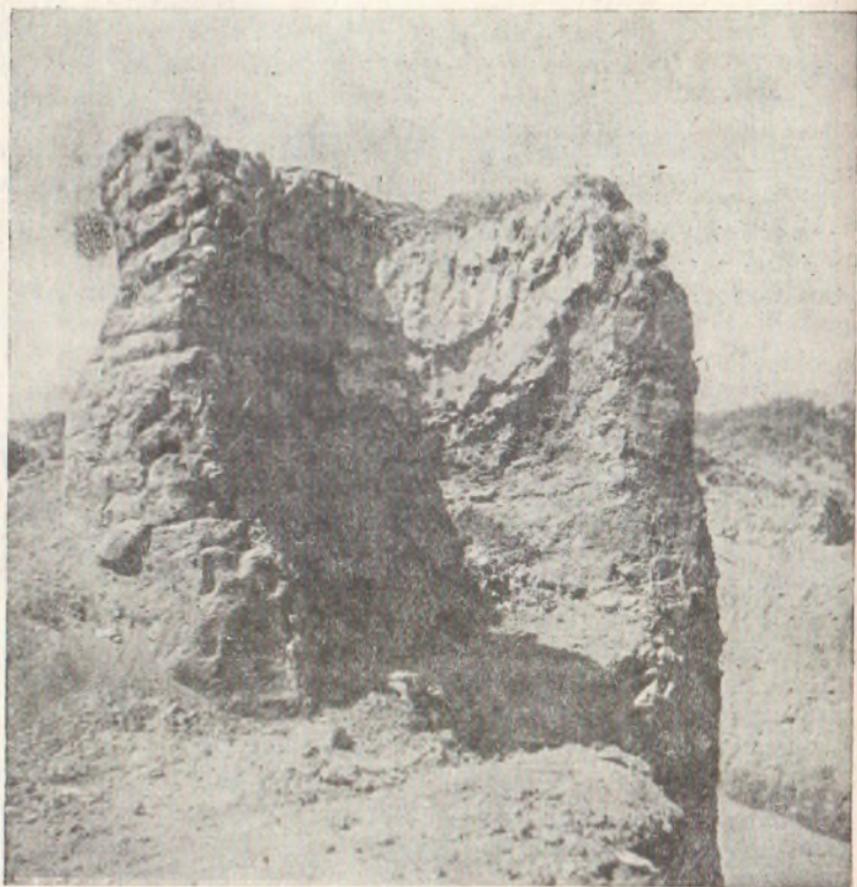
В полдень наши раскопки посетил директор Музея древностей в Каире доктор Аббас Баюми, выразивший удовлетворение организацией работ.

Произведен обмен денег для оплаты рабочих на завтра. Скандал — раис, Мехади и сторож. Вечером посещение мамура».

Да, это был воистину богатый событиями день. Сначала, перед самым завтраком нас посетила весьма почтенная личность: доктор Аббас Баюми. Доктор Баюми стоит на самой вершине египетской археологи-

Остатки колонн, обнаруженные в Тель Атрибе

*Внутренняя часть печи для обжига извести и кирпича,
найденной во время раскопок*

ческой иерархии. Кроме того, он близко знаком с профессором Михаловским.

Все вместе садимся за завтрак, а затем оба ученых подробно обсуждают состояние раскопок. Доктор Баюми в сопровождении нашего профессора заглядывает чуть ли не в каждый уголок лагеря и в каждую расщелину раскопа. Очевидно, его интересуют не столько результаты раскопок, которые ведутся польской археологической экспедицией, сколько методы работы и их организация.

Аббас Баюми восхищается тем, что мы систематически ведем тройную документацию всех находок; восхищается акварельными эскизами найденной керамики, которые делает Кристина Михаловская, отличными планами и реконструкциями архитектурных памятников мохандыса, обстоятельной инвентаризацией пани Баси Рушчиц и пани Евы Калиновской. Уезжая, он спрашивает профессора, не будет ли тот возражать, если он придет в наш лагерь на практику кого-нибудь из молодых египетских археологов.

— Пожалуйста, пусть приезжают, пусть учатся. Ждем, — отвечает ему профессор Михаловский.

В Египте много молодежи, которая стремится изучить археологию. Но, как узнаю позже от профессора Михаловского, самостоятельный опыт египтян в области археологических раскопок довольно скуден.

Печальный парадокс. На протяжении нескольких десятков лет на территории Египта были совершены важнейшие, сделавшие эпоху открытия в области его истории, а между тем египтяне не могли принимать в них участия. Правда, иностранные экспедиции уже лишились возможности безнаказанно вывозить свою археологическую добычу из Египта, но зато они тщательно скрывали свои методы и опыт. Теперь египетская археология интенсивно восполняет потери этих лет, обогащает свой опыт и ищет новые пути. Вот почему египтяне так высоко ценят дружбу и сотрудничество с польской экспедицией.

Не успели мы проводить доктора Баюми, как новое событие нарушило размеренный ход нашей повседневной жизни. На раскопе неожиданно начался ужасный скандал.

Если два египтянина покупают что-нибудь друг у друга или беседуют о политике, нам, европейцам, кажется, что происходит ожесточенная ссора и что через минуту начнется ужасная драка. А что же сказать, когда дело действительно доходит до ссоры?

Раис, как любой властелин, не переносит ничьих возражений и особенно отказа выполнить его повеление. Мало того, что «глупый Махмуд», сторож нашего участка, куда-то исчез с самого утра; он к тому же осмелился еще что-то возразить раису. Быть может, все кончилось бы криком, если бы Мехади не вступился неосторожно за сторожа, после чего раис пришел в ярость.

Что случилось и кто был прав,—мы никогда не узнали, так как никто из нас, даже профессор, не владеет настолько арабским языком, чтобы разобраться в этом горячем обмене мнениями, а второй сын раиса, Насер, видя сгущающиеся тучи, незаметно скрылся в палатке Сенуси. Не знаю, что было дальше, так как я с неприятным осадком на душе поспешила из раскопа в лагерь.

Не прошло и получаса, как вдруг в мою палатку ворвался взмыленный Саад, настойчивыми жестами требуя, чтобы я немедленно вернулась на раскоп.

— Какого черта? Снова визит? А может, скандал?

Но на сей раз произошло нечто совсем иное. Впервые мы встретились с очаровательной дамой двухтысячелетнего возраста — египтянкой по имени Анхрен.

Когда я спустилась в глубь раскопа, здесь уже были в полном составе наши археологи. Они тесным кольцом окружили плоский четырехугольный камень, найденный только что в свежераскопанном углублении, под хорошо заметными очертаниями стены.

Магистр Анджеевский, став вместе с профессором на колени, очень осторожно обследует поверхность камня. На ней вырисовываются какие-то рельефы, изображающие несколько человеческих фигур.

— Ну что же. Перед нами типичная надгробная стела,—неожиданно бросает профессор.

— Одну минуту... сейчас попытаюсь прочесть надпись... Анхрен... Очевидно, это имя дамы, погребенной под стелой,—добавляет магистр Анджеевский.

Анхрен — дама из Атрибиса, чей облик постепенно появляется из-под слоя пыли, изумительно стройна и грациозна. Узкие бедра и широкие прямые плечи напоминают спортсменку XX века, но тонкие, выгнутые, как извивающиеся змеи, руки, продолговатые глаза и широкая прическа делают Анхрен похожей на ее сестер с древнеегипетских фресок и барельефов.

У Анхрен маленькие груди, наполовину прикрытые платьем, которое тесно облегает тело и открывает ноги несколько выше щиколоток. Против нее стоит мужчина, протягивающий к ней руку, как бы с мольбой. За ней — фигура стоящего на коленях мальчика.

Я видела много женских фигур различных эпох в музеях и гробницах Египта. Но ни одна из них не взволновала меня так, как Анхрен, женщина, которая здесь, недалеко от моей палатки, смеялась, страдала, любила, рожала детей, радовалась жизни и здесь же была похоронена. Как тронули меня осмотренные в тот же вечер во время инвентаризации маленький шарик из ляпис-лазури и зубчик серебряного ожерелья, которые Ева Калиновская нашла рядом с надгробной стелой Анхрен.

Возможно, она каждый день носила эти безделушки. А может быть, получила их от возлюбленного, который почтил ее память надгробной стелой, украшенной очертанием ее изящной фигуры.

В этот вечер я подстерегаю момент, когда пани Бася и пани Ева засядут у стола, заваленного пыльными сокровищами, и будут проводить инвентаризацию. Они занимаются этим даже после самого утомительного дня. Профессор придает большое значение этой части работ нашей экспедиции.

Наступил вечер. От берегов Нила тянет влажной прохладой. За окнами каменного домика, где концентрируется вся наша научная работа, в бархатной тьме звучит целый оркестр цикад. В этот час все собираются именно здесь.

Профессор с магистром Анджеевским и раисом подводят итоги дня, проверяют, сколько сегодня работало египтян, и готовят на следующий день ведомость заработной платы.

Кристина Михаловская вместе с Сенуси и Насером принимают последние кулинарные решения, результаты которых мы сможем оценить в ближайшем будущем. Тем временем не один из нас потягивает носом, чтобы по долетающим из кухни запахам определить, что будет на обед.

Пани Бася и пани Ева проводят инвентаризацию на складе. Сижу рядом с ними и присматриваюсь к серым от пыли обломкам, которые говорят так много двум молодым специалистам и абсолютно непонятны мне.

Ева вертит в руках маленький шарик из ляпислазури, а перед Басей лежит серебряный (в данный момент совсем зелено-коричневый) зубчик ожерелья.

— Анхрен... Ужасно хочется о ней что-нибудь узнать. Чем она интересовалась, что здесь делала? Как жила в Атрибисе? Расскажите мне, пожалуйста, об этом,— улучаю я момент для просьбы.

Бася Рушциц говорит мало и, как правило, неохотно, зато Ева Калиновская любит плутовски подтрунивать над своим собеседником. Но если перейти на археологию, то они могут рассказывать часами.

Ева смотрит теперь на меня насмешливо прищуренными глазами.

— Как жила Анхрен? Вероятно, как тысячи других состоятельных египетских дам. Это значит, очень удобно и приятно. Женщина в древнем Египте пользовалась совершенно исключительными правами и привилегиями.

— Вероятно, прежде всего благодаря своей материальной независимости,— добавляет Бася, записывая одновременно что-то на листе бумаги, которую она укладывает на дно коробки под несколькими осколками каких-то украшений из фаянса.

— В одном из египетских папирусов имеется следующая характеристика египетских дам: «Они были очень приятными собеседницами, говорили интересно, прекрасно выражали свои мысли как устно, так и письменно. Все, что выходило из их уст, было речью богини Правды. Настоящая дама, повсеместно почитаемая в своем городе, подавала всем руку, благосклонно беседовала с любым человеком, говоря только то, что

доставляло другим удовольствие, и никогда не делая неприятного никому. Поэтому все их любили».

Дальше рассказ продолжает Бася:

— Сцены повседневной жизни, сохранившиеся на рельефах и рисунках в гробницах, показывают, что египетская дама сопровождала супруга при объезде и осмотре имения, наблюдала за трудом ремесленников, присутствовала при составлении счетов по дому. Вне дома она часто присматривала за жнецами. Женщина принимала также вместе с детьми участие в гимнастических упражнениях мужа на открытом воздухе. В Британском музее в Лондоне имеется, например, фреска периода Среднего царства, на которой мужчине, охотящемуся на диких зверей в пустыне, сопутствуют жена и маленькая дочка.

Однако в светских отношениях господствовали иные нравы. До XVIII династии в Египте были неизвестны приемы, в которых бы одновременно участвовали и женщины и мужчины.

Гости, только мужчины, усаживались в кресла вокруг столов; их обслуживали молодые девушки, которые подавали им освежающие напитки, одевали им на шею гирлянды цветов, поливали их благовониями.

— Но Бася стыдится сказать,— вмешивается Ева Калиновская,— что девушки были обнаженные.

Бася не дает сбить себя с темы:

— XVIII династия — это эпоха чрезмерной чувственности и шумных пиров во дворцах вельмож. Участникам таких пиршеств — трудно этому удивляться — доставляло наслаждение смотреть на обнаженные стройные фигуры прислуживавших им молодых девушек.

Танцовщицы и музыкантши во время выступлений часто носили совсем прозрачные одежды, под которыми отчетливо рисовались контуры тела.

— Ну хорошо, вы говорите о приемах и пирах мужчин. А разве женщины никогда не развлекались?

— Да, в тот же самый период XVIII династии, о котором я говорю, устраивались приемы и для женщин. Они садились во время приемов прямо на землю и беседовали запросто со своей женской прислугой. Слушали музыку и смотрели на танцы...

— Молодых и красивых парней, — вмешивается мо-хандыс.

— Могло быть и так, — отвечает хладнокровно Бася. — В состав египетских капелл часто входили мужчины, но преимущественно слепые. Были ли мужчины танцорами, неизвестно. Во всяком случае они принимали участие в ритуальных похоронных танцах.

Слыша эти слова, я вспоминаю, что видела в Музее древностей в Каире много женских нарядов на рисунках и барельефах. Египетские женщины тоже подчинялись моде, хотя она менялась медленнее, чем наша, — каждые несколько сот лет.

В период Древнего и Среднего царств женский наряд ограничивался узеньким, плотно прилегающим к телу платьем, держащимся на одной или двух бретельках. Платье доходило до щиколоток. Так одевались дамы. Служанки и крестьянки носили льняные грубые платья, нечто вроде рубахи с круглым вырезом.

Только в период Нового царства, как об этом свидетельствуют рисунки в гробницах из Фив, женщины носили длинные свободные платья, прикрывавшие левое плечо. На рисунках и рельефах этого периода появляется также свободный, доходящий до пят плащ с бахромой по краям. Его застегивали под грудью.

В эпоху XIX династии все чаще появляется одежда с плиссировкой, украшенная бахромой. Платье туго облегает фигуру, что свидетельствует о высоком мастерстве древнеегипетских портных.

Беседа теперь с Басей, вспоминаю эти плиссе трех-четырёхтысячелетней давности.

— На барельефах периода Нового царства, — говорит Бася, — на женских и даже мужских одеждах часто встречается плиссе. Оно обычно украшает нижнюю часть женского платья, а в одежде мужчин составляет как бы маленький фартук...

— Да что тут говорить о плиссе! Видели ли вы в одной из витрин Каирского музея мелки для бровей и губные помады царицы Нефертити? Уже тысячелетия назад бабы мазались как только могли! — кричит Генрик из своей темницы.

— Все это для вас, для вас, мои дорогие, — издается Ева.

Я продолжаю свои расспросы.

— Пани Бася, вы говорили о танцовщицах и служанках, а чем еще в древнем Египте могли заниматься женщины?

— Египетским женщинам были, собственно говоря, доступны только четыре профессии: жрицы, повивальной бабки, танцовщицы и плакальщицы.

Жрицы начинали подготовку к своей профессии с ранней юности, учась исполнять ритуальные танцы и обрядовые песни. Повивальной бабкой могла стать женщина средних лет. Она пользовалась всеобщим уважением, ибо египтяне верили, что способности дарованы ей добрыми богами. С современной точки зрения, повивальные бабки в Египте обладали невысокой квалификацией, так как — об этом свидетельствуют археологические исследования — в древнем Египте была очень высокая смертность и среди новорожденных, и среди рожениц.

Плакальщицы также готовились к своей профессии с ранней молодости. Сначала они проходили нечто вроде практики под руководством опытных старух. Лишь после этого они могли самостоятельно заниматься своей профессией — достойным образом украшать погребальные обряды причитаниями и плачем. Чем больше плакальщиц сопровождало покойного, тем более торжественный характер принимал обряд. В изобразительном искусстве их всегда показывали в волочащихся, скрывающих все тело одеждах.

Во время рассказа Баси у меня перед глазами опять появляется сцена, которую я видела у стен госпиталя в Каире. Как долговечны традиции Египта, как крепко они укоренились в умах и сердцах и как незаметно они проникают в современную жизнь страны.

После ужина вся наша группа нанесла визит мамуру в Бенхе. Во время очень гостеприимного приема мы познакомились с его женой, дочерьми и кузинами. Эти очень милые, мягкие, полненькие дамы и девицы ничем не напоминали мне стройную и изящную Анхрен. А может быть, я себе ее только вообразила в перспективе тысячелетий? Быть может, и она выглядела по-иному...

СРЕДИ ДРУЗЕЙ MADAM CRISTIANA

Это было, кажется, на третий или четвертый день моего пребывания в лагере наших археологов. Воспользовавшись отсутствием супругов Михаловских, которые уехали на несколько часов в Каир, я сидела в их комнатухе, приводя в порядок записи и фотографии. В комнате было тихо и прохладно, поэтому работа у меня спорилась. Вдруг кто-то постучал в дверь. Рассердившись на непрошеное вторжение, я громко бросила: «Войдите!»

Оглянувшись, я увидела у входа очень смущенного красивого египетского мальчика в хорошо сшитом европейском костюме. В руке он держал маленький сверток, старательно обернутый в промокательную бумагу и перевязанный розовой ленточкой.

— Мадам Кристиана есть? Нет? А может, вообще ее нет? — он никак не мог выкарабкаться из английской фразы, по-видимому, стесняясь чужого человека. — Я к мадам Кристиане по очень важному делу.

Я поняла, что это, должно быть, один из многих друзей Михаловских и всей нашей экспедиции, о которых я уже слышала. Они посещали наш лагерь, привлеченные любезностью профессора и обаянием Кристины Михаловской.

— К сожалению, ее нет, она уехала с мужем в Каир.

— Как жаль! Моя сестра и ее подруги прислали меня сюда с небольшим подарком и приглашением для нее. Но если она уехала, то...

— Пожалуйста, не огорчайтесь! Она, вероятно, вернется сегодня вечером.

— Это было бы превосходно! Сестра и ее подруги

будут очень сожалеть, если она не получит этого приглашения.

— О каком приглашении идет речь? Я охотно ей передам. Но ведь до сих пор я, собственно говоря, не знаю, в чем дело.

— Разумеется! Сейчас скажу. В школе, здесь рядом, завтра открывается выставка работ учениц. Будут демонстрироваться и приготовленные ими блюда. Все очень просят мадам Кристиану прийти. Вот для нее маленький подарок.

— Не сомневайтесь, все передам. А можно и мне туда прийти?

— Да. Сестра и ее подруги сердечно приглашают всех дам из польского лагеря. Пожалуйста, только не забудьте этот сверток, там шоколадки.

— Будьте спокойны: приглашение передам, а шоколадки будут вручены в полной сохранности.

Красный от смущения мальчик выходит, беспрестанно кланяясь, а я не могу выдержать и разворачиваю сверток. На картонке лежат посыпанные рубленым миндалем шоколадные помадки. Выглядят они очень привлекательно. Не хуже, чем от Веделя¹. Вечером после ужина Кристина Михаловская угощает нас ими, и мы подтверждаем, что они столь же вкусны.

Ученицы соседней женской школы принадлежат к числу самых горячих и первых в Бенхе друзей Кристины Михаловской.

Как только польские археологи разбили свои палатки напротив школьных окон, экспедиция стала привлекать внимание школы. Сначала из всех окон черные головки приглядывались к нашим археологам, а через несколько часов стали появляться, сначала в одиночку, а затем целыми группами, школьницы.

Узнав от Кристины Михаловской (они прежде всего преисполнились доверия к ней), что европейцы — это поляки, которые не имеют ничего общего ни с французами, ни с англичанами, ни с немцами, девочки начали проявлять к польским археологам все большую симпатию.

¹ Ведель — одно из самых известных польских кондитерских предприятий. — *Прим. перев.*

Сведения о Польше и поляках, полученные девочками в нашем лагере, скоро просочились к учительницам и родителям. Супругов Михаловских стали приглашать в школу, а через несколько дней начались бесконечные визиты к Кристине Михаловской. Вскоре она превратилась чуть ли не в почетного члена педагогического коллектива. Вслед за учительницами и матерями в нашем лагере появились и папаши, наиболее почтенные граждане Бенхи.

Как выяснилось позже, школа является здесь храмом науки для молодого поколения местного высшего общества. Итак, нам сразу же нанесли визиты местный мудир (нечто вроде мэра города), мамур, местный врач и инженер-агроном, несколько промышленников и крупных купцов Бенхи. Супруги Михаловские обязаны были отдать визиты всем этим лицам. Таким образом, с помощью своих молодых приятельниц из школы Кристина Михаловская приобрела новых знакомых, симпатизировавших польской экспедиции.

За четыре недели нашего пребывания в Телль Атрибе ни одно мало-мальски крупное торжество на территории местечка не обходилось без участия профессора и его супруги. Вот почему предполагаемое отсутствие Кристины Михаловской на открытии школьной выставки так обеспокоило ее организаторов.

На следующий день, рано утром, в лагере появилась большая делегация девочек, категорически требовавшая, чтобы обе мы как можно скорее пришли в школу. По всей Бенхе прошел уже слух, что я — представительница Польского радио из Варшавы.

Что было делать? Мы отказались от отдыха в полуденный зной и, несмотря на страшную жару, направились к нашим милым приятельницам.

Скрытое в большом саду импозантное школьное здание украшено колоннадой, широкой лестницей, тимпаном¹ в стиле классицизма и множеством барельефов. Здание это, вероятно, возбуждает в сердцах буржуазии Бенхи должное уважение, но противоречит элементарным требованиям хорошего вкуса.

¹ Тимпан — арка над дверьми, украшенная мозаикой и барельефом.

Однако внутри здание отличается исключительной чистотой и полностью соответствует нуждам школы. Как только я представилась директриссе — еще молодой, весьма полной даме, — мной завладели ученицы. Многие из них вместо школьной формы носили полотняные блузки, напоминающие рубашки наших скаутов, зеленые платочки на шее и береты пепельного цвета.

Одетая таким образом маленькая Фарида, красивая тринадцатилетняя девочка с длинными, как бы сделанными в парикмахерской ресницами, спросила меня вполне серьезно на чистом английском языке, знаю ли я, кто такой президент Насер, и известно ли мне все то, что он совершил для Египта. После того как я заверила ее, что это мне знакомо, она преисполнилась доверия и не отходила от меня уже до конца. Как оказалось. Фарида — член молодежной организации, участницы которой занимаются спортом, проходят военную подготовку и прежде всего готовятся наравне с мальчиками к будущей профессии.

Могу засвидетельствовать, что школа эта в самом деле разумно организована. Кроме обычных предметов, обязательных для средней школы, кроме гимнастики и разных видов спорта, девушки учатся здесь всему, что может пригодиться им в семейной жизни. Выставка свидетельствует об успехах учениц именно в этой области.

Мы осматриваем хорошо скроенное и тщательно сшитое белье, готовое платье, разумеется, европейское, красивые вязаные изделия из мягкой египетской шерсти, наконец, блюда, консервы, печенье и всякие лакомства, приготовленные самими девочками. Все это нам очень понравилось.

В конце концов мы добираемся до боковой комнаты, где ученицы с величайшей гордостью демонстрируют нам образцы своих художественных талантов.

Мы с Кристиной Михаловской в отчаянии смотрим сначала на витрину, а затем друг на друга. Ужасающие мещанские подставки и настенные коврики, какие-то неимоверно перегруженные, безвкусные кружева, аппликации и вышивки, банальные абажуры и лампы. Все это было бы еще ничего, если бы нам не показали картин — отвратительную мазню масляными красками,

с солнцем, похожим на помидор, желтой пустыней, смахивающей на яичницу, и ватными верблюдами.

Как трудно примирить то, что мы здесь видим, с сочными красками килимов из школы профессора Висса Вассафа или с благородными формами шероховатой керамики, вырабатываемой столетиями в гончарных мастерских Старого Каира. Не могу удержаться от того, чтобы не поделиться своими мыслями с одной из молодых учительниц, которая, как кажется, меньше других восхищается всем этим. Но и она с удивлением смотрит на меня кроткими глазами газели и с тревогой спрашивает:

— Значит, наша выставка вам не нравится?

Долго объясняю ей, в чем дело, но из всех моих аргументов она понимает лишь немного. Мало того, она горячо заверяет меня, что родители учениц охотно украшают этими рисунками свои квартиры и полностью удовлетворены способностями своих дочерей.

Мне не пришлось долго ожидать подтверждения ее слов. В комнату входит несколько мамаш. Полные, раздавленные женщины неопределенного возраста одеты модно и богато. Даже слишком богато! Мне кажется, что они так разоделись специально для встречи с нами. На обеих руках золотые браслеты, множество брошек, пряжек... В ушах, разумеется, клипсы с настоящими бриллиантами и другими драгоценными камнями. Модные широкие юбки шелестят на твердых нижних юбках, а ноги, как тумбы, вколочены в ажурные туфельки на шпильках.

Таких дам мне часто приходилось встречать в общественных садах Каира. Они торжественно и гордо шествовали рядом с толстыми мужьями. За ними, в нескольких шагах, всегда шла маленькая худенькая девочка в выцветшем платице, неся на тощих ручонках откормленного балбеса — отпрыска этой пары. Позже я узнала, что такие малолетние няньки, которых называют фатимами, воспитывают детей в сотнях мецчанских семей Египта. И это никого не возмущает в среде, безразличной ко всему, что может нарушить ее сытое спокойствие!

Вспоминаю, как однажды вечером, потрясенная видом бездомных, спящих на одной из улиц Каира, я

сказала об этом элегантной даме, жене известного инженера. Она пожала плечами, засмеялась и, пригласив меня в свою прекрасную машину, сказала:

— Напрасно вы расстраиваетесь, эти люди не смогли бы даже жить по-иному. Это — бродяги. Они это любят.

Мамаши учениц, вероятно, жены видных чиновников и богатых промышленников Бенхи, крикливо выражают свое восхищение «ландшафтами». Учительница с глазами газели многозначительно смотрит на меня. Взгляд ее явно говорит:

— Вот видишь! Я была права!

Ну что ж. Ничего не поделаешь. В Бенхе, в Клошмерле или в Пултуске¹, на экваторе или у полюса — обывательщина всюду представляет собой одинаковое несчастье для искусства.

¹ Пултуск — небольшой город в Польше, севернее Варшавы, олицетворение мещанской провинции. — *Прим. перев.*

КАФР АС-СЕРАЙЯ, ДЕРЕВУШКА НАД НИЛОМ

Прошло уже почти три недели с тех пор, как над полями Телль Атриба впервые стал развеяться польский флаг, поднятый на высокой мачте среди палаток. Несмотря на это, лагерь польских археологов все еще является сенсацией для всей округи.

Лагерь дает заработок, правда небольшой, но до сих пор почти невозможный в этих местах. Так, по крайней мере, считают жители соседних деревень, которые часто заходят к нам, чтобы предложить свои услуги или выручить немного денег за продукты своих убогих хозяйств. Иногда это несколько яиц или пучок каких-нибудь трав, якобы обладающих целительными свойствами, иногда просто кувшин свежей, холодной воды. Приходят к нам часто и дети.

В первый же день я познакомилась с Зенобией и Исмаилом. Зенобии, пожалуй, лет тринадцать, Исмаилу — не больше восьми. Зенобия постоянно ходит в длинном до пят платье из набивного ситца с большими голубыми цветами. Голову она укутывает черной шалью, как взрослая женщина. Несмотря на кокетливый взгляд и женственную улыбку, Зенобия все еще ребенок. У нее по-детски вымазанное грязью лицо, руки и босые ноги. Одетый в длинную полосатую галабию Исмаил всегда крепко держится за ее руку и, запрокидывая свою бритую голову, пялит на меня большие черные глаза.

В первый же день, увидев эту пару, я была столь неосторожна, что сфотографировала их обоих и дала

Зенобии два серебряных пиастра. С тех пор достаточно мне сделать шаг за границы нашего лагеря, чтобы встретить Зенобию и Исмаила, которые, завидев меня, выбегают из самых невозможных укрытий. Они просто подстерегают меня. Зенобия не просит милостыню, но жестами и улыбками дает мне понять, что готова позировать для меня вместе с братом и что за это я должна ее как-то вознаградить.

Насер, Мехади, Сенуси, даже маленький Саад поиному смотрят на все это. Как только они замечают осаждающую меня Зенобию или Исмаила, немедленно раздается громкий окрик:

— Халас, халас (хватит, хватит)!

Этот окрик вызывает столь же неожиданное исчезновение Зенобии и Исмаила, сколь внезапным было их появление. Члены нашего египетского отряда не переваривают попрошайничества своих соотечественников и явно стыдятся его.

Так же относятся к этому и наши ближайшие соседи — жители расположенной у самого берега деревушки Кафр ас-Серайя. Они считают нас своими людьми и часто по-соседски навещают лагерь. Делают они это с достоинством, торжественно, явно при этом подчеркивая, что приходят сюда только проведать нас.

Крестьяне одеты по-праздничному, в галабии из бледно-голубого и пепельного шелка. Уже с порога они начинают торжественно кланяться и чрезвычайно церемонно принимают из рук Кристины Михаловской угощение в виде чашечки крепкого турецкого кофе. Сенуси в такие моменты всегда ворчит. По-видимому, он полагает, что простые феллахи для нас не компания.

Иногда мне удается видеть жителей Кафр ас-Серайи в менее торжественной обстановке. Надел толстого Бакира, который навещает нас чаще, чем другие, расположен напротив моей палатки. Часто наблюдаю, как он идет пахать. По высохшей и потрескавшейся от зноя меже шествует Бакир, неся с большим достоинством свой толстый живот. Сыновья ведут за ним столь же толстого, заспанного осла, а в хвосте этого каравана семенит жена Бакира Лейла, сгибаясь под тяжестью деревянной сохи. Бакир явно считает, что не следует

переутомлять осла перед пахотой. А женщина — это иное дело!

У Бакира почти двести федданов¹ земли. Говорят, что он мог бы приобрести вторую жену, хотя от Лейлы у него уже три дочери.

А дочери в Кафр ас-Серайе — дорогое удовольствие. Счастливый, вернее несчастный, отец вынужден при рождении каждой из них дарить тестю и теще по корове.

— А если родится сын, как тогда? — спросила я однажды.

— Сын может сам на себя заработать, а дочь — в тягость семье, — слышу в ответ.

— Тогда зачем же дарить корову тестю, лучше сохранить ее в семье.

— Таков обычай.

Мой собеседник, феллах из Кафр ас-Серайи, умолкает.

На это возразить нечего. Любые сомнения уступают освященному традицией обычаю.

Например, в современном Египте допускаемое исламом многоженство — давно исчезающий предрассудок, однако в Кафр ас-Серайе никто его не считает неуместным. Наоборот, чем больше жен, тем богаче феллах.

В Кафр ас-Серайе больше всего земли у Бакира. Кроме того, он владеет двумя буйволами, ослом и целым стадом верблюдов, которые пасутся где-то далеко над Нилом. Вскоре он их продаст и тогда сможет взять себе вторую жену. Лейла даже слышать об этом не хочет, потому что она вот уже многие годы единолично управляет хозяйством. Мать двух старших мальчиков, первая жена Бакира, давно уже лежит на деревенском кладбище.

Лейла, по мнению соседей, — непослушная дочь ислама. Она делает все возможное, чтобы не дать Бакиру еще раз жениться и привести в дом другую женщину. Говорят, что она даже сознательно подрывает его благосостояние. До сих пор она отличалась трудолюбием и хозяйственностью, а теперь не желает работать на поле и не следит за домом. Все это создает почву для

¹ Феддан=0,4 гектара.

частых скандалов. Бакир считает, что женщина, согласно словам пророка, обязана делать самую черную работу.

Несмотря на свою тучность, он скор на руку, а Лейла тоже не принадлежит к числу смиренных женщин. Однако, когда из дома Бакиров слышатся вопли и звуки ударов, никого в деревне это особенно не волнует. Обычай требует, чтобы чужие не вмешивались в семейные конфликты.

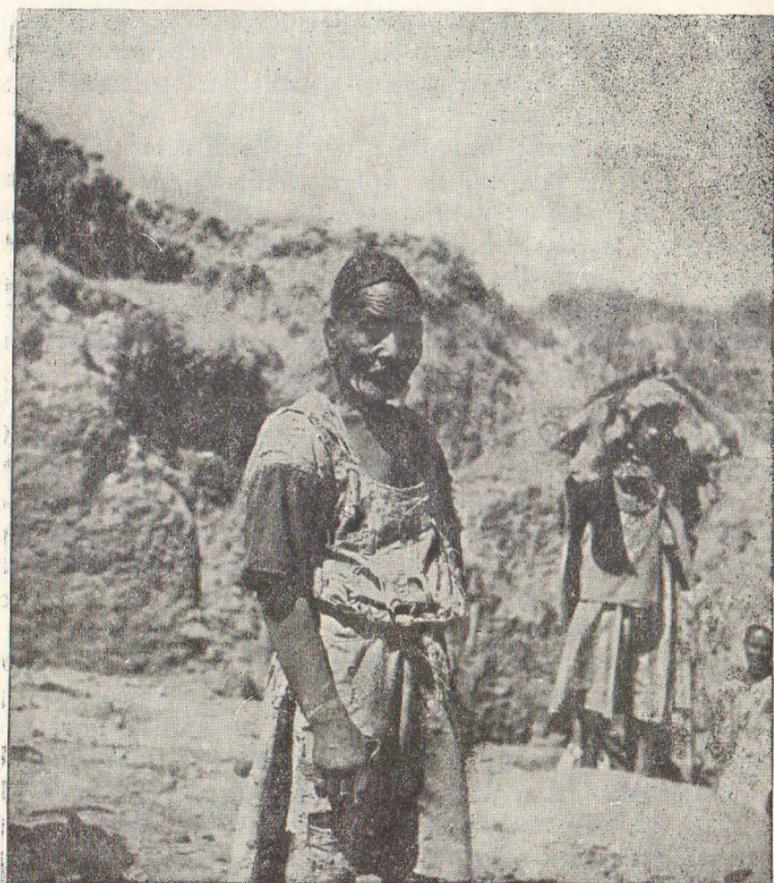
Другим нашим близким соседом является Абдель Азис, бедный феллах, который лишь недавно получил два гектара земли. Единственное его богатство — рыжий осел, жена Зейнаб и шесть малолетних детей. Зейнаб когда-то была красавицей. Ныне она высохла и потеряла свою красоту. К тому же она страдает плоскостопием. Ноги ее покрыты шрамами и желваками.

Однажды утром — это был день ярмарки — я наблюдала, как вся семья Азиса собирается в путь, вероятно, на ярмарку в Бенху. К дому подвели осла. Он был столь нагружен мешками, что даже присел. Однако после двух-трех пинков Азиса он возвратился в состояние равновесия, хотя его дополнительно навьючили еще громадной вязанкой фуража. Азис утрамбовал весь груз и обвязал его так, что на спине осла хватило места еще для двух младших членов семьи.

Итак, семья готова в путь. Один из старших мальчиков бьет осла по бокам, а Зейнаб тянет его за узду. Однако длинноухий уперся всеми четырьмя ногами и, склонив сонно морду к земле, оказывает пассивное сопротивление. Он и не думает двигаться.

Вдруг Азис нагибается и сильно кусает ослиный хвост. Слышится короткий ужасный рев, и всю семью закрывает густое облако пыли, поднятое копытами мчащегося осла.

После аграрной реформы 1952 года в Кафр ас-Серайе не осталось безземельных крестьян. Те из них, кто не получил землю, не сидят в деревне, а странствуют по всей округе в поисках работы. Если им повезет, они получают работу на несколько недель, преимущественно во время уборки хлопка, сбора винограда или — как теперь — жатвы. Тогда они разбивают свои кочевые

Старый Азис, один из египетских рабочих

Кирпичи, из которых были сложены римские стены в Атрибисе.

поселки вдоль дороги, ведущей в Бенху. Здесь я познакомилась с одной такой семьей.

Ежедневно утром нам приносит свежую холодную воду в глиняном кувшине Гамалат, мать шести детей. Это высокая, сильная и стройная женщина. Трудно определить ее возраст, так как у нее поблекшее морщинистое лицо.

Я не устаю любоваться гармоничными движениями ее бедер и длинной мускулистой шеей, когда она несет на голове имеющий форму античной амфоры глиняный сосуд, поддерживая его одной рукой для равновесия. За край длинной черной тархи Гамалат всегда держатся грязными ручонками двое ее маленьких детей.

Дети постарше работают вместе с отцом на уборке урожая. Гамалат носит под сердцем еще одного ребенка. Она часто бессознательно кладет типично по-матерински руку на выпуклый живот.

У мужа Гамалат нет ни земли, ни дома. Он — кочующий сельскохозяйственный рабочий; сейчас он работает на уборке пшеницы у владельца обширных полей под Бенхой. Вся семья, т. е. отец, мать, шесть детей и старая бабушка, прибыли сюда несколько недель назад из-под Танта.

Живут они, вернее гнездятся, как птицы, в корзинах, которые принесли с собой и поставили вдоль шоссе. Крышей им служит рваный брезент, растянутый на четырех шестах. Корзины они всегда носят с собой и благодаря этому имеют хоть какое-то убежище на ночь.

— Другие не имеют и таких корзин, — нехотя говорит Сенуси, — а все-таки живут.

Вечером, выходя погулять или отправляясь в лавочку выпить стакан кока-колы, мы проходим мимо семьи Гамалат, и из корзины, где спит полуслепая бабушка, доносится хриплое, но сердечное приветствие. Бабушка знает, что Гамалат ежедневно приносит из польского лагеря несколько пиастров.

Такой постоянный приработок имеет громадное значение в семейном бюджете, особенно если принять во внимание, что отец и два старших сына, худые высокие парни, приносят за день работы лишь по пять пиастров (около десяти польских золотых). Часто за-

думываюсь, на что и где они будут жить, когда настанет пора дождей.

Не только семья Гамалат питает к нам симпатию. Профессор ввел тут не знакомую до сих пор практику дружественного общения с местным населением и рабочими после окончания трудового дня. Они от всей души стараются отплатить за это. Приходя вечерами в лавочку у шоссе, ведущего в Бенху, мы встречаем здесь почти все население Кафр ас-Серайи. Крестьяне приветствуют нас, рассказывают новости, а молодежь специально для нас исполняет народные танцы.

Одна из девушек, Сикина, поет самую популярную в деревне народную песенку. В ее печальной, заунывной мелодии чувствуется безнадежность серой пустыни, тоска покрытых туманом полей над Нилом, а прежде всего боль такой, как Гамалат, матери, которой нечем накормить своих бездомных детей. Несмотря на аграрную реформу, в Египте имеются еще тысячи семейств, подобных семье Гамалат.

Восемьдесят процентов населения Египта — жители деревень. Именно с этого слоя населения, который веками страдал от нищеты и эпидемических болезней, начал свою социальную реформу новый Египет.

В соответствии с принятым в сентябре 1952 года (через два месяца после революции) законом об аграрной реформе максимальный размер земельной собственности был установлен в 200 федданов (около 80 гектаров). Поступившие в фонд реформы излишки земли могли покупаться проживающими в данной местности крестьянами в размере пяти федданов на семью с обязательством уплаты в течение тридцати лет.

До 1956 года было распределено 323 тысячи федданов земли. Из этого числа 261 тысячу федданов приобрели малоземельные крестьяне. Все же таким образом не была решена проблема безземельных и бездомных кочующих рабочих. Ведь их заработки столь ничтожны, что позволяют лишь не умереть с голоду. Они не в состоянии скопить деньги, чтобы в будущем купить себе землю.

Нищета, отсталость, массовая неграмотность — таково печальное наследие колониального владычества Великобритании. Разумеется, подавляющее большинство

неграмотных приходится на крестьянское население. Пашущие деревянной сохой Бакир и Абдель Азис — отнюдь не случайное явление. Таких Бакиров и Азисов во всем Египте, особенно в его южной части, — миллионы.

Борьба с темнотой и отсталостью крестьян, борьба за воду, за отвоевание у пустыни все новых и новых участков земли и переселение на эти участки безземельных — таковы основные задачи, провозглашенные в области внутренней политики свободным Египтом.

В апреле 1953 года на левом краю Дельты стала создаваться показательная сельскохозяйственная провинция, так называемая Провинция свободы. На севере она граничит с Нубийским каналом, на юге — с пустыней. В соответствии с проектом площадь этой провинции должна составлять 2200 тысяч федданов. В ней будет 428 деревень, каждая из которых займет площадь в 7400 федданов, в том числе 1150 федданов обрабатываемых земель. Остальная земля предназначена под жилые и хозяйственные постройки и зеленые насаждения. Каждая деревня рассчитана примерно на 1400 жителей, так как крестьянские семьи многодетны. В деревнях будет по 230 хозяйств, каждое из которых будет владеть пятью федданами земли.

Объединение из шести деревень должно иметь самоуправление. Общественные учреждения рассчитаны на обслуживание примерно десяти тысяч жителей (т. е. на одно объединение деревень). По проекту, в Провинции свободы будут построены начальные, средние и сельскохозяйственные школы, госпитали, амбулатории, эпидемиологические станции и опытные сельскохозяйственные и мелиоративные пункты. Каждая деревня должна быть снабжена находящимися в общем пользовании машинами: тракторами, жатками, молотилками, грузовиками и т. д.

Первые две деревни Провинции свободы, названные «Ум Сабер» и «Омар Хахине» (в память женщины и мужчины, убитых английскими солдатами в районе Суэцкого канала), производят необычайно приятное впечатление. Архитектура домиков — разных, но выдержанных в одном и том же стиле, — привлекает простотой и изяществом. Домик состоит из двух комнат,

кухни, ванной, прихожей и подвала, имеет водопровод и электричество. Стоимость постройки такого домика, как мне сообщили, составляет двести египетских фунтов (примерно, шестьдесят тысяч золотых).

Согласно проекту, десять процентов жителей Провинции свободы должны иметь университетское образование и десять процентов — профессиональное. Земледельцам с университетским образованием предоставлено право владеть хозяйством вдвое больших размеров (десять федданов). В проекте предусматривается, что остальные жители провинции, постоянно специализирующиеся в земледелии и животноводстве, смогут повышать свое образование благодаря постройке соответствующего числа начальных школ. Это будет большим достижением, ибо, хотя начальное образование обязательно в Египте, на практике все выглядит несколько иначе. В самых отсталых местностях, где очень много бедняков и в деревне, и в городе, детей часто заставляют работать, а еще чаще — просить милостыню. Кроме того, правительство пока не в состоянии открыть необходимое число школ на всей территории страны.

Наиболее важное условие развития Провинции свободы — орошение. Оно станет возможным в результате использования существующего ныне большого канала. В системе орошения предусматривается не только строительство целого комплекса каналов, водопроводов и артезианских колодцев, но и сооружение дождеваль-ной установки.

Развитие Провинции свободы, поскольку речь идет об обводнении пустынных земель, происходит довольно быстро. С 1953 по 1957 год, главным образом за счет выполнения этого проекта, фонд обрабатываемых земель в стране увеличился на 661 тысячу федданов. До конца 1958 года у пустыни должно быть отвоевано еще 166 500 федданов земли.

Однако это крупное мероприятие, а также множество других планов, направленных на повышение производительности сельского хозяйства и распространение современных методов земледелия, не решает проблемы миллионов безземельных. Решить эту проблему, по-видимому, могла бы только всеобщая и быстрая аграрная реформа.

При современном положении дел в Египте требуются еще величайшие усилия для того, чтобы в деревнях вдоль берегов Нила, среди плодородных полей, лугов, виноградников и дурмящих апельсиновых рощ каждая египетская мать могла обеспечить кров своему ребенку.

Много еще до того времени утечет воды в Ниле. А пока для детей Гамалат колыбелью будет корзина, крышей — синий свод небес египетской ночи, а лампой — мерцающий свет далеких звезд.

О ВОДЕ, В КОТОРОЙ КУПАЛИСЬ ГРЕКИ

Приближается к концу четвертая неделя раскопок в Телль Атрибе. Все мы тесно сжились не только с египетскими сотрудниками, но и со всем окружающим нас мирком. Единственное, к чему мы не в состоянии привыкнуть,— это климат. Зной все больше мучает нас. А ведь сейчас только начало лета, первые дни апреля.

Несмотря на это, темп работ на коме не только не ослабевает, но все усиливается, потому что, по-видимому, наши археологи добираются наконец до сути дела. С каждым днем приближается решение загадки кома.

Не раз я задумывалась, какая из технических проблем, возникавших у нашей экспедиции, была самой сложной. Все задачи были нелегкими, но две из них, несомненно, представляли наибольшие трудности. Первая — непрерывная борьба с подпочвенными водами, вторая — поиски места, куда можно было бы ссыпать землю из раскопа.

Вокруг территории раскопок находятся обрабатываемые поля, каждый квадратный метр — это дорогостоящая частная собственность. Никто из землевладельцев, естественно, не желал даже и слушать о временной высыпке земли на его участке.

Тогда профессор Михаловский решил использовать для этого участок ниже кома на уровне обрабатываемых полей, но на территории, не занятой сельскохозяйственными культурами. Сначала надо было раскопать этот участок и убедиться, можно ли туда безопасно ссыпать землю и нет ли там каких-нибудь ценных памятников, которые могли быть легкомысленно засыпаны.

Поиски оказались успешными: археологи наткнулись

на следы стен римского времени. Размеры кирпича позволили им датировать сооружение этих стен первым десятилетием господства Рима в Египте, т. е. двадцатью-тридцатью годами до нашей эры. Стены были покрыты тонким слоем водонепроницаемого цемента. Это обстоятельство указывало, что здесь имеются какие-то элементы водопровода или стока, представляющие определенный научный интерес.

Во время дальнейших раскопок ученые убедились, что они нашли сток длиной в несколько десятков метров. Сток имел наклон в одну сотую и поворачивал под прямым углом с юга на запад. Направление стока нельзя было определить сразу же, так как он шел по обрабатываемым полям, выходящим за пределы раскопок. Однако в нескольких десятках метров, на территории небольшой деревенской усадьбы, видны были следы фундамента какой-то большой постройки римского периода.

Необходимо было искать другое место для высыпки земли, так как здесь мы имели дело с памятниками древней архитектуры. Такое место профессор нашел с помощью раиса в старом, покинутом раскопе, несколько севернее, недалеко от нашего кома.

Зондаж участка, расположенного ниже кома, позволил обнаружить, вопреки ожиданиям, существование прослойки песка. В Дельте, которая, как известно, покрыта почти пятнадцатиметровым слоем ила, наносимого сотни тысяч лет водами Нила, песок встречался чрезвычайно редко. Небольшие песчаные пригорки имеются в Дельте лишь в считанных местах. Они восходят к доисторическому периоду, так называемому плейстоцену. Не был ли обнаруженный слой такого же происхождения? Этот вопрос долго обсуждался нашими археологами.

Сначала профессор Михаловский выдвинул гипотезу, в соответствии с которой песок привезли для того, чтобы в окрестностях Атрибиса искусственно создать некрополь, подобный некрополям эпохи Древнего и Нового царств — большим царским кладбищам, сооружаемым в пустыне. Гипотеза казалась тем более правдоподобной, что на расстоянии нескольких десятков метров от этого места, как было упомянуто выше, не-

сколько лет назад была найдена гробница царицы Тахут, жены Псамметиха II. Однако недели через две профессор решил отказаться от этой гипотезы.

Когда раскоп углубился на пять метров ниже уровня обрабатываемых полей, археологи очутились перед новой, самой серьезной трудностью. Раскоп стала заливать вода. Работы велись буквально в грязи. Порой вода низвергалась с песчаного пригорка целыми потоками, заливая рабочих и угрожая подмыть стены раскопа.

В *journal de fouilles* под датой 29 марта нахожу следующую запись: «После утреннего выкачивания воды обнаружены следы стены под слоем песка. В связи с усиливающимся притоком воды принято решение с завтрашнего дня использовать моторный насос. Видели несколько мелких кобр; Али Ибрагим вырвал им зубы».

Под датой 30 марта запись: «С двенадцати часов пущен в ход насос. Результаты незначительны, так как его засоряет песок».

Второе апреля было очень неприятным днем для всей нашей экспедиции. В этот день в нашем журнале сделана такая запись: «Попытки удалить воду насосом оказались безуспешными. От насоса отказались. Работы временно прекращены. Завтра попытаемся применить винт Архимеда».

От этого зависело все. А если и новое приспособление не оправдывает надежд? Дальнейший ход археологических работ оказался под вопросом. Но раис, убежденный в безотказном действии системы, применявшейся в Египте на протяжении 2300 лет, был полон уверенности.

Изобретенный великим греческим ученым Архимедом в III веке до нашей эры насос, называемый водяным винтом, представляет собой нечто вроде цилиндрического барабана, сбитого из досок. Внутри барабана находится сделанная из планок спираль. Один из рабочих вращает рукоятку, и внутренняя спираль подтягивает воду, перемещая ее таким образом на более высокий уровень.

И что вы думаете? Этот архаический винт оказался в нашем раскопе значительно более производительным.

чем все изобретения XX века. Тримя такими винтами воду из глубоких рвов откачивали на более высокие уровни, откуда при помощи каналов направляли на поля. Винты работали безупречно — раис торжествовал.

Критический момент миновал, и с тех пор археологи работали без препятствий.

На следующей неделе археологи нашли нечто такое, что весьма отличалось от загробной жизни древних фараонов.

Наша экспедиция обнаружила сооружение, которое явилось в полном смысле слова научной сенсацией. Оно дало наконец ответ на вопрос, о котором до сих пор умалчивала археология, но который интересовал всех ученых, занимавшихся раскопками на территории Египта, — какую воду пили в Египте греки, а затем и римляне?

Общеизвестно, что они не могли пить воду из Нила, так как в этой воде содержатся столь вредные для европейцев примеси, что она не пригодна даже для купания. Для того чтобы европейец мог выкупаться в Ниле, и не у берега, а в основном его течении, и чтобы он не страдал потом от тяжелых кожных заболеваний, требуются долгие месяцы акклиматизации. Между тем известно, что римляне пользовались в Египте не только питьевой водой, но и строили, притом, вероятнее всего, именно здесь, в Атрибисе, большие бани, так называемые термы. Воду для терм они должны были подвергать какой-то очистке. Как римляне это делали, выяснилось во время раскопок в Телль Атрибе.

Следы ступенчатых стен, каналы, стоки и резервуары, а также слои песка представляли собой элементы фильтров для очистки грунтовых вод. Все это сооружение, судя по форме высушенного на солнце кирпича, относится к позднптолемеевскому периоду¹. Однако и

¹ Птолемеевским периодом в истории Египта называется время, когда царями Верхнего и Нижнего Египта были потомки одного из полководцев Александра Македонского, Птолемея Лага. В 343 году до нашей эры Персия вновь захватила Египет. Но уже десять лет спустя персидская армия ушла из Египта под нажимом войск Александра Македонского. Александр был в связи с этим провозглашен освободителем Египта и «сыном бога Амона». После смерти Александра власть над Египтом захватил Птолемей Лаг.

в римский период, несомненно, производилась реконструкция и расширение терм.

Комплекс фильтров состоит из следующих частей. На глубине 4,7 метра ниже уровня обрабатываемых полей располагалась платформа из сушеного кирпича или утрамбованной глины. Над этой платформой — на расстоянии шестидесяти сантиметров — находилась вторая платформа из кирпичей, толщиной двадцать пять сантиметров. В свою очередь над ней была обнаружена значительно более тонкая третья. Между первыми двумя платформами находились прослойки влажного чистого песка, а на третьей платформе поднималась стена толщиной 1,75 метра с легким наклоном по обеим сторонам, следовательно, типичная египетская стена, не дававшая осыпаться песку.

К счастью, в одном из кирпичей этой стены был найден скарабей с надписью, которая позволила датировать стену позднептолемеевским или раннеримским периодом.

Южнее этого места наши археологи открыли уложенный ступеньками настил из сушеного кирпича, который покрывал верхнюю часть склона песчаного холма. Ступени этого настила частично ремонтировались обожженным кирпичом, толщина которого характерна для первых лет правления римлян в Египте. В одном метре восточнее северо-восточной грани этой ступенчатой конструкции был открыт римский колодезь того же времени, который доходил до уровня первой подземной платформы. Отверстие в юго-западной стене колодезя на глубине около четырех метров служило для черпания воды, которая проходила через прослойки песка, игравшие роль фильтра.

Размещение песка на нескольких уровнях, отделенных друг от друга платформами из кирпича, было вызвано необходимостью отрегулировать фильтры таким образом, чтобы вода просачивалась в колодезь в любое время года. Дело в том, что в зависимости от времени года воды Нила поднимаются или опускаются, а следовательно, меняется уровень грунтовых вод. Система нескольких платформ и главного резервуара с настилом в виде ступенчатой конструкции обеспечивала приток воды круглый год независимо от ее уровня.

Указанные соображения позволили нашим археологам утверждать, что обнаруженный в первые дни работы в Телль Атрибе сток фактически был водопроводом. Из фильтрующей установки водопроводы, вероятно, расходились по самым богатым домам Атрибиса, доставляя воду для питья и купания. Остатки римских бань были открыты еще раньше в восточной части кома. Все эти факты свидетельствовали о правильности первоначальной гипотезы профессора, что Телль Атриб был некогда большим купальным курортом такого типа, каким ныне стал для Каира Хелуан.

Естественно, что итоги нашей весьма краткой кампании — ведь она продолжалась всего лишь четыре недели — вызвали громадный интерес среди журналистских и научных кругов Каира. В последний день нашего пребывания в Телль Атрибе, когда мы должны были интенсивно готовиться к отъезду, к нам нагрянула масса гостей. Визиты нескольких египетских археологов, представительницы ЮНЕСКО Дерош Ноблькур, репортеров египетских журналов и гостей из Бенхи, которые обязательно хотели с нами пообщаться, фактически не давали нам работать.

А дел у нас всех оставалось немало. Пани Ева и пани Барбара укладывали сокровища из своей кладовой в три больших деревянных ящика, которые подлежали отправке сначала в египетский Отдел памятников в Каире. Все добытые во время раскопок предметы, которые археологи вывозят с территории своей концессии, должны быть переданы египетским властям для осмотра и распределения¹.

Профессор и магистр Анджеевский заканчивали расчеты с раисом и в последний раз выдавали заработную плату рабочим. Генрик Романовский и мохандыс наблюдали за тем, чтобы на коме все осталось в

¹ Должна отметить, что распределение находок оказалось для нас весьма удачным. Руководители Службы древностей Египта проявили большую благосклонность к нашей экспедиции и пожертвовали для Национального музея в Варшаве значительную часть найденных памятников. Лучшей нашей добычей является надгробная стела женщины Анхрен и коллекция безделушек, например, бусины от ожерелий, каменные фигурки, монеты, терракотовые статуэтки и изделия из фаянса.

сохранности до начала следующей экспедиции, предстоящей, вероятно, в будущем году.

Ввиду загруженности всех основных участников нашей экспедиции Кристине Михаловской и мне пришлось занимать запоздавших гостей и быть их гидами, хотя и на нашу долю оставалось достаточно работы.

Когда наконец мы попрощались с последним гостем — репортером популярного иллюстрированного каирского журнала «Аль-Муссалар», уже наступила ночь. В последний раз мы сели за общую трапезу в маленькой лагерной столовой, в последний раз Сенуси угощал нас своими изысканными блюдами. И несмотря на то что в эти дни мы с нетерпением ждали конца изнурительной работы на коме, теперь нас охватила печаль, как это обычно бывает после завершения любого большого труда.

Одно несомненно: наша археологическая экспедиция возвращается на родину не с пустыми руками. Мы сделали немало. Следующая экспедиция, безусловно, добудет новые археологические данные, которые помогут восстановить во всех подробностях открытые нами фильтры.

Во всяком случае мы можем гордиться уникальным в своем роде открытием, которое представляет большой интерес не только для египтологов. Оно является ценным вкладом в изучение техники древности.

Март — апрель 1957 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Через два года после того как на полках книжных магазинов Польши появилась моя книга, я получила из Москвы необыкновенно приятное известие, что она будет переведена на русский язык и издана в Советском Союзе.

В связи с тем что в течение этих двух лет Институт средиземноморской археологии Варшавского университета, руководимый профессором Казимежем Михаловским, провел много интересных раскопок и научных исследований на территории Объединенной Арабской Республики, я считаю своим долгом добавить к моей книге, посвященной в большей своей части работам польских археологов, ряд сведений, которые, наверное, заинтересуют советского читателя.

Начну с рассказа о дальнейших археологических раскопках, которые велись под руководством профессора Михаловского в 1958 и 1959 годах.

Вторая экспедиция в Тель Атриб (в 1958 году) была организована несмотря на то, что правительство ОАР запретило все археологические работы на территории Египта. В то время профессор Михаловский по приглашению правительства ОАР читал в Александрийском университете лекции по средиземноморской археологии. Поэтому ему удалось без особого труда получить разрешение продолжать начатые в 1957 году исследования. Согласно инструкции египетской Службы древностей, польские археологи должны были ограничиться на этот раз расчисткой территории раскопок.

План деятельности экспедиции на 1958 год был намечен профессором Михаловским следующим образом:

в течение четырех недель перекопать с севера на юг участок между восточной и западной стенами, на котором были найдены фильтры. Главной научной проблемой было определение территории действия фильтров и их конструкции.

В состав экспедиции вошли, кроме прежних ее участников, доктор Анна Садурская, магистр Барбара Гонсовская и магистр Альбертина Шудловская.

Работа началась 8 марта. Польские археологи разбили свой лагерь на том же месте, что и в прошлом году. Они были сердечно встречены жителями Тель Атриба — своими старыми друзьями.

Свои услуги предложили прежние рабочие; как и раньше, во главе их стал старый раис Хамед Фаид, взявший себе в помощь двух людей. Только «царство кастрюль» перешло в другие руки. Вместо моего приятеля Сенуси им завладели Насер, сын раиса, и внук раиса Фараг.

Сенуси, как мне сообщили, отправился в верховья Нила, чтобы стать там гидом. Гиды славятся хорошими заработками, разумеется, если они умеют обвести клиентов вокруг пальца и сыграть на их воображении. А, как я уже писала, Сенуси был в этом вопросе своего рода гением.

Истекший год принес жителям Тель Атриба некоторые перемены.

В семье Гамалат умерла старая бабушка, но зато родился еще один ребенок. Мать носила его завернутым в угол черной тархи. Старший мальчик в поисках работы отправился в Каир. Из соседней школы уволилось несколько учительниц, и там переменялась директриса. Нынешняя, кажется, имеет более прогрессивные взгляды на воспитание молодежи. Обо всем этом нам рассказали девушки, которые, как и в прошлые годы, часто навещали наш лагерь.

Одно только не изменилось — это зной днем, холод вечером, крик ночных птиц и опасность укуса змей.

Обремененный обязанностями лектора в Александрийском университете, профессор Михаловский не мог постоянно находиться в лагере. В это время его заменил магистр Тадеуш Анджеевский.

Раскопки часто посещали члены Египетского археологического общества, а также египетские студенты, которых привозил профессор Михаловский, чтобы проводить с ними практические занятия. Студенты говорили нашим археологам, что никогда еще профессор не читал так увлекательно, как здесь, а ведь он известен как один из лучших университетских лекторов в Польше.

Работы в Телль Атрибе, как это обычно бывает во время раскопок, кроме дополнительных данных, которые подтверждали выдвинутые в 1957 году гипотезы, принесли ряд неожиданных находок.

Копая в юго-западном углу главного резервуара, археологи нашли три маленькие золотые пластинки с выбитыми на них картушами. После тщательного исследования и расшифровки картушей оказалось, что это были так называемые жертвы закладки, которые клали в фундамент в самом начале строительства сооружения, чтобы увековечить имя его основателя. На золотых пластинках было начертано имя Яхмоса, называемого греками Амасисом, одного из фараонов XXVI династии, правившего во второй половине VI века до нашей эры.

Недалеко от того места, где были найдены эти ценные предметы, обнаружены также две фаянсовые пластинки, миниатюрная модель медной мотыги и три медные тарелочки, представляющие собой изображение плоских корзин для переноски глины. Предметы эти являются символами строительных инструментов. Обычно их закладывали в стены в память об окончании строительства.

Из мелких предметов, обнаруженных на территории раскопок, необходимо назвать прежде всего множество ценных терракотовых фигурок-карикатур, близких известным танагским статуэткам, наиболее полное собрание которых находится в Греко-римском музее в Александрии. Ими украшали частные дома, подобно тому как в XVIII веке для этого использовались знаменитые статуэтки из севрского фарфора, изображавшие очаровательных пастушек, напудренных кавалеров и дам в нарядных кринолинах.

Фигурки, найденные в Телль Атрибе, отличались

специфическим характером, свойственным раннеримской эпохе. Одна из них, например, изображала бога Беса. Другие фрагменты терракотовых фигурок представляли собой голову мужчины, торс женщины, бюст богини и т. д. Через несколько дней была найдена целая фигурка богини, по всей вероятности, Афины.

В числе мелких предметов в Телль Атрибе были обнаружены вещи, вызвавшие несомненный интерес: зеленый глаз из фаянса, скорее всего амулет, а также фаянсовый скарабей с надписью. Магистр Анджеевский установил, что эта находка датируется 1009 годом до нашей эры; на ней начертано имя первосвященника Амона, который узурпировал царскую власть.

Кроме того, наши археологи нашли большое число монет, которые пополнят нумизматические коллекции Национального музея в Варшаве; были найдены и римские монеты, в том числе монета императора Адриана, а также множество обломков стекла и керамики, относящихся к римскому и коптскому периодам.

При расчистке стыков стен, которые были частью фильтрующей системы, археологи нашли большое количество водонепроницаемого цемента, а также зеленые шиферные пластинки, которыми выкладывались стены и полы у римлян. В западном конце стен обнаружена также водосточная труба.

Все это дает возможность предположить, что здесь находились большие общественные бани; для них и были сооружены фильтры.

В заключение рассказа о результатах археологической экспедиции 1958 года мне хочется сообщить о замечательном событии — об открытии вблизи фильтров двух цилиндрических печей. Так как наши сведения о промышленности этой эпохи довольно скудны, эта находка, естественно, вызвала большой интерес.

Третья археологическая экспедиция начала работы в Телль Атрибе 16 марта 1959 года. Она должна была продолжать прошлогодние раскопки. Археологи работали четыре недели. Состав экспедиции несколько изменился; вместо магистров Гонсовской и Шудловской в ней приняли на сей раз участие магистры Барбара Филярская и Зофья Штетылова. Профессор Ми-

халовский стремился посменно включать в состав экспедиции как можно больше подготовленных им молодых специалистов.

Направление института, возглавляемого профессором Михаловским, получило во всем мире признание как варшавская школа средиземноморской археологии. Она приобретает все большую известность и признание на Востоке и на Западе. Воспитанники профессора Михаловского видят в его лице живой пример крупного ученого, который прививает своим последователям не только научный энтузиазм, но и принципы подлинного гуманизма.

Благодаря отзывчивому и чуткому подходу профессора Михаловского к людям, с которыми он сотрудничает, каждый приезд польской археологической экспедиции в ОАР вызывал рост благожелательных чувств по отношению к Польше.

Раскопки в 1959 году профессор Михаловский ограничил изучением слоя римского происхождения. Сделал он это по двум причинам: во-первых, чтобы обстоятельно исследовать открытые в 1958 году архитектурные конструкции, относящиеся к эпохе XXVI династии, а во-вторых, чтобы очистить расположенные над ними стены римского периода. Так как следы римских стен достигают средней части раскопа, было решено исследовать только их. Раскоп был разделен на два участка: восточный, где находилось значительное количество печей для обжига извести, и юго-западный, где было расположено какое-то сооружение из обожженного кирпича.

Как я уже упоминала, польская археологическая экспедиция обнаружила в 1958 году две цилиндрические печи из необожженного кирпича. В настоящее время подобных печей найдено четырнадцать. В начале исследований археологи предположили, что это два разных вида печей: для обжига извести и стеклодувные. Однако гипотеза оказалась мало правдоподобной, потому что разница в составе оставшегося на дне печей шлака была очень незначительна.

Скоупулезное обследование печей заставило профессора Михаловского прийти к выводу, что экспедиция имеет дело с печами для обжига извести и кирпича.

Как же выглядит такая печь? Это — кирпичное сооружение цилиндрической формы, причем в верхней части печи ее диаметр постепенно уменьшается. Высота печи — около двух метров. Снаружи она покрыта толстым слоем каолина, служащим не столько для укрепления конструкции, сколько для уплотнения ее внутренней части. В нижней части находится вентиляционный канал шириной тридцать и высотой восемьдесят сантиметров, ведущий всегда с северо-востока на юго-запад.

Входное отверстие канала расположено всегда с северной стороны. Таким образом, ветры, дующие в дельте Нила обычно с севера, обтекают внутренность канала и уходят через два отверстия с левой и правой стороны.

Куски извести располагались над очагом и над каналом, чтобы не затруднять циркуляцию воздуха. Наверху находились вентиляционные отверстия, через которые уходил углекислый газ.

Одна разновидность такой печи заслуживает особого внимания. Это печь, в которой имеется небольшое окошечко над отверстием канала. Во время обжига окошечко использовалось, по всей вероятности, для подбрасывания топлива или кусков извести. О подобных печах упоминали еще Витрувий и Плиний; в общем они повторяли сообщения Катона об аналогичных сооружениях I века до нашей эры.

Печи, найденные польской экспедицией, конструктивно более сложны. Столь сохранившиеся печи подобного рода впервые обнаружены в бассейне Средиземного моря. До сих пор их находили только в Швейцарии; они относились к значительно более позднему римскому периоду и были в очень плохом состоянии.

При датировке печей Тель Атриба польские археологи пользовались найденной среди кирпичей керамикой. Она свидетельствовала о том, что древнейшие элементы постройки относятся к I веку нашей эры, а новейшие — к коптской эпохе. Эта постройка состояла из частей, положенных одна на другую.

Окончательные итоги работ в Тель Атрибе были следующим образом изложены профессором Михаловским в рапорте властям ОАР: «Три археологиче-

ские экспедиции в Телль Атриб позволили нам получить правильное представление о характере этой территории и о ее ценности с точки зрения археологии. Она принадлежит к числу наиболее трудных для изучения районов из-за огромных разрушений, которые были произведены как в древности, так и в новое время, а также из-за отсутствия основательных исследований комплекса развалин, в котором раньше велись раскопки. Наш ком относительно беден находками, а надписей было чересчур мало, чтобы они могли дать ключ к датировке отдельных слоев и архитектурных сооружений. Тем не менее мне кажется, что Служба древностей Объединенной Арабской Республики должна обратить внимание на исследованное нами место, так как это — единственный памятник древнего Атрибиса, который дал Египту одного из величайших зодчих — Аменофиса, сына Хапу, придворного архитектора Аменхотепа III, фараона XVIII династии, и который в конце античной эпохи Аммиан Марцеллин считал одним из трех крупнейших городов Египта.

Наш ком расположен в ста пятидесяти метрах от основного шоссе, соединяющего Каир с Александрией. Здесь можно создать небольшой туристический объект, который напоминал бы экскурсантам о величии этого места в прошлом. Предметы, обнаруженные в нашем раскопе, а также остатки стен вокруг кома позволяют выдвинуть гипотезу, что мы обнаружили очень древние бани; ими пользовались от римских времен до арабской эпохи; кроме того, здесь же был центр древней промышленности (производство извести и кирпича).

Наиболее характерные элементы этого комплекса могут быть законсервированы. Мы приложим максимальные усилия, чтобы открыть и те части конструкции, которые до сего времени еще не исследованы.

Делая окончательные выводы, я должен подчеркнуть, что, по нашему мнению, необходимо обращать наибольшее внимание на поиски печей для обжига извести и кирпича, открытие которых позволило нам впервые в истории археологии выяснить на основании новых данных не решенные до настоящего времени научные проблемы».

Описав вкратце историю двух последних польских археологических экспедиций, я не могу обойти молчанием двух других событий, происшедших в 1958 и 1959 годах. Речь идет о польской экспедиции в Нубию для исследования храмов, которые будут залиты водами Нила после постройки Асуанской плотины, а также об основании профессором Михаловским в Каире постоянного Польского института средиземноморской археологии.

Описанию захватывающего путешествия в Нубию польских археологов под руководством профессора Михаловского была посвящена книга «Три восхода солнца», созданная мной совместно с Лехом Домбровским. Поэтому я не буду здесь писать о нем. Институт же в последние два года проводил исследование топографии улиц древней Александрии, исследование гробницы Рамзеса III в Долине гробниц в Фивах и раскопки в Западной Сирии на территории города Пальмиры. Объем этих исследований настолько широк, что каждое из них может послужить темой для отдельной книги.

Руководит институтом, естественно, профессор Казимеж Михаловский, который, однако, не находится там постоянно, а приезжает на время наиболее важных работ; секретарь института — магистр Тадеуш Анджеевский, генеральный архитектор — инженер магистр Лех Домбровский; оба они постоянно живут в Каире. Кроме того, в институте периодически работают эксперты и студенты, на три месяца приезжающие для этого в ОАР.

Сообщаю все эти дополнительные сведения советскому читателю, надеясь, что он не ограничится чтением моего репортажа, а захочет ознакомиться и с другими публикациями, касающимися работ польских археологов.

Зофья Ежеская

СОДЕРЖАНИЕ

Встреча с Каиром	3
Один взмах меча	10
Рамадан и Польша	19
Перед Сфинксом и пирамидами	29
Великая любовь «прекрасного сына Солнца»	42
Смоковница	53
Печальная песнь Саккара	67
Египетская «малярия» в Аль-Замалике	78
Семья из Старого Каира	86
Здесь рождается настоящее искусство	94
Атрибис — столица десятого нома	103
«Сколько ночей, сколько дней...»	113
Мой друг Сенуси	120
Столетняя вражда двух фараонов	127
Чай Кардаси у раиса	135
Ганеш	143
О египетской даме по имени Анхрен	150
Среди друзей madam Cristiana	160
Кафр ас-Серайя, деревушка над Нилом	166
О воде, в которой купались греки	177
Послесловие к русскому изданию	184

Зофья Ежеская

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ СО СФИНКСОМ

Утверждено к печати

*Редакционным Советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук АН СССР*

Редактор издательства *И. М. Дижур*

Художник *Е. Е. Смирнов*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Л. Ш. Береславская*

Корректоры *М. Н. Гарбер и Е. Г. Григорьева*

Слано в набор 23/VIII 1961 г. Подписано к печати 30/XII 1961 г.

Формат 84×108¹/₃₂ Печ. л. 6. Усл. п. л. 9,84. Уч.-изд. л. 8,97

Тираж 15000 экз. Зак. 1165 Цена 45 коп.

Издательство восточной литературы Москва. Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы

Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 45 коп.

иВл